Ирина
МАРТЫНЕНКО

ГРАНИЧНЫЕ ХРОНИКИ

В преддверии бури

FOLIO

Ирина Мартыненко
Граничные хроники. В преддверии бури

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9810453
Граничные хроники. В преддверии бури: роман / Ирина Мартыненко; худож.-оформитель Е. Д. Кононученко.: Фолио; Харьков; 2015
ISBN 978-966-03-7128-6

Аннотация

Этот роман для тех, кто хочет преодолеть притяжение Земли и очутиться в других Галактиках. И вот миры сменяются, как в калейдоскопе, где-то совсем рядом шумит Изнанка с ее вечными сумерками, доносится эхо Границы, а силы небес сошлись уже в неравной схватке с жителями Гильдии Ветра. Стихия обрушилась на Лабиринт, и только хрупкий щит защищает его от огненной бури да истинные путники, готовые противостоять надвигающейся угрозе. Они должны сделать что угодно, как угодно и где угодно, только бы не перестал существовать их мир, их дом. События сменяют друг друга, что-то уходит в прошлое, что-то только должно наступить. Всему свое время, счет идет на часы. Однако механизм запущен, и уже едва ли можно что-то изменить…

Содержание

В преддверии бури 4
Конец ознакомительного фрагмента. 204

Ирина Мартыненко
Граничные хроники.
В преддверии бури

В преддверии бури

6:30

Утро не задалось. Однозначно не задалось.

Теперь, сидя в общей столовой, Винсент пытался понять, что же его так терзает. Вот только никак не мог уловить первопричину сего нехорошего предчувствия. Такого глобального и, в тоже время, неопределенного невезения, тенью преследующего его по пятам с того самого момента, как пареньку удалось сегодня открыть глаза.

Дело даже не в том, что наступающий день грозил ему особыми муками, серьезными хлопотами или чем-то еще, по-особому неприятным, из-за чего его поскорее следовало заранее вычеркнуть из безликого календаря жизни. Нет, все было не так. Совершенно не так. Подобные дни Винса никогда не тревожили, потому как он редко терял присутствие духа. Прибавить еще к этому своеобразное чувство юмора,

довольно прагматичный взгляд на жизнь и уже не удивительно, что мир, в котором жил этот истинный путник, все же не довел его до ручки.

Вот только этим утром он явно ощущал себя не в своей тарелке. Причина же подобного крылась за гранью его понимания. Или Винсент все-таки что-то упустил? Слишком рано встал? Но нет. Подъем был обычный. Точно по давно установленному расписанию. Он даже проснулся раньше будильника. Долго лежал и ждал, когда тот подаст свой неприятный голос, но за несколько мгновений до того, как услышал дребезжащий звон, передумал. Отключил. Опять чуть не заснул. Такое тоже не редкость, особенно поутру. Но даже тогда он смог перебороть себя и подняться. С трудом, конечно. Но все же… Это скорее дело привычки. Ни больше, ни меньше.

Глядя на себя в зеркало в ванной, паренек с трудом пытался вспомнить то, что еще недавно ему снилось. Не давало покоя всю ночь. Всю эту долгую ночь.

Но не смог.

Винс тогда по глупости решил обмакнуть лицо в холодной воде, пытаясь хоть как-то освежить мысли и прийти в себя ото сна. Студеная влага заставила его ненадолго кристаллизовать и сосредоточить внутреннее внимание. Но оно ускользнуло, стоило лишь каплям стечь по теплой коже. Глаза вновь непроизвольно закрылись, и путник пришел к неутешительному выводу, что если он не предпримет более

действенные средства, то заснет прямо там, где стоит, либо же, свернувшись клубочком, на полу ванной или даже в ней самой. Это зависит от того, насколько ему хватит сил, и от меры его собственной сонливости.

Понимая всю незадачу своего положения, Винсент решил предпринять более радикальные меры.

Открыв холодную воду на всю мощность, паренек, не задумываясь, подставил под шипящую струю воды собственную голову. Точно в прорубь по зимней стуже. Ему даже показалось, что в вырвавшемся потоке остались кусочки льдинок, которые так и не успели растаять. И вот пронизанное морозной свежестью и эхом талых полярных льдов мощное течение вырвавшейся из глухого плена труб воды заставило его прийти в себя уже за какие-то мгновения.

Пытаясь увернуться от неприятного холода, он инстинктивно поднял голову. Ударился о смеситель крана. На мгновение застыл под непрекращающимся потоком воды. Зажмурился, ощущая далекое болезненное эхо, потом почувствовал, как в нос ударил неприятный запах соли. Не хватало ему еще по-глупому захлебнуться в собственной раковине. От такой мысли истинного передернуло. Он попытался закрыть вентиль. С первого раза не получилось. Лишь погодя Винс кое-как завершил неудавшееся действие, после чего он все-таки смог ощупать полученную ссадину. Небольшую и скорее всего даже незаметную, но крайне неприятную.

Едва сдерживая лавину рвущихся наружу ругательств, па-

ренек вновь открыл кран. На этот раз решив обойтись без привычного энтузиазма. Винсу и так хватало в жизни неприятностей. В подтверждение его мыслей на затылке неприятно засаднило, и путнику пришлось опять опускать голову под воду до полного оцепенения. Лишь уняв неприятную боль и окончательно замерзнув, он вновь распрямился. В этот раз намного более осторожно. Знал на собственной шкуре, какие могут быть последствия самой обычной невнимательности.

Еще раз глянул в зеркало, привычно рассматривая свое отражение.

Мокрый, с похожими на сосульки темными волосами, по которым ручьями стекала вода, он с трудом смог разлепить запутавшиеся еще ночью колтуны и взглянуть на свое посиневшее от холода лицо. Если же учитывать его природную болезненную бледность и запавшие, от постоянного недосыпания, красноватые глаза, то зрелище выходило не самое приятное. К тому же, зубы Винсента все еще непроизвольно стучали, а он, как ни старался, так и не смог унять неприятный утренний озноб.

Начало новому дню было положено неудачно.

Паренек попытался утешить себя надеждой на то, что сегодня просто не его день. Правда, самовнушение никогда не было его сильной стороной. Скорее наоборот. Он вновь закрыл глаза, помассировал пальцами веки, на секунду попытался собраться. Вздохнул. Абсолютно бесполезное заня-

тие. Память о недавних событиях саднила на затылке. Она обернулась порядочной шишкой, набухшей, несмотря на все приложенные им усилия. Экая досада. Последовал еще один вздох.

Оставив прошлое в покое и почувствовав утробное урчание желудка, Винс переключил свое внимание на более насущные темы. Пускай вся эта неприятная утренняя история остается где-то там – в далеких закромах прошлого, но вот забыть об остывающем перед глазами завтраке – уму непостижимое кощунство.

Нетронуто привычное меню, к которому он никак не мог решиться приступить. Глазунья, хорошо прожаренная, приправленная солью и базиликом, смотрела на него с тарелки своими желтыми, абсолютно безликими глазами. Таким взглядом его порой удостаивали покоящиеся в подвалах мертвецы. Может, потому он так любил ее? Кроме глазуньи на подносе покоится небольшая тарелка со свернувшимся от жарки тонким куском ветчины, на котором ярким пятном алел синтетический кетчуп. Рядом с ним, россыпью жутковатых бусин, примостился зеленый горошек. Сморщенный, взлохмаченный паром после долгой сушки.

Несмотря на внутренние ощущения, в окружающей его действительности все вроде текло своим обычным чередом. Немного успокоившись от этого безумного изучения содержимого собственных тарелок и поборов внутренние терзания, Винсент привычно подловил себя на том, что думает

о своем нынешнем доме. Об огромном многомерном Лабиринте, гигантским спрутом лениво перебирающим свои многочисленные щупальца, соразмерено двигаясь по извечным своим маршрутам, едва ли имея какую-то систему, но вот цель – непременно.

Очередной стандартный день, избитое меню и его собственное четко упорядоченное расписание. Истинный путник любил жить в собственном отлаженном ритме. Таком привычном и до наивности банальном.

Он даже не заметил, как чисто автоматически начал остервенело крутить пальцами жесткую металлическую вилку. Его взгляд все так же бесцельно блуждал над нехитрым завтраком, когда напротив подсел еще один человек.

– Привет, Винс, – раздался радостный возглас.

Паренек оторвался от своего занятия, положив рядом с собой замученный столовый прибор, поднял голову и скептически оглядел подсевшего к нему за стол новоявленного соседа.

Сверстник. Вечно растрепанный и лучащийся невероятной энергией, точно светлячок. На лице его эмоции так быстро сменяли друг друга, что порой невозможно было сказать в целом, каково же оно, его настоящее настроение.

Винсент всегда поражался особому умению своего друга производить максимум возможного шума в любом месте, где бы тот ни находился. Была ли это столовая, лаборатория Брая, мастерская Соши или личный кабинет Катарины. Для

этого человека все было едино. Он всегда, где бы ни находился, умудрялся что-то задеть, зацепить, нажать, потрогать, практически разбить, а потом с безумно наивными глазами говорить, что, дескать, он не виноват, оно само так сделало.

Вот и сейчас, шумно усаживаясь возле паренька, его друг с особым умением грохнул своим жестяным подносом по столу. Хотя путник инстинктивно понимал, что́ может произойти, но все равно, неожиданно даже для самого себя, немного зажмурился, словно кот на солнце.

– Хм, – задумчиво протянул новоявленный сосед, оглядывая поднос, полный разнообразными жидкими веществами, которые от безалаберного обращения с ними даже не думали разлиться.

– И тебя с добрым утром, – все же выдавил истинный, несмотря на внутреннее ощущение пустоты из-за неясного разлада в его личной действительности.

– Ого, – возвел глаза к потолку сосед. – Похоже, сегодня ты не в духе. Не с той ноги встал?

– А что, существует та самая нога, которая за все отвечает? – не смог сдержать себя Винс. – Надо же, а я даже не знал.

– Значит, опять читал на ночь глядя какую-то злобную книжку из арсенала твоей наставницы, – добродушно отозвался на выпад его друг.

– Даже не думал, – фыркнул паренек. – Уже давно ничего не читаю.

– Ого, а я все голову ломал, чем обернется для тебя спор

с Арталой. – Сверстник Винсента, в отличие от своего друга, умудрялся нормально говорить даже с набитым ртом. – Я тебе сколько раз говорил, что его невозможно переспорить. Единственный человек, который хоть как-то может уесть его красноречивую и любознательную душу – Анарин.

– И это тоже, – протянул Винс и все же решился проглотить уже не совсем горячий завтрак.

Размеренно пережевывая теплую еду, он в очередной раз поразился тому, как быстро и как много исчезает и умещается в желудке его друга. Порой трудно было понять, какие мысли одолевают Нианона, а это был не кто иной, а именно он.

– Опять культурно?

– Еще бы, ты же его знаешь, – последовал тяжкий вздох. – Он по-другому не умеет.

– Сумасшедший джолу. Я все время прозреваю, когда он начинает с кем-то из других Гильдий беседовать.

– О, да.

– И они его еще слушают, а самое главное – пытаются понять всю глубину его полемического словоизлияния.

– Пользуешься словечками из арсенала Арталы, Ной? – невольно усмехнулся Винсент.

– Иногда… Честное слово… Я исправлюсь… – внезапно он, чуть ли не вскочив и широко раскрыв веки, с надеждой в голосе заговорил: – Посмотри в мои честные глаза!

От такого зрелища путник, не сдержавшись, засмеялся.

Что-что, а глаза у Нианона были огромными и призрачно голубыми, а главное – по-детски невероятно наивными, точно человек, обладающий ими, до сих пор искренне верил в чудеса, безграничное созидательное волшебство, мир без голода и войн и еще во что-то доброе и светлое, вроде сладкой манной каши, ждущей его каждый вечер дома на столе. Вкупе с черными косматыми бровями эффект был просто замечательный, ведь волосы-то у его соседа были не под стать им, мягкие и льняные.

Внешность выдавала в друге Винсента выходца Приграничья. Такого особого места, где у каждого его обитателя дедушкой мог быть отважный эолфский пират, прабабкой беглая алегийская аристократка, а родителями и вовсе авантюристы из Элессии. Эдакое буйное смешение кровей отразилось на способностях Нианона. Едва ли он, обладая такими шумными предками, мог бы похвастаться обычной и скромной жизнью, привычной для большинства жителей Третьего мира.

Как бы не так! Этого юного эмпата каким-то чудом занесло в Лабиринт и не куда-нибудь, а в одно из самых его странных мест, и теперь этот патлатый, извечно бледный тип, едва ли не каждое утро, кроме тех, которые по своему обыкновению просыпал, разделял свой завтрак в столовой за одним столом с Винсом. Тот был не прочь такого соседства, но порой и ему приходилось браться за голову и проклинать свою судьбу, сведшую его с таким немного безумным и весьма

бесшабашным персонажем, о раздолбайстве которого можно было складывать легенды. Конечно, они не обросли тем количеством присказок и домыслов, как истории многих местных путников, но Винсент явно видел, что у его друга все еще впереди. Маленький рост, хрупкость телосложения вряд ли станут помехой в достижении столь сомнительной славы. Даже то, что он все еще находился на обучении у собственного родственника, нисколечко не мешало ему изводить окружающих его жителей Гильдии Ветра.

– Не верю!

– Ты не веришь будущему мастеру Пути? – обиженно возопил эмпат. – О, коварная Изнанка, что ты делаешь с нынешним поколением…

– Если тебя произведут в мастера, я застрелюсь.

– Что, правда?

– Нет.

– Какая досада…

Винс промолчал. Он прекрасно знал, что Нианон, как и Артала, мог вести диалоги до бесконечности. Пока язык не отсохнет, но и тогда все равно он будет давить на тебя своими эмпатическими замашками. Единственный, кому он уступал в этом сомнительном таланте, был их общий друг джолу. Удивительно, что эти двое никогда не могли нормально друг с другом поговорить. Им проще было совершить панибратскую эвтаназию, чем отыскать понимание в собственных глубокомысленных лабиринтах.

Обычно паренек считал, что появление Нианона за завтраком – это добрая примета. Тот всегда мог привести чувства истинного путника в ощущение невыносимой легкости бытия, после чего даже самый сложный день проходил легко и просто. Жаль, что подобное происходило не каждый день.

– Кстати, видел вчера Лакану, она о чем-то ожесточенно спорила с Сигурдом. Разрывалась, можно сказать. Рвала и метала. А наш общий знакомый спокойно внимал ее пресыщенной эмоциями речи. Могу поспорить на что угодно, что к такому ее поведению как-то косвенно привязан ты. Что вы опять морг не поделили?

– Есть такое.

– Обожаю твою лаконичность, Винсент.

– Не начинай… Прошу, Ной.

– Дружище, – начал тот, задушевным голосом копируя древнего сказителя, – я вижу, что над тобой багряным цветом нависли тяжелые тучи, и слышится мне близкое эхо могучей грозы, что силой своей равна тысяче древних гигантов! Втеснится она в твою грудь, и станешь ты похож на сумрачную пепельную землю, что лежит под чернильным небосводом на долгие лета! И опасен ты станешь и темен сутью своею, ибо в непроглядный мрак опустится твоя душа! И не станет более ни тебя, ни твоей печали – лишь черная мгла кругом. Оттого, коль не хочешь сей стези себе, поведай мне, странник, о той тягостной доле, что обузой коварной служит тебе.

Винс, выслушав цветистую тираду друга, едва ли мог не улыбнуться хоть краями губ.

– Кажется мне, ты перечитал поэм, о доблестный рыцарь, – в тон ему ответил паренек.

– О странник, друг мой милый, не стоит речь подобную вести, коль падок ты на легкую добычу слухов. Я скромный рыцарь лишь, и знать подобное мне сердцем повелено давно. Коль духом я отважен и люто храбр душою, то понимать я должен вещи, что у подножья гор обрывистых лежат.

– Да ну?

– Что ж ты сомнение в словах моих ищешь, о странник? Ведь знаю я: в душе твоей глубокими следами тени залегли.

– Ной, прошу тебя…

– Эх ты, не любишь ты старый слог, – со вздохом заявил Нианон и уже нормальным языком продолжал: – У тебя в душе разлад, и это несмотря на то, что вы только недавно с Анарин из Вермии вернулись. Там же сейчас самая идеальная погода, да и городок отменный. Сам же говорил – как у ветра за пазухой. Конец весны – начало лета. Тепло. Я так хорошо твою довольную рожу запомнил, такой замечательный настрой едва ли кто-то так быстро испортить мог. Одна ночь прошла, и ты сам на себя не похож – разве что на собственного подопечного или еще какое-нибудь унылое подземное существо. Сам же совершенно пофигистично отнесся к тому, что твоя наставница не стала тащить тебя в несусветную даль населенной ойкумены. Значит, что-то иное… Неужели

влюбился?

– Да ну тебя, – попытался отмахнуться от любопытного друга Винсент. – Ты бы еще предположил, что я наконец-то осознал, что в лице Арталы потерял единственного разумного собеседника, а блистательная Ванага как раз та единственная любовь.

– Ого? Я даже помыслить не мог, что ты и Ванага… О, – возопил Нианон и, видя убийственную мину своего собеседника, как ни в чем не бывало продолжил: – А я-то надеялся, что смогу заменить для тебя нашего архивариуса и ты лишь о неразделенной любви переживать будешь… Неужели ветвь первенства навеки будет принадлежать лишь джолу?

– По моим меркам, – наставительно ответил Винс, – ты не такой умный, однако весьма сообразительный. Знаешь, ведь по нынешнему времени это гораздо важнее.

– Неужели? Прими мою благодарность. Я польщен до глубины души! – посмеиваясь, ответил его друг и уже более серьезным тоном сказал: – Вот только ты так и не ответил на мой вопрос. Думал, небось, что в высокой траве тропинки не видно. Не угадал.

Пронзительный взгляд прозрачных светлых глаз ввинтился в самое нутро Винсента, и даже лучистая безобидная улыбка не сбивала с толку путника. Он знал на собственной шкуре, как порой бывает опасен его друг, потому понимал: лучше выложить все сразу, нежели молчать до последнего. Нианон ведь, если ему будет интересно, все равно все узнает.

Такой уж он человек. К тому же Винсу все равно надо было кому-то выговориться.

– Медикаменты… – глухо произнес он через какое-то время.

Юный эмпат, залпом допив свое какао, шумно глотнув и со стуком поставив кружку на поднос, удивленно выгнул бровь.

– Медикаменты?

– Точно.

– С ними что-то не так?

– Нет.

– Нет?

Нианон слишком хорошо знал Винсента, чтобы верить таким его словам, но также он знал, что вытаскивать что-то силой из этого человека намного сложнее, чем даже просить Сошу о замене фильтров на компрессоре в ее собственном ангаре.

Он не был телепатом и не мог проникнуть в мысли своего друга. Правда, и эмпатических способностей ему целиком хватало. Сейчас Нианон чувствовал легкую растерянность друга, какую-то неуверенность и что-то еще. Что-то непонятное, сокрытое где-то в глубине души. К тому же его аура.

– У тебя завихрения, кстати, – заметил словно бы невзначай эмпат.

– Завихрения? – слова собеседника вновь отвлекли Винса от собственных мыслей.

– Ага, такие круговые, похожие на маленькие буранчики. Только вывернутые шиворот-навыворот. Смешные такие… В ауре я имею в виду, – видя непонимание на лице друга, пояснил Нианон.

Хотя эмпат в общем-то даже не видел эмоций паренька, он просто чувствовал их. Непроизвольно осознавал, что терзает душу сидящего напротив него человека.

Нианон слишком хорошо знал, что Винсент не был падок на внешние проявления овладевающих его чувств. Для него обычные эмоциональные всплески – это что-то невероятное, выходящее из нормального ритма его жизни. Из-за этой своей черты он порой видел осуждение в глазах знакомых, но никогда не проявлял к их мнению никакого интереса. Такой уж он был человек.

– Слушай, – попытался перевести тему эмпат, – а ты будешь на испытаниях? Вроде на сегодняшнюю дату назначен пробный полет «Эллиса». Мне, если честно, хотелось бы глянуть на новое творение Сохиши Шиско. Она невероятный конструктор. У нее такие творения, что дух захватывает. Я порой даже жалею, что пока не могу стать пилотом одного из них… Ты ведь знаешь, что Шиско официально передала свои обязанности Араде. Хотя о чем я говорю – об этом уже все знают. Я, конечно, ничего не имею против нее, но все же до гения Соши ей еще очень далеко. Но, в тоже время, вроде сие творение полностью и абсолютно заслуга эолфки. Кто-то из механиков мне как-то обмолвился, что Шиско вроде

в своей новой разработке за основу взяла старые технологии. Ее новый крылатик был построен, опираясь на практику древних межпространственных кораблей! Ты представляешь! Тех самых, что обладают настоящим сердцем! Самой Эос! Говорят, на сегодняшних испытаниях будут даже делегации от миротворцев и парочка исследователей из управления инженерии. Представляешь?

– Да? – безучастно поинтересовался Винс.

– Ну да. Все-таки это необычный крылатик. Межпространственный! Вот только миротворцы вроде высказали желание предоставить нам пилотов. Понимаешь! Их пилотов для нашего крылатика! Нашего межпространственного крылатика!

– Неужели? – его не слишком падкий на эмоциональные всплески друг все же понемногу начал прислушиваться к яростным словам, звучавшим из уст соседа. – А им не кажется, что у нас и своих пилотов хватает?

– Вот именно, – кивнул его друг. – Им так не кажется. Они думают иначе, а вместе с ними так же думает и Катарина, – добавил он немного тише.

Нианона радовало, что этот истинный путник, сидящий напротив, постепенно оживал. К тому же практика в его профессии была серьезной необходимостью.

– И Ласточка с Бором не против? – выразил свое удивление Винсент. – Я имею в виду, они, что, вот так все и оставят? Это я уже не говорю о Соше… Не думаю, что ее обра-

дует подобная мысль.

– Это точно. Думаю, сегодня случится что-то невероятное.

– Одним словом – ничего хорошего, – подытожил свои мысли темноволосый паренек.

– Почему это?

– Потому что мне не верится в подобную чушь, – ответил ему Винс.

– Не думаю, что это чушь или какой-то бред. Просто наша правительница поступает по своему усмотрению, как всегда не учитывая мнения окружающих, – пожал плечами Нианон. – Это ведь ее официальное распоряжение. Так сказать, жест доброй воли к сотрудничеству с другими Гильдиями. Мы же дружелюбные союзники. Не думаю, что ты успел забыть этот досадный момент.

За небольшой промежуток времени весь завтрак эмпата планомерно исчез в логове его желудка. На столе остались лежать лишь груда наложенных друг на друга пустых тарелок и не менее пустых стаканов. Истинный всегда удивлялся ненасытности своего щуплого и вечно голодного друга.

Уже вставая с удобного стула с подносом, полным посуды, Нианон словно впопыхах добавил, указывая куда-то вбок:

– Вот только знают ли об этом решении Катарины наши пилоты, да и сама Соша?

Винсент не успел ничего ответить на реплику Нианона. Его недавний сосед уже ускользнул. Видимо, направился по

каким-то своим делам. Ушел так же быстро, как недавно появился. Пареньку оставалось лишь закрыть немного приоткрытый рот, заставив готовые было вырваться слова подождать другого раза.

Затем, прикрыв глаза, он отхлебнул немного остывшего чая.

6:45

Общая столовая на Нужном этаже – странное место. Странное и невероятно старое.

Говорят, в ней был подписан судьбоносный Мирный Договор, стоявший у истоков всего ныне существующего в Лабиринте, а теперь отправленный на вечное хранение в тихую гавань Старого архива. А иной раз плетут тихую речь о том, что именно в этом месте были остановлены вражеские войска во времена едва ли кажущейся сейчас реальной Первой Волны, вроде бы даже именно тут проходил, после этого, тот самый Великий Пир. Еще нашептывали, что негласный раздор некогда произошел тут, а вслед за ним и Великое Разделение Гильдий. Правда, ни один из ныне здравствующих правителей не подтверждал подобные слухи, но и опровергать отчего-то тоже не стремился. Так что, может, все эти истории и выдумки, оставшиеся лишь мифическими присказками на устах у жителей Лабиринта, а возможно, и не совсем так.

Как бы то ни было, в этом самом месте, в совершенно разное время, произошло столько невероятных встреч, повлиявших на судьбы множества живых существ, что от одной подобной мысли порой просто становится не по себе. Хотя, возможно, по большей части все это очередные басни, но ведь порой и они имеют под собой какую-никакую, но весьма настоящую борозду.

Удивительно, как точно здесь можно было различить неспешный ход времени и как забавно было понимать, что оно действительно есть. Без солнечного света и белого дня, что остались так далеко за плотными Туманами, без звездных ночей и разнообразно серых сумерек, пропавших где-то еще дальше, порой становилось так однообразно скучно блуждать по несметным проходам и галереям подземного мира, видеть, как медленно уходят один за другим дни, лишь иногда, глядя на совершенно пустое, освещенное древней магией небо поверхности. Здесь же всегда можно было пусть и не увидеть приятный взгляду золотисто-лазурный восход, но хотя бы ощутить в душе, как медленно катится солнечный диск по лучезарному небосводу.

Оттого для многих общая столовая знаменует начало дня, да и его окончание тоже связывают с ней. Как впрочем, и многие другие события переплетенных здесь в тугой клуб жизней. Говорят, тут рождается радость так же часто, как и грусть. Порой тут даже бывают реальные сражения. С кровью, дребезжанием хладной стали и вспышками магическо-

го огня вперемешку со свистом серебряных пуль. Немыслимые и самые что ни на есть настоящие баталии. Иногда со смертоносным оружием, но в большей мере просто в сердцах местных обитателей. Общая столовая – эдакая отправная точка для всех, но в то же время ни для кого. Точный пунктир в граничащих друг с другом линиях судеб.

Но самое главное достоинство сего заведения заключалось в том, что оно было единственным в своем роде утолителем жажды для страждущих и голода для оголодавших во всей Гильдии Ветра, ну или, как обычно ее наименовали местные, – просто Пути. Авторитарная держава питания на бескрайних просторах некогда одного из самых оживленных мест в Лабиринте, а ныне чуть ли не самой пустынной его части. Как пересохшая в зной река. Некогда могучая и полноводная, однажды она стала мельчать и усыхать, превратившись в едва заметный ерик.

Что бы там ни было в прошлом, но нынче Дэзмунду Смитту это место приходилось по нраву. Так что о каком-либо другом он даже и не раздумывал. Для него совсем хорошо было бы, если б все оставалось так, как есть, и не иначе.

С напускным безразличием окинув взглядом холл общей столовой, он сразу же заметил своих подчиненных. Те сидели за столом и тихонько переговаривались. До серкулуса доносился их приглушенный смех.

Да, смены сменяются. Одна приходит на место другой. Ночная сменяет дневную. Как день сменяет ночь. Только

здесь обе смены обычно встречаются. Каждое утро и каждый вечер. Общаются. Перешучиваются. Каждый день – точно часы.

Вот и сейчас так. Начальник дневной смены сидел рядом с начальником ночной смены и сержантом запаса. Они оживленно беседовали, и до ушей Дэза доносился практически весь их разговор. Обычное дело для такого утра.

– А та девчонка хороша, – заметил огромный коротко стриженный детина.

– Да, хороша, – мечтательно подтвердил сидящий напротив него светловолосый носастый тип, явно родом откуда-то из Приграничья.

– Отличная девчонка, вот только дрянца в ней многовато, – хмыкнул широкоплечий тролль.

– Какое там дрянцо, – обиделся детина. – По мне так она хороша, убийственно хороша.

– Мы говорим об одной и той же девчонке?

– Не знаю, о какой говоришь ты, Сталист, но я говорю о своей Луночке.

– О Лутине из отдела надзора? Ты в своем уме? Она ж миротворец!

– Ну и что с того, – обидчиво произнес детина, глядя на расщелины в каменноподобной голове тролля.

– Так вы фетишист, батенька? – не преминул подколоть товарища выходец Приграничья.

Немного неуклюжий тролль с шумом зашевелил пальца-

ми. Это плохой признак. Дэз не любил, когда Сталист шевелил своими каменными пальцами.

– У нас на сегодня задание.

Дэзмунд Смитт быстро подошел к троим готовым уже вот-вот сорваться с цепи ребятам. Его подчиненные едва ли удивились неожиданному приходу начальника. Он был известным выдумщиком на подобные «внезапные» появления. Да и не удивительно. После стольких-то лет полевой практики по переходам и работы проводником. Хорошо, что его появление свело на нет едва возникший спор, да и охладило пыл самих его подопечных. Он прекрасно знал их: и вспыльчивого начальника дневной смены Сталиста, и более спокойного его сотоварища – начальника ночной смены Ацту. К тому же еще и Андрейко – человека, находящегося на особом счету у Катарины, отчего и гордо именовавшегося сержантом запаса. Дэзу порой приходилось пользоваться его способностями, но не его головой точно.

Серкулус обвел глазами своих, в мгновение ока притихших подчиненных. Да, они прекрасно понимали, что с начальником, особенно таким, как он, шутки порой бывают недопустимы и особенно, когда у того с самого утра напрочь испорчено настроение.

– У нас сегодня делегация, – обратился Дэз к своим подчиненным.

– Ого, – мгновенно заинтересовался детина.

– Союзнички что ли? – подал голос тролль.

– Опять миротворцы? – спросил светловолосый, а затем сам же и ответил: – Ну да, кто еще кроме них.

Дэз кивнул, вновь призывая своих ребят к тишине, хотя в таком месте, как это, потуги серкулуса были слишком уж самонадеянными.

Когда его ребята немного поутихли, он продолжил:

– И они тоже, Ацту, а также кое-кто из исследовательского центра проявил интерес к сегодняшнему событию. Многие будут из руководства.

Говорил он это тихо, так тихо, чтобы никто из случайных посетителей столовой, в случае чего, не мог бы передать его слова. Хотя о чем это он, здесь подобное никому в голову не придет. Это же Путь.

– Ого, видимо, госпожа правительница решила поиграть со своими подопечными, – достаточно громко заметил детина, за что заработал шиканье от обоих товарищей, Дэз ограничился лишь убийственным взглядом.

– Не знаю, что решила госпожа Катарина, но знаю, что если начальник дневной смены сегодня не сможет нормально обеспечить испытание новенького птенчика Соши и не успокоит наших пилотов, то он еще не такое получит. Это касается и тебя, Андрейко. Поможешь сегодня Сталисту. Ацту, ты выходной.

– Выволочку, сэр? – вмешался тролль.

– Именно ее, – кивнул Дэз. – А сейчас прочь с глаз моих и чтоб все было готово к десяти.

– Слушаемся, серкулус Смитт!

Начальник дневной смены и сержант запаса, привычно отдав Дэзу честь, ринулись вести неравный бой за великую миссию, но скорее просто решили довериться инстинкту самосохранения. И если Сталист делал это осознанно, то Андрейко – просто за компанию.

Буквально через минуту послышался злобный визг. Видимо, сержант запаса все же опять забыл поставить свой поднос на место, решив отбыть на выполнение миссии прямо вместе с ним. Дэзмунд Смитт внутренне улыбнулся. Не то, чтобы он не любил сержанта, просто… Просто ему симпатизировал этот маленький лысый гремлин Ванаги.

– Ну, я пойду, серкулус, – обратился к нему, с трудом сдерживая рвущиеся наружу зевки, сонный начальник ночной смены.

– Ах, да, конечно, ступай, – кинул тому серкулус.

Ацту в ответ тоже качнул головой и направился вслед за удалившимися сослуживцами. Дэз без особого интереса проводил его взглядом. Вздохнул. Уж что-что, а разговорчивость начальника ночной смены он никогда не любил, потому и поставил его на нынешнюю должность. Лучше видеть его спящее на ходу тело, чем внимать безостановочному трепу.

Серкулус Дэзмунд Смитт откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и по инерции потянул к себе коробочку с плюшками. Ванага все-таки мастер выпечки, и не отведать ее фир-

менных плюшек на завтрак было сродни форменному преступлению. Он прожил достаточно долго, чтобы понять: лучше хорошей плюшки за завтраком на этом свете нет ничего. К тому же лишь утром Дэз намеренно ел сладкое, так как в оставшуюся часть дня он себе подобных вольностей не позволял. Не потому, что фигуру берег, а потому, что напрочь забывал.

Серкулус пригубил горячий черный кофе. Совсем немного. Лишь для того, чтобы ощутить аромат, а не утолить жажду. Хотя теперь Дэз и остался один на один с собой, но он прекрасно понимал, что в общей столовой на Нужном этаже одиночество ему не грозило. Не то чтобы здесь было как-то по-особому шумно или людно. Нет. Просто тут всегда кто-то был. Вот и смены поменялись местами, а жители Гильдии Ветра просыпались и засыпали, чтобы однажды, выбравшись из оков подземного лабиринта, прийти сюда за недорогой, но качественной едой. Традиция. Хотя скорее необходимость, ведь вряд ли кто-либо из местных решится ради своего кровного пайка подняться на Верхние этажи, да и дома готовить тут не принято. Дэзмунд Смитт работал и жил в Пути очень долго и все же так и не смог припомнить какого-либо момента, когда в этой общей столовой было бы по-настоящему пусто.

Так и сейчас, хотя и было ощущение некой безлюдности, но оно казалось каким-то ненастоящим, обманным.

В такие часы, между новым днем и прошедшей ночью,

он любил наблюдать за все еще полусонными, как ни крути, посетителями. Может, природная наблюдательность и была в такие моменты ненужной обузой, но серкулусу нравилось приглядывать за всеми здешними утренними постояльцами и теми, кто в силу тех или иных причин оказался здесь случайно.

Вон за стойкой, прикрытая стеной из бутылок, дремлет Ванага. Утренняя смена для нее завершилась, и она пытается хоть немного перекурнуть перед очередным потоком, одних ей ведомых, кухонных дел. Дэз с трудом угадывает искаженное, точно выпавшее из калейдоскопа ее лицо, отраженное в прозрачных полупустых бутылях. Оно серо-синее, почти черное, точно лицо давнего покойника.

За раздачей блюд поставлена Сокши. Большерукая троллиха меланхолично накладывала что-то бурое на тарелку. Вот она уже готова передать эту абсолютно неаппетитную бурду гному, но почему-то не торопится это сделать. Мешкает. Гном же, глядя на нее, медленно истекает слюной, точно не ел ничего, как минимум, неделю. Этих двоих разделяет огромный стол с все еще горячими блюдами, уютно примостившимися на нем так, что не было свободного места. Эдакий рог изобилия, размером с миниатюрную взлетно-посадочную полосу, сплошь покрытую серебристыми листами металла. Стол был огромен, но еще больше казалась троллиха, нависающая над ним, как исполинская статуя из древних кварцевых пород. Может, оттого лохматый гном, жадно

ждущий свой завтрак, казался капитану таким карликом.

Он знал этого гнома. Тортрон был на подхвате у Соши, но иногда он видел его в лабораториях Железной Башки Брая. Частенько здоровались и, кажется, даже успели обменяться парой-тройкой фраз. Позади троллихи стоял огромный кухонный шкаф, забитый всякой, нужной лишь им одним, всячиной. А еще там была клетка. Огромная и кривая, с тонкими, частыми и неимоверно прочными прутьями. Гном, видимо, рассматривал ее. Как и все, кто приходил сюда. Все-таки гремлины – настоящая редкость в наши дни. Правда, сам гремлин не был рад такому пристальному интересу к своей особе. Он обычно исподволь поглядывал на посетителей, которые хоть краем глаза касались его персоны. По-видимому, маленький забияка что-то замыслил, раз никак не реагировал на заинтересованность гнома. Это для него необычно. Редко когда он просто так буравит своими глазами-бусинками спину Сокши. Он явно что-то замышлял. Вот только что, Дэз вряд ли узнает. У него и так много дел, а задерживаться в общей столовой ради подобного зрелища – напрасная трата времени. Тем более – сегодня.

Что до посетителей, таких же ветреных жителей этого нестройного мира, то их немного как для такого времени. В большинстве своем лишь постояльцы.

Парочка медиков с утренней смены тихо о чем-то беседовали за угловым столом. Недалеко от них за чашкой утреннего кофе читал свежую газету Тинори, еще одна утренняя

пташка. Совсем рядом судачили двое мальчишек с Темного этажа. Светловолосый эмпат, сидевший лицом к Дэзмунду Смитту, распрощавшись со своим приятелем, собирался уходить, но его сосед – темноволосый паренек, наоборот, никуда не спешил и остался в столовой даже после ухода друга. Вот такой он – первый и, как Дэз надеялся, последний некромант, когда-либо живущий в Гильдии Ветра. Серкулусу не нравилось то, что один из путников занимается подобным делом. Порой даже сам Дэзмунд Смитт задавался вопросом: откуда столько в Пути подобных личностей? Да, что поделаешь, серкулус искренне недолюбливал мастеров темного искусства, хотя лично к этому мальцу какой-либо неприязни не испытывал. По крайней мере, старался.

Удивительное дело, отметил про себя Дэз, ведь никого из Серого этажа не было. Вот кто действительно любил раннюю еду. Серкулус понимал, что парней из разведки или тех же исследователей могли просто занять неотложные дела, но чтоб не было личного секретаря госпожи правительницы – Арвэя Бакши – неслыханно. Он не пропускал ни единого подобного завтрака вот уже на протяжении многих лет. Но сегодня его столик был пуст. Бывает же такое.

Дэз помассировал свои виски. Его не покидало ощущение, что сегодня что-то где-то было не так. Но что именно, он никак не мог понять.

7:00

– И это мой кофе? – вроде бы Сошa не кричала, да и совершенно не вселяла какой-то ужас, вовсе нет. Но было в этих ее словах сокрыто нечто похожее на пресловутую угрозу с какими-то осуждающими нотками.

Не то чтобы Тортрон Скалозуб боялся какой-то эолфки, но что-то в ней было. Нечто опасное, к чему лучше было бы вообще не прикасаться.

– Что-то не так? – осмелился наконец произнести гном.

По правде говоря, он особо не хотел что-либо говорить, но повисшая пауза казалась ему еще более устрашающей, нежели даже голос главного механика. Потому, наверное, он все же решился, несмотря на внутренний страх.

– Что-то в нем не так? – чуть ли не дословно повторила Сошa слова Тортрона. – Что-то в нем не так? Ты хоть что-то понимаешь? Нет, скорее запоминаешь?

Сохиши Шиско, чья макушка едва достигала подбородка Тортрона, даже по эолфийским меркам считалась малюткой. Но, несмотря на это, гному она всегда казалась каким-то устрашающим великаном, чуть ли ни с джолу ростом.

– Э-э… – попытался выдавить из себя хоть что-то гном, но слова костью застряли у него где-то между трахеей и гортанью.

– Повтори, стервец, что я тебя просила принести.

– Двойной латте с корицей, десятью граммами шоколада, щепоткой мускатного ореха, столовой ложкой карамели и пятью щепотками сахара. А в дополнение двухсантиметровая двуцветная пенка с шоколадным напылением в виде сердечек, – на одном дыхании, точно произнося молитву, выдохнул гном.

Соша, преисполненная мрачной решимости, все еще пыталась прожечь в черепе Тортрона небольшую, но весьма убийственную дыру. Провести показательную трепанацию, дабы наставить своего подчиненного на путь истинный и праведный. Однако кровопускания так и не произошло. Черепная коробка гнома не обзавелась неожиданным лишним отверстием, а это значило лишь одно: самый ужасный ураган пронесся мимо Тортрона и умчался куда-то прочь, оставив после себя только поломанные ветки.

– Мокка, – твердо произнесла эолфка. – Я просила мокку, а ты мне что принес, а? Это арабика! Думаешь, я их по вкусу отличить не могу?

Гном молчал. Выпучив глаза, он смотрел на главного механика с выражением подобострастного идиотизма.

Увы, в отличие от самой Соши, Тортрон прекрасно знал, что мокка – это не сорт кофе, а лишь разновидность его приготовления. Как, впрочем, и латте. Но он прекрасно осознавал тот факт, что перед ним стояла госпожа Шиско, а также неоспоримую аксиому, гласившую, что начальник всегда прав.

– Пшл вон, – рявкнула на него Соша, отвернулась и опять стала копошиться в каком-то разобранном механизме.

Гном, получив зеленый билет, моментально выскочил из кабинета своего начальника и, переведя дух, поблагодарил небеса за ту счастливую звезду, что подарила ему такое скорое спасение.

Все еще держа одной рукой собственный герметично упакованный завтрак, он ринулся в мастерскую, дабы вкусить наконец-таки свой паек и вволю порассуждать о перипетиях собственной судьбы.

Быстро закрыв дверь, гном уселся на небольшой толстоногий табурет и принялся поспешно раскладывать на своем рабочем столе нехитрый завтрак. Аромат свежести и тепло моментально ударили в нос гному, стоило ему открыть пакет. От предвкушаемого удовольствия гном зажмурился. Прелюдия закончена, и можно начинать утренний ритуал.

Уже доедая пирожок с мясом, гном неожиданно для самого себя понял, что день все-таки у него не задался. Он осознал это целиком и полностью, стоило ему только глянуть на груду технического мусора, валяющегося на столе, и неожиданно для себя выцепить среди всего этого хаоса лишь одну деталь, из-за которой сегодня можно было по-настоящему ощутить себя покойником на собственных похоронах.

7:15

Он все еще не сводил глаз со своего знакомого, пытаясь понять, шутит ли тот или же, наоборот – пытается запугать, опираясь на совершенно невероятные новости, о которых Бор еще и слыхом не слыхал.

Что ни говори, но с Бромуром Туркуном всегда так. Для коренного жителя Окраинных земель местные были совершенно загадочными существами, хотя иной раз он вполне понимал их, да и то лишь благодаря стопкам прочитанных книг. Однако до сих пор иной раз он чувствовал себя, словно самый настоящий слепец за штурвалом крылатика. Сколько бы теории нынешний командор летного крыла не зубрил, но использовать ее с умом в своей теперешней жизни он так не научился. Сплошное разочарование.

И все же вести, что принес с собой начальник ночной смены, немного обеспокоили Бора.

– Скажи, что ты шутишь, Ацту, – в очередной раз переспросил совершенно не похожий на своего бледного и хлипкого собеседника смуглый жилистый командор.

– Нет, не шучу.

– Они в своем уме?

– Издеваешься? – кривая усмешка светловолосого была явно направлена в сторону руководства. – Видимо, для них это что-то вроде дипломатии.

– Дипломатии? Не может такого быть. В Мире не так много сто́ящих пилотов межпространственников, но крылатики – это же вообще не их профиль!

– Ты думаешь пилотировать «Эллис» будут все-таки миротворцы? – задумчиво почесал подбородок начальник ночной смены.

– А ты думаешь, это доверят подзащитным или кому-нибудь из Каменного Дола? Не смеши меня, Ацту. Миротворцы никогда не упустят такого шанса. Тем более, сейчас.

– Верю, Бор. Потому и предупредил. Раньше не мог – сам не знал. Нам об этом только утром стало известно.

– Плохая новость, конечно, но какая уж есть. – Бромур Туркун был действительно растерян и подавлен, но он все равно добавил: – Спасибо, что предупредил.

– Не за что, друг, – кивнул Ацту, уже подходя к выходу из кабинета Бора. – Только смотри, к вам еще Андрейко скорей всего заглянет на огонек.

– Ого, – выдохнул тот. – Смеешься?

– Серьезно, друг. Он и Скалозуб сегодня возле вашего «Эллиса» круги наматывать будут.

– Высшее руководство?

– Дипломатия, – покачал головой начальник ночной смены. – Всего лишь дипломатия. Кстати, ты заставь Ласточку относиться к сержанту более терпимо. Прошлый раз он слегка переборщил. Да и Микуна порой перегибает палку…

– Согласен, – задумчиво почесал подбородок Бор. – Ду-

маю, что-нибудь придумаю. Хотя насчет Соши не обещаю.

– Она – сложный случай. Ей даже Катарина не указ, а серкулус на моей памяти только несколько раз смог хорошенько прижать ее, чтоб хоть как-то приструнить нашего главного механика.

– Помню.

– Да, было дело, – Ацту на мгновение замер, пытается подавить вырывающийся наружу зевок, но у него это плохо получилось. – Ладно, пойду я к себе. После дежурства едва на ногах держусь, – пожаловался он командору.

– Вижу.

– У Дэза плохое настроение. Так что попытайся все же немного поунять своих, а то серкулус может и взбрыкнуть, а потом еще и по шее надавать. Он у нас человек с характером. Не забывай, что есть еще и Катарина, без предупреждения способная задать трепку всем нам лишь за красивые глаза. На подобные проделки она настоящая мастерица.

– Согласен. Попробую что-нибудь придумать. Но не обещаю.

Дверь тихонько скрипнула и закрылась. Ацту ушел, оставив Бромура Туркуна одного.

Дни могут портиться по-разному. Иногда из-за погоды, иногда из-за нестыковок в расписании, или, того хуже, «особых» заданий, или глупейших промахов механиков. Но Бор ненавидел больше всего, когда, по чьей-то прихоти, дни портятся именно вот так. Его не страшила встреча с Андрейко,

который мог испортить любой погожий день одним своим видом. Нет. Даже привычная фамильярность Микуны или порой проскальзывающая кичливость Ласточки не заботили Бромура Туркуна настолько сильно. Просто его с самого утра одолевало какое-то предчувствие. Орк знал, что, будучи путником, мог ощущать подобные вещи. Окажется ли все это хорошим знаком или же плохим, он не понимал.

Вот только Бор, как никто другой, осознавал, что высказанная его другом новость настолько подогрела котел свалившихся на его голову неприятностей, что теперь она попросту трещала по швам. К тому же была еще и Соша. Вот она-то точно даст всем жару, что аж свербеть в глазах от золы будет. Бромур чувствовал, что горделивая эолфка не отдаст без боя своего крылатика. Тем более миротворцам. В особенности после выигранной воздушной регаты. Даже госпожа Катарина не спасет сегодняшний день.

Бор вымученно вздохнул. И почему за все самое ужасное непременно отвечает именно он? Хорошо, хоть предупредили заранее.

К тому же ему не давал покоя тот досадный момент, что с некоторых пор его назначили командором их немногочисленного эскадрона. С таким-то количеством трудоспособных пилотов пытаться провернуть подобные реформы было очевидной глупостью, но их правительница думала иначе. Его мнения при решении данного вопроса не учитывали. Да и выбрали его на этот пост только из-за того, что Бор един-

ственный из всех пилотов мог хоть как-то зыбко контактировать, а следовательно, идти на мировую с Сошей. Теперь из-за этого решения он был вынужден просиживать практически все свободное время в выделенном ему кабинете за картами и разработкой маршрутов, скрипя зубами потому, что пока не мог подняться в небо. Как раз его-то Бромуру Туркуну и не хватало. Раскатистого, пронизанного белесыми молниями, того удивительного красно-синего неба Изнанки, которое с повышением для него сразу стало чем-то недосягаемым и оттого еще более желанным.

От невеселых мыслей Бора отвлекло негромкое постукивание. Командор сразу же взял себя в руки и тихо произнес:

– Открыто.

Дверь приоткрылась, и на пороге возник Ласточка. Несмотря на то что они когда-то довольно долго были напарниками, Ласточка так и не смог приучить себя не стучаться в нынешний кабинет Бора, хотя сам командор постоянно говорил ему, что подобное необязательно. Только не учел, что даже такие чопорные алеги, как Ласточка, любят цепляться за традиции. Пусть совсем нелепые, как стук в дверь.

– Доброе утро, – поздоровался алеги.

– Утро добрым не бывает в принципе, – задумчиво протянул Бор.

– Неприятности?

Ласточка уселся на один из стоявших у стены стульев. Он откинул голову назад и закрыл глаза, точно пытался навер-

стать потерянный сон.

– Ага, я думаю, мы по уши в них.

Бромур Туркун никогда не понимал спокойствия друга. Особенно в подобных вопросах. Но пепельно-серое лицо алеги всегда было на удивление безоблачным. Единственное, что выдавало его внутреннее напряжение, – курение. А он курил постоянно.

– Забавно, – начал Ласточка, прикуривая дешевую сигарету. – На солнце опять пятна.

Бор давно знал алеги. Знал и его манеру изложения. Очень давно. Но вот запаха его сигарет он не выносил. Да каких там сигарет – скорее самокруток. Настолько вонючих, что порой их запах можно было складывать и резать, а потом из полученного материала строить дома. Очень много домов.

Опять его кабинет превращался в конвейер тумана и дыма. У Бромура Туркуна уже начали слезиться глаза, и он с трудом сдерживал себя, чтоб угомонить рвущийся наружу чих. Наверное, такое же ощущение терзает непосредственных очевидцев в преддверии извержения вулкана. Уж слишком распространившийся в кабинете алеги смог был похож на отравляющий газ с примесью пепла и пемзы.

– Вот только не думаю, что в них причина, – заметил как бы невзначай командор.

– Не в них, – кивнул Ласточка.

Алеги в очередной раз затянулся, выдохнул клуб белесого дыма, точно заправский белогорский дракон, и продолжил:

– У меня плохие новости, Бор.

– Куда уж хуже, – обреченно вздохнул орк.

– Уж поверь моему опыту, – уверенно ответил ему Ласточка, – они действительно плохие.

7:30

Сули быстро шла к своему корпусу. Звон ее каблучков дребезжащим эхом разносился по пустому коридору.

Гильдия Ветра – место едва ли обитаемое, а следовательно, практически не обремененное большой концентрацией жителей. Может, это было следствием бушевавших некогда Волн, эпидемий или просто каких-то глобальных внутренних катастроф. Увы, Сули слишком плохо знала историю той Гильдии, где она ныне проживала, и оттого точно сказать не могла, почему здешние дела именно такие. Но то, что другие Гильдии были намного гуще заселены, можно было заметить и невооруженным глазом. Там жители копошатся круглые сутки, и никогда не бывает таких пустующих часов, когда начинает казаться, что, кроме тебя самого, больше здесь никого нет. Пугающее и странное чувство. Особенно тут – глубоко под землей. В недрах раскинувшегося во все стороны Лабиринта.

Здешняя пустота немного страшит, завораживает и по-своему очаровывает. Но все равно пустота – это пустота, какой бы она прекрасной поначалу не казалась, в конце кон-

цов, рано или поздно все равно осознаешь и будешь бояться ее больше всего на свете.

«Пустой, пустой, пустой», – то и дело повторяла она про себя, даже не понимая, почему ей в душу так запало это слово. Вот так просто повторять его раз за разом – глупость. Несусветная глупость. Правда, лишь «пустоту» можно было хоть как-то увязать ко всему происходящему вокруг.

Сули попыталась направить свои размышления в какое-нибудь иное русло. Хотя бы вспомнить, как она однажды очутилась здесь и была поражена размерами самого Пути и количеством его обитателей. Вот тебе на, опять хочется произнести это и без того заелозившее сознание слово.

Странно, что Сули сейчас показалось, что она провела в Гильдии Ветра целую вечность. Хотя на самом-то деле очутилась здесь совсем недавно – всего год назад. Ей, подзащитной, не входящей, по сути, ни в одну из Гильдий, пришлось воспользоваться медицинской программой, чтобы остаться в Лабиринте и не быть выставленной за его пределы. В таких случаях обычно хватаются даже за хрупкие соломинки. Оттого она и согласилась на предложение, поступившее из Гильдии Ветра, где как раз набирали стажеров.

В тот момент ее даже не остановило бытующее мнение о загадочности местных обитателей. Притом и самих истинных путников, и их подзащитных. Ни иррациональное поведение, ни совершенно иное их мировосприятие, а главное – неуживчивость с другими гильдийцами не испугали Сули.

Хотя все же путники ей всегда казались чем-то весьма непонятным и потому еще более пугающим. Да и сам Путь както не увязывался в голове Сули по-настоящему с серьезной частью Лабиринта, вровень стоящим с другими Гильдиями, ведь здесь уж никак не выполняли тех сложных, многогранных заданий, не вели ни дозора, ни вахты в Тумане, а еще она могла поклясться, что тут никто никогда не был на настоящей Границе. Только и слов, что о походах. Туда-сюда. Из одного места в другое. Проводить или быть проводимым – иного не дано. В последнее время даже такую свою привычную обязанность путники выполняли из рук вон плохо. Скачок прогресса в других Гильдиях давал о себе знать. Технологии развивались, хотя до столь коротких сроков в передвижении между мирами, что могли позволить в Гильдии Ветра, им было пока далековато, но Гильдия Земли, насколько была информирована Сули, едва не на пятки им наступала. Пройдет совсем немного времени, и Путь может совсем исчезнуть.

Вот только она была неожиданно удивлена тому, что местные, в большинстве своем, вообще никак не относятся к подобной опасности и живут в своем непонятном мире, точно ничего извне им не грозит. Сули порой удивлялась такому подходу к жизни со стороны здешних жителей. Они даже свою Гильдия Ветра звали просто Путь. Почему? Непонятно.

Хотя по прошествии какого-то времени она все же осознала, что в действительности ей несказанно повезло. Ее рабо-

тенка была достаточно непыльной, к тому же платили неплохое жалованье, а еще даже предоставили огромное поле для собственных экспериментов. Это для нее все окупало. Так что она просто закрывала глаза на странности и тихонько жила, понимая, что здешние проблемы – не ее личные треволнения.

К тому же на деле оказалось, что коренные путники, в большинстве своем, хорошие собеседники и довольно мирные соседи. А такие же подзащитные, как она, оказались вполне приятными личностями. Одним словом, порядочность разной степени присутствия была главной отличительной чертой местных обитателей.

Еще можно сказать, что отчасти Сули здесь нравилось. Даже закрыв глаза на глобальную незаселенность, несмотря на безлюдность и постоянно попадающиеся печати консервации.

К примеру, взять утро в Мире или, как принято было его называть, Гильдии Огненного Вихря – там шумно, повсюду возникают толкучки, и порой кажется, что тамошний мир никогда не спит, а здесь в такую рань в ее корпусе уже никого нет. Отчасти из-за того, что повсюду все встают очень рано, а также потому, что большинство местных существуют в параллельных временных кругах. Иногда из-за этого кажется, что коренные путники никогда не спят.

Так как все Гильдии под землей, а работа у нее в ночную смену, Сули постоянно путалась во временных рамках. Что

до приемов пищи – то это вообще отдельный разговор.

Она мысленно похвалила себя за то, что вернулась, убрала на своем рабочем столе и взяла библиотечные книги. Правда, пришлось остановиться и поболтать с Майей, но это уже совсем другое. Сули нравилась эта пытливая и любознательная путница. К тому же она была ученицей Катарины.

Обычно по дороге из медицинского корпуса ей всегда кто-нибудь встречался из нынешних соседей. Но, увы, на сей раз никто ей на пути так и не попался.

Звук ее собственных каблучков вновь обратил на себя внимание Сули. Он был не особо приятным, особенно после смены, но не настолько, чтоб девушка подумала поменять цокотящую обувь.

К тому же, ей не нравились пустые коридоры. Особенно в такую рань, если судить по часам. Жилые отсеки и так находились слишком далеко друг от друга, но сейчас ей казалось, что расстояние между ними стало еще больше.

Сули взяла себя в руки и еще быстрее поспешила вернуться в свою квартирку, которую ей выдали при переезде в Путь.

Впереди замаячил знакомый, невероятно длинный коридор. Значит, она уже практически на пороге собственного дома. Сули мимолетно улыбнулась, ведь этот коридор не обладал тем количеством запечатанных дверей и вселял большую уверенность. К тому же дом. Он сейчас так близко. Осталось лишь разогреть грелкой постель и с огромнейшим удовольствием окунуться в сонную негу убаюкивающей теп-

лоты. Главное – работа позади, и она может спокойно придаваться сладостной дреме или вволю отдохнуть.

Неожиданно где-то под ее ногами, глубоко в недрах отведенных Гильдии Ветра этажей Лабиринта, что-то загудело. Так протяжно и пронзительно, что Сули непроизвольно остановилась, чтобы лучше прислушаться к непонятному звуку. Его нарастающее эхо становилось все более тягучим и грохочущим, более громким и слышимым.

Где-то недалеко от Сули что-то с силой бухнуло. От неожиданности она подскочила и только тогда поняла, что пол ходит ходуном. Сули попыталась прислониться к стене, но не успела из-за очередного подземного толчка. Колебания были настолько мощными, что она даже не заметила, как очутилась на полу.

Ей стало страшно. По-настоящему страшно. Сули раньше слышала всякие россказни о том, что покоится на законсервированных этажах Гильдии Ветра. Довольно жуткие истории как по ней. К тому же, она прекрасно знала, что в том месте, где находятся все Гильдии, землетрясений быть не должно.

С потолка сыпалась пыль и какая-то крошка, она белесыми наносами ложилась на пол.

Сули, движимая неясным опасливым инстинктом, быстро сняла свою неудобную обувь и поспешила вперед по коридору.

Толчки не прекращались. Внезапное землетрясение точно

решило похоронить всех подземных жителей внутри их же лабиринтов.

Когда Сули уже пробежала треть последнего коридора, свет неожиданно начал мигать в такт подземному ритму, а затем и вовсе пропал.

Сули, одержимая животным, едва ли не паническим чувством, все же замедлила свой бег и попыталась идти на ощупь, как бы страшно ей не было.

Вокруг была такая темнота, что хоть глаза выколи. Толчки не прекращались, да, кажется, они еще больше усилились.

В голове у Сули все перепуталось. Собственный страх – топкий и глубокий. Гулкое эхо учащенного дыхания. Свербящий жар. Жуткая бесконечная боязнь и ощущение чьего-то присутствия. Разорванная цепочка мыслей. Холод стен.

Из всего этого сумбура она отчетливо понимала единственное: ей, во что бы то ни стало, нужно добраться до своего корпуса. Как только она это сделает, в нем сработает автоматическая защита и Сули окажется в безопасности, а главное для нее тогда все разрешится очень даже благополучно. По крайней мере она на это надеялась.

Сули все протянула свои длинные руки вперед, чтобы побыстрее нащупать заветную дверь. Ее сердце сжалось, точно пружина перед тем, как ее должны расправить. Страх, ужас и проклятия в сторону Майи, из-за которой так некстати задержалась. Ведь если бы не она, Сули была бы уже до-

ма под защитой надежных автоматических механизмов. Чем были эти «автоматические механизмы», она, честно говоря, не знала, но из лекции, прочитанной ей при въезде, Сули осознавала, что это нечто вроде особого, ее собственного убежища.

Пальцы все тянулись, когда внезапно подземные толчки так же быстро смолкли, как до этого появились.

Сули наконец выдохнула. Ведь самое страшное уже позади. Она на мгновение опустила руки, чтоб перевести дух и стряхнуть с себя нервное напряжение.

Когда же ее сердце наконец успокоилось и она решила продолжить свой путь, поднятые ею руки уперлись во что-то, чего раньше здесь не было.

Сули затаила дыхание и с каким-то все более подступающим ужасом начала вглядываться в темноту. Она не любила бродить на ощупь, тем более искренне ненавидела ту ситуацию, в которую по глупости ее угораздило попасть.

«Все хорошо, это только дверная ручка», – попыталась успокоить себя Сули. Ей удалось нашарить рукой какую-то выемку. Она попробовала ее повернуть, но вместо этого перед Сули загорелись глаза. Тусклые, серо-зеленые глаза.

7:45

На свете существует множество неприятностей, которые грозят тебе изо дня в день. Заставляют держать себя начеку

каждую долю секунды. Быть собранным и подтянутым, готовым к любым опасностям и угрозам, которые только могут свалиться тебе на голову. Вот только существует такое понятие, как форс-мажор. Вроде бы от тебя ничего не зависит, но ты все равно чувствуешь себя неуютно. Точно у тебя носки наизнанку надеты. И хотя никто этого не видит, но своих собственных ощущений хоть отбавляй.

К тому же Дэзмунд Смитт опоздал.

Депешу принесли с сильным опозданием, и как серкулус ни спешил побыстрей предстать пред очи правительницы, все равно он, как ни старался, не успел прийти в указанное время.

– Мое почтение, госпожа Катарина, – на одном дыхании скороговоркой протараторил Дэз.

Украдкой серкулус попытался глотнуть побольше воздуха. Он слишком быстро бежал, спеша на незапланированную встречу и теперь пытался заставить сердце биться с прежней скоростью.

– И тебе того же, Дэзмунд, – кивнула правительница.

Она по-прежнему изучала какие-то документы, лежащие на ее столе. Проглядывала их, что-то подчеркивала и подписывала.

Катарина точно не обратила внимания на то, что ее подчиненный появился с опозданием. Уж она-то могла, не говоря ничего о том, что произошло, заставить провинившегося в полной мере прочувствовать на своей шкуре собственную

вину. Она умела подчеркивать опоздание, ни словом не упомянув о том, что ты опоздал.

Дэз непроизвольно съежился. Не любил он, когда правительница не смотрит в глаза. Это нехороший знак. Он, усилием воли все же не полез за платком, дабы вытереть выступившую испарину на своем высоком лбу.

– Прошу вас меня извинить, – отозвался серкулус.

– Извинить? Вы разве задержались? – Катарина наконец оторвала свой взгляд от документов. – Я даже не заметила. Ну, что ж, проходите, садитесь.

– Ваша депеша пришла с опозданием.

– Что-то еще? – она пододвинула к себе очередной документ, быстро пробежала по нему глазами, что-то подчеркнула и отложила.

– На нижнем этаже, – начал он, подбирая в голове нужные слова, – прорыв, – только сказав это, он почувствовал, что сморозил глупость.

– Прорыв, – точно подтверждая его слова, прозвучал эхом голос Катарины.

– Э… Да, прорыв.

– Много жертв?

– Нет, не очень.

– Неплохо, – в голосе правительницы чувствовалось сомнение. – Вы помните, почему я позвала вас к себе?

– Да, госпожа Катарина, я все выполнил согласно полученной инструкции. Дневная смена подготовит всех подчинен-

ных к готовящемуся испытанию крылатика Сохиши Шиско.

– Хорошо.

Дэз судорожно сглотнул.

– Итак… – Катарина отложила свою ручку, достала из кипы отодвинутых бумаг какой-то документ. – Тут говорится, что на Темном этаже зафиксирована странная утечка. Даже в Гильдии Каменного Дола слышали толчки, исходящие из нашей области. Очень странно все это. Вы уже обнаружили первопричину?

– Стараемся, госпожа.

– Как ты сказал… «Прорыв», кажется, – Катарина, что-то отметила в своем документе.

– Так точно, госпожа.

– Вот-вот, именно он. Я понимаю, конечно, твои искренние побуждения в регулировании сложившейся ситуации, но если до начала запланированного сегодня мероприятия ты не уладишь данный вопрос… И передай от меня заранее благодарность Сталисту.

Катарина кивнула, а затем внимательно окинула своим взором серкулуса. У нее были томные фиалковые, точно затянутые шелковым покрывалом, глаза. Бездонные. Неприятные. Ее взгляд был намного тяжелее, чем порой бывает у эрони. К тому же в полумраке личного кабинета правительницы Гильдии Ветра ее огненно-рыжая шевелюра была чем-то нереальным, бьющим в глаза и готовым пламенем обжечь неокрепшую душу.

– Я думаю, мы поняли друг друга.

– Так точно, госпожа, – с каменным лицом ответил ей Дэз.

Серкулус знал, что день сегодня выдался не ахти какой, но подобного отношения даже он не ожидал.

8:00

По спине Нианон пробежала неприятная дрожь, когда он смотрел на искореженное невероятной силой тело. Неприятное чувство было рождено не из-за озноба, морозной свежести или сковывающего страха. Нет. Природа его совершенно иная, в корне отличающаяся от того, с чем он обычно сталкивался. Хотя бы только потому, что принадлежали все эти эмоции вовсе не ему.

Паренек привык сталкиваться в своей учебной практике со всем, что только возможно, если, конечно, не учитывать настоящих взрослых истинных, всячески умеющих уклоняться от его негласного наблюдения, но сейчас он оказался совершенно не подготовленным к сложившейся ситуации.

Его, как и обычно, конечно же заполняли чужие чувства и переживания, но были они несколько более сильными и яркими. От этого юному эмпату казалось, что вот-вот его голова треснет, разойдясь по некогда обозначенным швам, а хаотический кошмар с гулом затопит его личную вселенную, навсегда воцарившись внутри. И всё, чем он был ранее, рас-

колется на мелкие кусочки и исчезнет в потоке чужих ощущений.

Однако паренек все же держался и даже умудрился представить, что бы было, если на его месте оказался его дядя. Тот был телепатом, а заодно и его наставником, но работа у него была и того похуже, чем когда-либо представлялась Ною. Жить со снующими чужими мыслями в сознании – не самая лучшая затея, перед ними и эмоциональный фон не так ужасно выглядел.

Хотя порой ему казалось, что все как раз наоборот. Сейчас он испытывал чужую боль, ужас и отчаяние. Он стремился подавить эти ощущения и попытаться навязать свои. Както внутренне успокоиться, ощутить мнимую безмятежность, а вместе с ней и покой. Вот только Нианону никак это, толком, не удавалось. Что-то мешало ему в продвижении его привычной практики. Стопорило его, чуть ли не с самого начала. Заставляло вновь и вновь испытывать чужие горечи и страдания. Оттого сам Ной чувствовал себя просто отвратительно.

Чудо то, что лежащая на операционном столе алеги была до сих пор жива. После того что с ней случилось, такая тяга к жизни казалась чем-то из ряда вон выходящим. Многие, не менее выносливые, чем она, на ее месте уже давно бы распрощалась с этим миром, обретя вечный покой.

Когда он появился в медицинском крыле, ее только привезли. После тех непродолжительных толчков, которые про-

изошли в Гильдии Ветра, алеги оказалась самым тяжелым пострадавшим. Сейчас же ей пытались оказать посильную помощь и заставить отступить нависающую над ней смерть.

Чужие судьбы никогда не оставляли путников равнодушными.

Над телом мрачной тенью склонился Сигурд. Он пытался остановить внутреннее кровотечение. Его умелые руки быстро латали то, во что превратилась алеги. Рядом с северянином находился его наставник. Он что-то шептал, устало прикрывая глаза одной рукой, а другой делая непонятные резкие жесты. Недалеко от него, с закрытыми глазами, на полу сидела Минада. Ее зеленые крашеные волосы развевались на невидимом ветру. Чуть поодаль, у стен, толпились четверо помощников, чьи имена Нианон так сразу не мог вспомнить.

Жутковатое зрелище. Только его друга Винсента для полной компании недостает.

Его дядя Альберт, немного отстранившись, уже обеими руками выводил вокруг тела невидимые полукружья, точно вызывая что-то, спрятанное внутри него. Выглядело это неприятным. Казалось, его наставник через силу старается не сорваться и не упасть навзничь на больного, так бледен он был.

За наблюдением развернувшегося на его глазах действа Ной даже не заметил, как к нему подсел огромный чернокожий гигант. Только лишь когда его большая рука легла на

плечо паренька, тот в свою очередь от неожиданности встрепенулся и едва не подскочил. Не то чтобы он не чувствовал присутствие Большого Тома в помещении, но порой из-за таких вот ответственных моментов, когда он так усиленно борется, Нианон порой забывал о существовании чего-либо, кроме своего занятия. Видел бы это его дядя Альберт, юному эмпату было бы очень, очень плохо. Ведь тот как-никак был его наставником в области психокинетики.

– Как ты, малец? – тихо шепнул ему чернокожий гигант.

– Э-э, думаю, я в порядке, Большой Том, – так же еле слышно произнес паренек.

Нервно сглотнул. Он многое отдал бы, чтобы просто исчезнуть. Ной никогда не любил медицинское крыло. Хорошо, что Большой Том, если надо, умел разряжать обстановку и делал это мастерски изящно и непревзойденно.

К своему стыду, Нианон не помнил настоящей фамилии этого человека. Впрочем, как и многие другие путники. В Гильдии Ветра многие имена и фамилии порой исчезали. Стирались и откидывались за ненужностью, не оставляя после себя ни единого следа, точно никогда и не принадлежали этим жителям Пути.

Очень часто юный эмпат понимал, что прозвища, данные его товарищам, лучше подходят им. Раскрывают всю суть, облегают ее, точно вторая одежда. Потому для Ноя этот огромный чернокожий истинный путник всегда был Большим Томом. Таким невероятным и всепонимающим чело-

веком, о котором и дурного слова сказать нельзя. Впервые сталкиваясь с этим лекарем, невозможно назвать его никак иначе, кроме – Большой Том. Он действительно заслужил это прозвище.

Чуть ниже Сигурда, но гораздо шире в плечах, он напоминал Ною исполинскую скалу гранита. Плотного, хорошего, твердого камня – темную кость земли, на которую запросто можно опереться. Плотный, но не толстый, с лоснящейся черной кожей и белыми, как самый лучший мрамор, белками глаз. Они глядели на Нианона точно рентгеновские лампы. Вот только зрачки были еще чернее, чем его кожа. Пронзительными, угольно-черными, как две бездонных дыры. Настоящие бездны. Заглядывали вовнутрь, словно темнокожий лекарь был таким же эмпатом, как и Ной. Большой Том дружески улыбнулся, обнажая крупные здоровые и не менее белоснежные зубы. Они прямо светились у него во рту.

Нианон в ответ с трудом растянул на лице ответную улыбку. Ему было не слишком-то уютно. Даже приятельский жест со стороны Большого Тома не возымел должного воздействия. Чужие чувства не давали покоя пареньку, заставляя переживать их сызнова точно так же, как и до того, как рядом с ним сел дружелюбный лекарь.

Беспокойство Ноя усилилось еще и оттого, что за такую его блажь учитель вряд ли выразит что-либо светлое и доброе. Неумение защищаться от внешнего воздействия самому – первый шаг к срыву. Эмоциональному срыву, которому

подвержены все психокинетики. А уж за эту болячку его по голове точно не погладят. Как говорил Альберт, нужно не только слушать и слышать, но не слышать слушая. Это самое сложное.

– Бедняга, – обратился к юному эмпату Большой Том. – Не повезло ей. Все произошло так глупо. Жаль ее. Такой хороший специалист. Стольким помогла. Последнее время в моей смене работала, а до этого у Сигурда трудилась.

– А она лекарем была? – уточнил парень.

– Нет. Должна была… А тут такое… Жалко-то как.

Большой Том глубоко вздохнул, на какое-то мгновение задумался, а потом неторопливо продолжил:

– Сули ее звали. Приятная такая алеги. В основном помогала лекарям, а так в лаборатории трудилась. Перевели из Гильдии Огненного Вихря, кажется. Подзащитная. Родом из Третьего мира. Она однажды рассказывала, как в Лабиринт попала, но я так с ходу не припомню всю ее историю. Точно что-то с семьей у нее было связано. То ли с отцом, то ли с дедом. Кто-то из них знал про это место и ей подсказал, а она нашла. Не робкого десятка была… Бедняга.

– Я, кажется, видел эту девушку сегодня утром, – прошептал Нианон.

Эмпат старался хоть как-то отключить свой мозг от волн боли, смешанных с отчаянием. Большой Том понемногу заговаривал его, пытаясь хоть как-то помочь, но, увы – безрезультатно. Волны, испускаемые алеги, были настолько силь-

ными, что у парня разболелась голова, и ему действительно стало не на шутку плохо.

– У вечерней смены что-то вроде позднего ужина было в общей столовой, – произнес Большой Том, по-видимому, ни к кому конкретно не обращаясь. – Сложная ночка сегодня выдалась. Проверяли новую аппаратуру всю ночь. Туда-сюда гоняли. До сих пор в голове шумит.

– Тогда понятно, – поспешно кивнул Ной, глядя на кислую мину на лице Большого Тома. – От нее просто шли вечерние волны. Я еще подумал, что эта алеги работает или гуляет всю ночь напролет. К тому же и компания у нее была сплошь из подобных ей полуночников.

– Хорошо подмечаешь детали, Ной, – гигант даже в такой не подходящий момент все же потрепал паренька по светловолосой макушке. – Твой дядя Альберт не такой плохой учитель, как я думал.

Они замолчали, глядя на извивающееся в конвульсивных судорогах тело. Видимо, душа пыталась покинуть его, но ни наставник Нианона, ни женщина, ни мрачный северянин, ни внезапно возникшие рядом с ним лекари не могли позволить ей подобную роскошь.

Юный эмпат скорчился от ужасной пустоты внутри себя. Он слишком ощутимо слышал в этом зале присутствие смерти. Кого-кого, а ее он мог всегда безошибочно отличить от чего угодно.

– Ого, пацан, да тебе совсем худо. – Большой Том быст-

ренько схватив паренька, выволок его из комнаты, где их товарищи боролись за жизнь несчастной алеги.

Только когда Ноя окатили холодной водой, он наконец смог прийти в себя. Глубоко задышав, юный эмпат больше не ощущал того безумного хаоса чувств, что так живо ударил по его психике.

– Я уже было подумал, ты там ноги откинешь, – оправдываясь, объяснил ему чернокожий лекарь.

– Спасибо, – только и смог выдохнуть он.

Нианон действительно был благодарен Большому Тому за то, что вытащил его с того злополучного места. Ведь там было по-настоящему ужасно. Настолько, что Ною сейчас было абсолютно наплевать на злобные подковырки учителя и собственную слабость.

Он с огромным трудом смог наконец-то подняться с койки, на которой лежал, и, облегченно выдохнув, оглядеться.

Нианон был снаружи, отделенный сумеречной стеной от всего, что происходило в том помещении. Потому-то ему сейчас и было так удивительно легко и просто. Все самое ужасное происходило там. И что еще хуже, ему потом придется возвращаться в ту комнату и считывать эхо чужих эмоций.

– Ну и напугал же ты меня, Ной, – Большой Том присел рядом с ним. – Смотрю, белый стал и по стенке вниз пополз, так я, недолго думая, схватил тебя и принес сюда.

– Благодарю вас, Большой Том, – пересохшими губами

произнес парень, обращаясь к лекарю. – Извините, что заставил вас тревожиться за меня.

– Да ладно тебе, Ной, – пожал плечами тот. – Все нормально. Вот только меня беспокоит то, что Сули так на тебя подействовала… Ты ведь частенько присутствуешь на подобных мероприятиях?

– Не то, чтобы очень, – с трудом пожал плечами эмпат. – Но бывало.

– И часто ты вот так терял сознание?

– Да вроде нет.

– Вот и я о том же, – кивнул своим мыслям Большой Том. – Ее нашли в восточном крыле Темного этажа. Кроме этой алеги вроде никто серьезно не пострадал. Ссадины и царапины я в счет не беру. Такое у нас быстро залатывают. Даже пискнуть не успеешь – а ты уже как новенький. Хоть скачи кувырком, хоть колесом стой – хоть бы хны. Благо медицина сейчас не та, что раньше. В те времена, помнится, мы вообще практически с медицинского крыла не вылезали – сутками там жили. И дневали, и ночевали. Тогда и здешних побольше нынешнего было, да и нас самих не так мало, но работа была гораздо сложнее и ответственнее. Спины не разгибали. Только одно заканчиваешь – уже с другим справляться надо. Что и говорить – раньше путники отчаянными ребятами слыли. В любые дыры залазили сломя голову. Храбрые ребята… Да, работенки невпроворот было, и больные подолгу задерживались. С той поры немало воды утек-

ло. Что и говорить – немало, – он ненадолго примолк, точно перебирая в голове старые воспоминания. – Вот только на моей памяти давненько у нас таких трясучек не было. По-видимому, опять что-то из Резервации сделало ноги. После последней Волны такое уже не редкость, но чтоб толчки были такой силы… У вас же тоже слышны были эти колебания?

– Ага, – отозвался Нианон. – Мой дядя как раз пытался втиснуть в меня кое-какие истины, когда все это произошло.

– О да, это так похоже на Альберта, – тихонько хохотнул Большой Том.

О сварливом нраве учителя Ноя ходили легенды. Даже не просто легенды, а самые что ни на есть достопримечательные истории с особым, свойственным только им характером.

Порой Нианон задавался вопросом, по какому критерию отбирают будущих путников, но никак не смог понять даже последовательности в своей цепи рассуждений. Как говорил Винсент, сюда приходят те, в ком горит искра Пути, по собственному желанию и с открытым сердцем, но больше потому, что идти некуда. Юный эмпат частенько задумывался над домыслами друга, но для себя истины так и не нашел.

Путь для Ноя все еще оставался диковинным местом. Необычным и весьма занятным. Хотя он уже и успел пожалеть несколько раз, что родные определили его в ученичество именно под крылышко дяди. Ной изначально даже не думал попасть в саму Гильдию Ветра, но оказалось, что от вроде как подходит для нее. Потому, недолго думая, паренек

обрел статус истинного, хотя еще не совсем понял, что же этот статус на самом деле давал.

Если же вернуться к дяде Альберту, то тут оказалось тоже не все так гладко. Вначале учивший паренька из рук вон плохо, теперь он словно с цепи сорвался. Для него, видимо, отличие все же существовало. Но не для остальных истинных однозначно. Большой Том как относился к нему раньше, так точно и сейчас. Да и вообще, он был полной противоположностью вечно бледному и болезненно худому дяде Ноя. К тому же, по протоколу он являлся вторым наставником Нианона.

Единственное, что не укладывалось в голове юного эмпата: как эти два совершенно не похожих друг на друга жителя Гильдии Ветра так отлично ладили между собой. Кажется, его дядя Альберт был даже крестным отцом у маленького сына Большого Тома.

– Можно вас кое о чем спросить? – неожиданно для себя самого начал Нианон.

– Конечно, Ной. Спрашивай, о чем хочешь, – благосклонно кивнул его собеседник.

Паренек попытался мысленно правильно построить нужную фразу.

– Я, конечно, понимаю, что это не мое дело, но никак не могу не спросить. – Он немного склонил голову. – Что с ней произошло?

– Не знаю, Ной, – после долгого раздумья ответил Боль-

шой Том. – Действительно просто не представляю, но сдается мне, что все это заварилось из-за того спора.

– Спора? – удивленно переспросил юный эмпат.

– Ага, спора в летном крыле. Ты же знаешь их, там ребята хоть и не промах, но иногда такие кренделя выделывают, что хоть стой, хоть падай. А ведь по сути своей они очень даже порядочные люди, – вовремя спохватился Большой Том.

– Честно говоря, ничего не слышал о нем, – признался паренек, но, видя, что Большой Том уже не рад, что упомянул о споре, все же решился добавить: – А в чем он заключался, вы случайно не знаете?

– Не-а… Нет. Точно не знаю, – моментально произнес Большой Том.

Видимо, он растерялся оттого, что умудрился выдать Нианону гораздо больше информации, чем тому было нужно знать.

– Ладно, пойду я, – серьезным тоном начал Большой Том. – Пациенты, ждут, – он сконфуженно улыбнулся и на прощание, словно в утешенье опять потрепал Ноя по светловолосой макушке.

Нианона слова Большого Тома насторожили. Ведь он знал о споре. И то, что он знал, ему совершенно не нравилось. К тому же лекарь заведовал ночной сменой и никак не мог сейчас работать со своими пациентами.

8:15

Промозглая свежесть неприятно холодила. Она пронизывала до самых костей, вгрызалась в теплящуюся внутри него душу.

Арвэй Бакши инстинктивно поежился.

Все-таки для него подобное путешествие по Изнанке не было таким уж приятным времяпровождением. Скорее даже наоборот. Он бы сейчас все на свете отдал за чашечку листового черного чая с ломтиком лимона. Но куда там. Ни чая, ни лимона ему здесь точно не предложат. К тому же, ему жгло душу то, что он пропустил сегодня свою исконную традицию – завтрак. Но поручение, отданное госпожой Катариной, гораздо важнее чего бы то ни было. И он прекрасно понимал всю его значимость, а также ответственность, которая легла на его плечи.

Единственное, чего он никак не мог понять, почему вместе с ним на задание отправили именно Лису и Крысу. Эти двое олухов из исследовательского крыла вечно всячески досаждали ему. Арвэй пытался хоть как-то нормализовать затраты на их экспедиции, но вместо этого порой получал такие статьи расходов, что просто приходил в ужас. Их постоянное противостояние было чем-то сродни конторской партизанской войне. И если Крыса был более лояльным и еще хоть как-то поддавался внушению, то с Лисой все было го-

раздо сложнее. Тот мог втирать Арвэю о его же работе и его же просчетах часами. Да так уверенно, что зубы личного советника Катарины, а по совместительству и казначея, сводило судорогой. Ох уж эти истинные путники – проку от них никакого, одни статьи расходов да извечный дефицит в ежемесячном бюджете, который Арвэю Бакши постоянно нужно было закрывать. Раздолбаи несусветные – вот кто они. То ли дело истинные путники из его крыла. Вроде те же исследователи, но на них-то хоть положиться можно, а эти…

Из-за подобных внутренних неурядиц частенько у Арвэя возникало непреодолимое желание перебрать всю картотеку, находящуюся под надзором их архивариуса джолу, и выяснить, каким образом эти двое извергов проникли в Гильдию Ветра. Однажды он даже пытался предпринять личное расследование, но оно так ни к чему не привело. Все оказалось бесполезным. Вот только в глубине души Бакши так и не отказался от своего предприятия и продолжал цепляться за надежду, думая, что рано или поздно добьется своего. Докажет невозможность нахождения этих двоих на территории не только Пути, но и всего Лабиринта. Арвэй заранее предвкушал, как после разразившегося громкого дела поднимутся на поверхность еще более серьезные преступления, а вместе с ними полетят головы и других псевдопутников. Хорошая чистка кадров в его родной Гильдии уже давно была крайне необходима, и Бакши бы первым проголосовал за нее, если бы от его голоса что-то действительно зависело. Однако он

не отрицал, что одна половина истинных – вполне приличные и хорошие сослуживцы, но другая… Если же перейти на личности, то казначей прекрасно знал, что Крыса – сын правителя Гильдии Водяной Башни. Видимо, парень был вообще бесталанным, раз пошел в Гильдию Ветра, а не к своему родному папаше. Этим немногим Арвэй пытался успокоить себя. Только как-то сумбурно у него все получалось.

Бакши еще раз вздрогнул на пронизывающем изнаночном холоде, мысленно предвкушая, что сделает с этими двумя обалдуями, стоит только им вернуться обратно в Лабиринт. Он тогда припомнит Лисе с Крысой все недостачи, а заодно поломку реквизита припишет, еще припомнит нарушение техники безопасности и обязательно пересмотрит все их расходы абсолютно по всем статьям. Но это будет чуть позже, а сейчас…

Они едва успевали по времени вернуться обратно.

Из-за чрезмерной бравады Лисы они с трудом ноги унесли из того треклятого болота. Арвэй хорошо помнил всяких умертвий, а тем более того здоровенного змееподобного чудища, чьи зубы сейчас нашли упокоение в заплечной сумке Крысы, тот темный, похожий на катакомбы, проход, через который они куда-то пробирались. И объяснил бы кто ему, зачем Лисе понадобилось ворошить те останки? Нет, они конечно же встретились с Синицей, и он смог по нормальному договориться с ней о дальнейшей судьбе слепка частицы ключа от гробницы Похороненного, но это стоило ему гораз-

до большей крови, чем рассчитывал казначей.

Арвэй Бакши от души недолюбливал Крысу, но его чувства показались бы симпатией, если бы их сравнили с его отношением к Лисе. Тот по-настоящему бесил казначея. Да, у него были прекрасные способности, но он все равно казался Арвэю ужасно безответственным человеком и непомерным наглецом. И только госпожа Катарина отчего-то весьма жаловала его, что было, мягко говоря, неразумно с ее стороны.

– Пошевеливайся, Бакши, – грубо прикрикнул на него Лиса, видя, как казначей безнадежно отстает, продрогший и замерзший, до предела уставший. – Я тебя на своей спине не понесу, а Катарина меня убьет, если я тебя не доставлю в целости и сохранности, ну, или хотя бы в виде супового набора. Тут только тебе решать, в каком виде ты хочешь предстать пред очами нашей славной правительницы.

Арвэй Бакши был слишком хорошо воспитан, чтобы отвечать на подобную грубость. Он промолчал, взяв волю в кулак и внутренне сделав еще одну пометку о том, как этот мерзкий маг выразился о госпоже правительнице. Все-таки, рано или поздно, Арвэй добьется справедливости. Он знал это. Наверняка тогда они расплатятся с ним сполна за все обиды.

– Ты что там застрял, Бакши? – нарочито громко спросил его Лиса.

Среди изнаночного пепла его фигура была каким-то невероятным ирреальным пятном.

– Смотри-ка, Крыса, – обратился он к стоящему недалеко

от него силуэту. – Похоже, там впереди небольшая пыльная буря. Думаю, если мы задержимся ненадолго, никто в обиде не будет.

– Твоя правда, – ответил на слова ненавистного мага тот.

– Тогда я забью поле, а ты разберись с Бакши, – кивком указал Лиса на присевшего на сизую землю Арвэя. – А то, видимо, наш казначей совсем размяк от долгого пребывания среди харчей.

Крыса негромко хохотнул, кивнул своему товарищу, точно болванчик, и, приблизившись на достаточно близкое расстояние к Арвэю, что-то ему зашептал.

Лиса не слушал их разговор. Он был не из тех людей, что любят подслушивать чужие речи. Позлить Бакши – это одно дело, а копаться в его нижнем белье – совсем другое. Хотя дома такое вполне допустимое дурачество всегда сходило путнику с рук. В таком деле главное не переиграть с планкой, иначе на горизонте замаячит тощая фигура Катарины. Кто-кто, а она не любит, когда обижают ее лучезарного советника. Где же она потом найдет такого другого стукача и скупердяя. Нынче такую редкую птицу, как Арвэй Бакши, еще поискать надо. Жаль, конечно, что ему пока не удалось развить свою мысль, но ведь и время выдалось явно не подходящее.

Маг быстро собрался с силами, тем самым сосредоточенно подготовившись к давно вошедшим в привычку действиям. Не торопясь, мысленно прочертил узор, направил в него магический поток, аккуратно поддел нити, затянул и затем

полюбовался своей, чуть ли не ювелирной работой.

Лиса любил магию, даже не ее саму, а то плетение, которое бывает у заклинаний между их созданием и конечным результатом. В этом деле нужно отточенное мастерство да четкий просчет, иначе быть беде. Хотя без импровизации даже самый интересный узор станет серой посредственностью.

Истинный путник еще раз полюбовался своей работой, при этом слегка прищуривая глаза.

Дорога обратно давалась сложно. Раньше об их продвижении по дорогам Изнанки и буферных миров нечего было беспокоиться, так как большую часть «неприятностей» они с Крысой выжимали из до боли знакомых территорий. Для таких завсегдатаев сумеречного мира это было не сложно. К тому же Катарина не обмолвилась ни словом об их маршруте. Исходя из логики Лисы, это было все равно, что дать добро на то, чтобы он и Крыса смогли немного задержаться и посвоевольничать от души. Отличный посыл с ее стороны.

Теперь и маг, и его боевой товарищ в полном объеме воспользовались бессловесным предложением правительницы. Только бедняга Бакши был, видимо, не в курсе происходящего. Потому Лиса и умудрился хорошенько поддеть заскорузлого Арвэя, а Крыса вволю похохотать в рукав, дабы не привлекать лишнего внимания со стороны подхалима. Им нужно было проучить этого злобного выскочку, который вечно портил ребятам отпуск и выдумывал невероятные числа в статьях расхода по своим ведомостям, при взгляде на

которые маг приходил в полный ужас. Он просто не понимал, откуда хитромудрый казначей находил столько лишних цифр. Ладно, Крыса ничего не мыслил в работе Бакши, но Лиса… Да, одними угрозами и полемическими баталиями их с Арвэем встречи на тему выдачи денег заканчивались не часто. Ведь они оба понимали, о чем говорят, потому обычно все выходило гораздо сложнее и запущеннее и нередко заканчивалось даже рукоприкладством.

Маг прикрыл глаза рукавом. Порыв ветра поднял с земли горсти пепла и устремил их ему навстречу. На долю секунды закрыв веки, он все же украдкой продолжал смотреть вперед своим внутренним зрением сквозь внешнюю реальность. На Изнанке опасно терять из виду горизонт, даже на такой небольшой промежуток времени. К тому же, Лиса все-таки был магом и мог видеть то, что сокрыто от взглядов других. Главное не путать зрение. Ведь у него, как и у многих других путников, были свои секреты, которые он предпочитал оставлять при себе. Но в такие минуты маг действительно был благодарен своей судьбе за то, что она одарила его темными глазами. В извечных сумерках Изнанки они казались пронзительно черными. Потому никто и не мог увидеть, что за искусство применяет Лиса в своих опытах.

Мгновение точно удар сердца. Легкое головокружение, и внезапно мир Изнанки стал другим. Совершенно иным.

Неожиданно исчезло тяжелое кроваво-красное небо, испещренное седыми сизо-серыми с синеватыми подпалинами

облаками. Внезапно оно стало бесцветным, блеклым и вызывающе монохромным. Словно все багряные краски, которыми так славилась Изнанка, растворились в палитре, оставив после себя только тусклые серые тона. Даже иссиня-черный горизонт приобрел иное обличье. Помутнел. Потерял яркость и насыщенность. Выцвел.

Только пепел под ногами остался пеплом. Его не коснулись изменения. Он по-прежнему бледным пологом стелился по земле и тянулся за горизонт, на сколько можно было охватить взглядом. Абсолютно плоское плато, сплошь покрытое седым ворохом. Но оно было словно живым. Подвластный невидимому ветру пепел тек, перетекал, постоянно менялся, точно вода. Не останавливаясь ни на мгновение. Пронзительный ветер Изнанки и струящаяся под ногами серебристая земля редко двигались в одном направлении. Лишь только им удавалось совпасть – все вокруг по-настоящему оживало. Пепел вплетался в сети ветра, и тем, кто шел по нему, становилось невероятно туго. Ведь бури на Изнанке – страшная напасть. Хорошо хоть из-за вечной смены направлений оба течения если и совпадали, то лишь на сотые доли мгновений.

Лисе жутко захотелось пить. Вот только ни самой воды, ни хоть чего-то похожего на влагу в мире Изнанки не было. Маг когда-то слышал, что раньше белесый, похожий на пыль, пепел был дном океана. Великого Океана, из которого родилась реальность. Но возникших из нее миров было так мно-

го, что вода понемногу стала исчезать. Прошло какое-то время, и она ушла глубоко в недра пепельной земли. Лишь кое-где разбросанные по Изнанке колодцы еще держали в себе остатки животворящей влаги. Но он никогда своими глазами не видел таких колодцев. Да и те, кто говорил о них, считали сказанное всего лишь еще одной местной байкой, коих немало на их земле. Одна из немногих истин гласила, что с уходом Великого Океана понемногу начала исчезать магия. В некоторых мирах и реальностях она еще по-настоящему была жива, а в других, с ее уходом, умерла часть извечной жизненной цепи. Время проходит, и все меняется. Точно вода. Струящийся извечный поток. Он все переворачивает с ног на голову. Все теряет свои очертания в его великом русле. Даже по дну Великого Океана теперь можно было ходить. Да и он сам поменял название. Жители Лабиринта нарекли дно всех реальностей Изнанкой. Только вот эхо древней воды никуда не делось. Пепел все колыхался на невидимом ветру, заставляя следы, сделанные путниками только недавно, безвозвратно исчезнуть. Кануть в зыбкое небытие.

Вот так, неожиданно, все вокруг стало совершенно серым. Только где-то глубоко, в затянутых облаками небесах, по-прежнему не утихали раскаты грома. Где-нигде проглядывались яркие всполохи не прекратившейся с уходом океана грозы. Уже какое тысячелетие грозные разряды так жестко и глубоко прорезали сизые облака. С появлением иного видения Лиса очередной раз поразился тому, что молнии в

небе так и остались бледно-зелеными линиями, нисколечко не утратив свой цвет и блеск.

Внезапно где-то в глубине облаков, высоко над ним, в верхних слоях Изнанки, маг увидел быстро движущиеся черные полосы, то исчезающие, то вновь появляющиеся.

Маг инстинктивно заморгал, стараясь вернуть цвета на прежнее место. Он прекрасно понимал, что излишне подвергать себя опасности – недопустимая крайность. Зрение понемногу нормализовалось. Доли секунд – но каких важных. То скупое многоцветие, что неожиданно ворвалось в его видимый мир, иглой кольнуло в затылок. Только Изнанка могла вызвать у Лисы подобную реакцию.

Обернувшись к двум стоявшим неподалеку от него фигурам, путник что есть мочи крикнул:

– У нас гости, господа. Прошу любить и жаловать.

Краем глаза Лиса увидел, как Крыса встрепенулся. В тусклом изнаночном свете неярко сверкнули два клинка. Маг же покрепче перехватил свой видавший виды посох и попятился назад. Хоть он создал хороший защитный круг, но то, что сюда вот-вот должно было явиться, в состоянии разнести его в клочья. Главное во всем – только время.

Изнанка – одно из самых опасных мест. Из тех, что, на первый взгляд, точно пронизаны покоем и жутковатым извечным призраком мира, похожим больше на забытье. На деле же, здесь страшно. До жути страшно. Так страшно, что порой хочется заплакать. Не останавливаясь и сжимаясь в

комок. Только тех, кто идет под знаком Пути, Изнанка не может испугать по-настоящему. Наоборот – их тянет туда. Затягивает в ее пучину. Ведь в них самих живет ее ветер, ее дух и ее безумие. Они сами – ее часть. Неотъемлемая и неделимая. Посему каждый из путников знает свой конец. Придет день, никто из них не в силах будет покинуть холодный пепельный мир.

Оттого лишь истинные путники могут провести тебя через тьму Изнанки, и лишь они могут уберечь тебя от неминуемой смерти. Здесь и сейчас.

Вот только порой случались и непредвиденные ситуации. Такие, как сейчас.

Твари, обитающие на Изнанке, были настолько различны и в то же время похожи, точно их делал под копирку слепой верстальщик. Да, пепельное дно Великого Океана так и брызжет мириадами скрытых опасностей. Этот абсолютно одинаковый пейзаж кого угодно доведет до сумасшествия. К тому же, извечный пронизывающий холод, способный пробраться сквозь любую одежду.

Раньше, когда в Гильдии Каменного Дола полным ходом шли их треклятые испытания, камнедержцы пачками уходили на погибель в эти мрачные земли. Бесконечный поток чванливых живых мертвецов заполнили Изнанку, но теперь от них не осталось и следа – белая пыль приняла их подношение как должное, а вместе с ней к пиршеству присоединились и падальщики: духи, обманки, тени. Кто его знает,

как все было на самом деле… Сизая земля – опасное место, такое же, как и ее обитатели.

Тени-то в большинстве своем безвредны, но Лисе они не нравились больше, чем прочая изнаночная живность. Ведь тени – донники. Они пожирают эмоции и чувства нечаянно попавших сюда живых, только, пожалуй, их одних не трогают. Обманки – каннибалы и весьма хитроумные хищники, могущие принимать форму чего угодно и считывать чужие воспоминания. Отвратительные создания. Что до духов, то их тут было огромное количество. Совершенно разнообразных. Правда, большинство из них обитало в верхних слоях небосвода. Где-то в этом сине-красно-сером небе. Там эти существа жили в раздолье, носились сквозь молнии, обитая в оторванных колтунах реальностей. Большинство духов безвредны, но сюда, на самое дно Изнанки, миролюбивые представители подобной живности никогда не спускались. Скорее наоборот.

Маг знал, кому принадлежали те черные полосы. Он прекрасно понимал, что подобная встреча не самая приятная, но… Существовало одно огромное «но», из-за которого он и Крыса тут круги наматывали, пытаясь хоть кого-то выцепить из поднебесников.

Они приходят с бурей.

Удивительно, что Арвэй не чувствовал, что его водят по кругу. И это настоящий, истинный путник! Видимо, он окончательно оброс мхом у себя в кабинете и не мог теперь сде-

лать ни единого шага по белому пеплу. Ужасная участь. Лиса в действительности никому из своих соратников не желал бы подобного счастья.

Путник вновь прикрыл глаза. Только он это сделал, как внезапно его коснулось ощущение надвигающегося ненастья. Маленький ветерок, до этого ворошивший темные волосы Лисы, превращался в настоящий шквал. Обезумевший порыв стихии, с легкостью поднявший с земли пыль, мгновенно тонким слоем осел на его лице. Пепел горьковатым наростом забился в носоглотку, заставив мага чихнуть. Тот, не мешкая, подобрал, чуть ли не до самых глаз, плотный шарф и надвинул на нос очки. Быстрым движением прикоснулся к линзам, заставив их понадежней прикрепиться своими резиновыми прослойками к его лицу. Изнаночные очки – невозможная древность. Вот только его глаза все равно слезились. Видимо, переход на другое видение отозвался эхом на его нынешнем состоянии. Единственная радость – пыль теперь точно оседать на его глазах не будет.

Лиса вновь увидел те черные линии. Еле заметные на фоне небосвода. Только теперь они достаточно просматривались, ведь то, что неотвратимо приближалось к ним, было совсем рядом.

Истинный путник занес руку, попутно перебирая в голове наиболее действенное заклятие. Недалеко от него ударила молния, после чего последовал оглушающий раскат грома.

Какое-то мгновение… и круг, прочерченный магом, за-

пылал синеватым пламенем, став чем-то похожим на сферу, внутри которой спрятались трое путников.

Шаровые молнии били теперь с изрядным постоянством, искры от тех, что попадали в сферу, рикошетили на их головы.

Ветер так и не унялся, скорее, набрал еще большие обороты. Он хлестал по лицам, пытаясь повалить неугодные препятствия, внезапно возникшие на его тропе.

Крыса поправил передатчик.

– Ты слышишь меня, Бакши? – негромко прошептал он, пытаясь не очень-то открывать рот. Крыса не любил, когда нити шарфа лезут ему же в рот.

– Да, Кэллэх, – послышался голос Арвэя в наушниках.

– Держись центра, Бакши, – прошипело в наушниках казначея. – Что бы ни случилось, держись центра!

Арвэй Бакши сглотнул. Он не любил Изнанку, хотя она, как и многих других путников, звала казначея к себе. И отчасти ее-то ему и не хватало. Тамошнего ветра, багрового неба и зыбкой серебристой земли. Вот только желание выжить было у него побольше и существеннее, чем зов дна Великого Океана. К тому же казначей не любил текучесть и непостоянство пепла, в котором боялся заблудиться и сгинуть навек, а также, чего уж скрывать, того, что обитает в недрах Изнанки, он страшился до дрожи в коленях. Ему и так часто снились кошмары.

Внезапно небо над головой Бакши осветилось каким-то

невероятно ярким светом. На мгновение Арвэю показалось, что он ослеп.

Лишь через несколько бесконечно долгих мгновений он смог наконец нормально видеть, да и то ему пришлось еще руками протереть свои линзы, на которых образовались пыльные пятна.

Лучше бы он ослеп.

Вокруг него копошились непроглядные островки первородного мрака. Они то и дело ударялись о прозрачный серебристый свод защитного круга.

Свод прогибался под животным напором, готовый вот-вот рассыпаться прахом на пепельную землю. Повсюду летали искры, точно над головой казначея проходила высоковольтная линия.

Обернувшись, казначей увидел Лису. Над ним стелился сиреневатый туман. Путник быстро водил пальцами одной руки над посохом, его невнятное бормотание эхом проносилось в наушниках казначея. Высокая фигура Крысы была совсем рядом. Два серебристых клинка, опущенная голова. Он чего-то ждал.

Мгновение, и щит, защищающий их от темноты, лопнул. Разлетелся осколками по пепельной пустыне. Сгинул, проглоченный безликой землей.

Темные пятна ринулись вовнутрь, остервенело комкая пучки некогда цельного заклинания.

Бакши покрепче сжал металлический корпус пистолета,

который всунул в его руки Крыса, когда только Лиса почувствовал приближение опасности. Теперь благодаря тому, что эта небольшая коробочка со снарядами была в его руках, Арвэй чувствовал хоть какое-то подобие защиты. И плевать, что он ужасный стрелок.

Крыса расправил клинки и, как только первые темные пятна приблизились, начал свой танец. Главное, не дотрагиваться до этих тварей, а там – дело за малым.

С филигранной точностью Крыса пронзает один из призрачных сгустков темноты, который с неприятным шипением исчезает, уступая месту десяткам подобных себе отродий Изнанки.

Удар, разворот, блок, потом вновь легкий, колющий, исполненный мастерства финт, вновь защита, прыжок, опять удар, и все повторяется по новой. Крыса не считает врагов, он лишь пытается выжить, а когда выживают, главное не отвлекаться. Если отвлечься лишь на мгновение, может появиться сомнение и тогда будет беда.

Поднырок, удар, блок.

Ноги пружинят, Крыса проводит контратаку, перерубая надвое сразу двух нападавших. И вновь он окружен, кажется, что поток монстров невозможно уменьшить.

Слышится жужжание и рядом с ним взрывается звездопадом огненный шар. Лиса не зевает, упорно атакуя. Его товарищ вновь пружинит, он отскакивает в сторону, готовясь к новому бою.

Слышится выстрел. Это Арвэй Бакши. Видимо, пытается внести свою лепту в общую драку. Пусть так. Этому заскорузлому типу не помешает хоть как-то проявить себя.

Он чуть не пропустил чистую атаку. Это плохо. Нельзя думать. Укол прямо в призрачное сердце. Отскок, группировка и вновь атака. Отражение, контратака, и все повторяется вновь.

Маг мрачен. Он не думал, что на зов, испущенный одним из темных духов, соберется столько всякой изнаночной жути. Но пока они держатся. Правда, вся защита Арвэя на нем. И они еще говорили, что этот тип когда-то умел стрелять.

Среди миллиардов вспышек, среди постоянного шебуршания и огненных всполохов, среди всего этого разрозненного хаоса, наполненного пеплом, пылью, искрами, и черных пятен, Бакши внезапно стало плохо. Что-то черное скользнуло по его руке, и он почувствовал, как невероятный холод сковывает сначала его запястье, а постепенно и все его тело.

Вот его пальцы разжимаются, и пистолет выскальзывает из них, а казначей, уже теряя сознание, замечает, какое же на Изнанке все-таки невероятно прекрасное небо.

8:30

– Только через мой труп, – безапелляционно и вполне четко выразила свое пожелание Сохиши Шиско.

– Но, госпожа Шиско, это же приказ госпожи Катарины, –

пытался объяснить всю загвоздку их спора тролль.

– Ага, ее, точно, – кивнул в такт словам начальника дневной смены Андрейко.

Видимо, Бор зашел к главному механику не в самый удобный момент. Но время поджимало, а еще ничего не удалось предпринять.

– Я не собираюсь отдавать свое творение в лапы этих негодяев, – возопила в порыве гнева эолфка, при этом отчаянно жестикулируя. – Пусть только попробуют его завести, стервецы! Я им покажу, как воровать чужую технику!

Соша негодовала. Причем выражала свое недовольство яростно и громко, не замечая ничего вокруг. Она неутомимым демоном носилась по своему кабинету, выкрикивая проклятия в адрес миротворцев, стражей, камнедержцев, самих путников и подзащитных, а вместе с ними помянула «не злым тихим словом» магов с механиками и даже не забыла о механизмах, хорошенько пройдясь напоследок по всему глубокому Лабиринту. Грозные нарекания цветистыми коврами ложились одно на другое, а сама разъяренная их дарительница, вне себя от обуявшей ее злости, готова была растерзать на клочья тех, кто принес в ее обитель такую гнусную весть.

Сержант запаса Андрейко немного сник, а начальник дневной смены Сталист смотрел на ее метания с мрачной решимостью удава.

– Это приказ, госпожа Шиско, – жестко сказал тролль, – а приказы не обсуждаются!

– Да в гробу я их видела, – мгновенно вспыхнула Сошa и, встав рядом с троллем, заорала тому в лицо: – Слышишь, Сталист, в гробу я видела такие приказы!

– Но, госпожа Катарина… – попытался хоть как-то повлиять на главного механика Андрейко, но его слова потонули, не справились с натиском, а сам их автор совершенно поник.

Только Сошa и Сталист продолжили уничтожать друг друга, правда, теперь не словами, а глазами. Огромная туша тролля непосильной тенью нависла над эолфкой, точно пригвождая ее к земле. Но главный механик сейчас была не в том состоянии духа, чтоб замечать подобную несуразицу их положения. Сошa смотрела на тролля так красноречиво, что Бромуру Туркуну на мгновение показалось, что Сталист вот-вот поплатится. Сам же командор в душе поддерживал главного механика. Он тоже не горел особым желанием отдавать крылатика в руки мастера Хмыря, миротворческого шефа летного дела. Бору он не нравился. Ни он, ни отношение миротворцев к ним самим – жителям Пути.

– Я последний раз предупреждаю вас, госпожа Шиско, что вы обязаны выполнить этот приказ как представитель Содружества Гильдий, а также выказывать дружеское отношение ко всем его представителям, – не унимался тролль.

– И я тебе последний раз говорю, Сталист, что видала я такие приказы в изнаночном пекле, чтоб его разодрало на клочья!

Их взгляды очередной раз пересеклись, и тролль все же

нехотя отступил и, отведя взгляд, с угрозой произнес:

– Если до десяти вы не будете готовы и не выполните распоряжение правительницы, пеняйте на себя, – а потом, полный мрачной решимости, весомо добавил: – Я лично приведу в исполнение Закон.

– Видала я твой Закон, знаешь где? – заорала двоим служителям порядка вслед Соша, но договорить не успела. Они вовремя ретировались, протиснувшись в дверной проем и оглушительно хлопнув напоследок дверью. Андрейко – мастер подобных спецэффектов.

Бор с трудом успел отскочить в сторону от движущихся на него мужчин, почувствовав себя спокойно, лишь когда дверь за ними окончательно закрылась.

– А тебя, Туркун, какого-такого воздушного потока занесло ко мне на ковер? – хрипло поинтересовалась Соша, попутно приглаживая свои растрепанные призрачные блекло-белые волосы. – И не говори, что мимо проходил, стервец. Знаю я вашу породу. Вечно неподалеку шляетесь.

Командор пропустил негодующую речь мимо ушей и без обиняков сразу приступил к изложению наболевшей мозоли:

– Нам нужно отложить полет.

– Я же уже повторяла…

Что-то в голове главного механика щелкнуло, переключилось на другое шасси. Бору почудился даже скрип срабатывающих шестеренок.

– Отложить? – наконец выдохнула она.

– Да, именно так, – кивнул он.

Сохиши Шиско исподлобья глянула на него так красноречиво, что командору на какое-то мгновение захотелось последовать примеру согильдийцев, вот только он не успел – Соша вовремя заговорила:

– Я не могу этого сделать. Это вопрос чести. Моей чести и моего авторитета. Я не могу перенести вылет и точка, – горящие глаза, высоко поднятая голова. – Я никогда не переносила полеты и впредь не перенесу. Ты меня понял?

Бор болезненно вздохнул. Он искренне любил мастерство главного механика, но так же искренне ненавидел ее тупоголовое упрямство. Да, она талантлива, невероятно одаренная, но до невозможности упрямая личность, эгоцентризм которой явно зашкаливал за крайнюю отметку. Самый что ни на есть настоящий баран с непробивным характером, от которого даже у самого миролюбивого и дружески настроенного человека могла голова пойти кругом.

– Но испытывать «Эллиса» будут миротворцы, – попытался Бор подойти с другой стороны.

– Не будут, – угрюмо заявила Соша, а чуть погодя, едва скрывая раздражение, сказала: – Я знаю, к чему ты клонишь, Туркун. Нет. Я тебе этого не позволю!

«И где здесь логика?» – про себя вздохнул Бор. Ну что ж, тогда нужно подойти с более весомым аргументом.

– Вы слышали про спор? – начал он.

– Спор? – приподняла бровь эолфка.

– Да, спор между Гильдиями, – кивнул он.

– Не думаю, что твоя песенка про всякие споры изменит мое решение, – резко произнесла Соша. – Иди и займись своим делом, Туркун. И чтоб сейчас духу твоего здесь не было. Понял? Или мне повторить?

– Как скажете, – осознав всю тщетность своих попыток, наконец проговорил Бор.

Трудно биться лбом о стенку, в особенности, если эта стенка главный механик Шиско.

Выйдя из кабинета Сохиши Шиско, Бор не смог не прикрыть лоб рукой, оттерев с него невесомую пыль. Древний жест его народа, означающий что-то вроде грозящей крупной переделки.

Бор не знал, что делать. До вылета всего около часа, а проблем становилось еще больше с каждым ударом сердца.

Он шел по длинному внутреннему коридору летного крыла. Пытаясь в голове прикинуть все возможные выходы из сложившейся ситуации, Бромур Туркун постоянно подлавливал себя на том, что не в силах придумать ничего путного. Он прекрасно понимал всю патовость ситуации. Что бы командор ни делал – все равно не успеет оградиться от застывшей на пороге беды. Хотя Ласточка и попытается пробиться по своим каналам, но Бор не верил, что из этого выйдет что-то путное. До назначенных испытаний оставалось слишком мало времени.

Где-то за стенами грохотали турбины каких-то новых ме-

ханизмов, слышалось нарастающее эхо очередных испытаний в аэродинамической трубе. Все вокруг громыхало и стенало. Повсюду лился неоднородный механический шум. В этом крыле всегда так, хотя отойди подальше – ни малейшего цокота не услышишь. Гильдия Ветра всегда была со своими странностями.

Лабиринт подобен бункеру: добротному, просторному, приближенному к реальной безопасности убежищу, зачем-то размещенному чьим-то злым гением на самом пороге Границы и Тумана. Не самое лучшее соседство.

Однако развить свою мысль командор так и не смог – его отвлекли. Кто-то усиленно пытался обратить на себя его внимание, неистово дергая за полу летной куртки.

Бор обернулся, но никого не увидел. Хотя нет, он просто не туда смотрел.

– Привет, Тортрон, – вежливо поздоровался он, глядя вниз и при этом пытаясь перекричать гудение машин.

– Привет и тебе, командор Бромур, – донесся до него хриплый бас.

Гном явно что-то хотел от Бора, но никак не решался высказать вслух мучавшие его думы.

– У меня к тебе дело, командор Бромур, – наконец-то произнес он.

Бор удивленно посмотрел на взлохмаченного Тортрона. Этот несчастный был чем-то вроде «мальчика на побегушках» у Соши, а подобной участи Бромур Туркун откровенно

не желал никому.

За стеной что-то протяжно завыло. Нет, не завыло – заверещало. Громко и оглушительно. Обкатка всегда была делом неприятным.

– Отлично, – заорал командор, пытаясь перекричать шум.

– Что? – донесся до него рев гнома.

Послышался скрежет, заглушающий, пуще прежнего, голос самого Бора. Поняв, что его не слышно, он принялся жестами показывать, дескать, да, я согласен. Когда до Тортрона дошел смысл жестов Бромура Туркуна, он кивнул и внезапно потянул Бора за собой. Тот же, неожиданно для себя, повиновался.

Они вместе, молча, миновали еще парочку коридоров. Хотя там и было достаточно тихо, ни человек, ни гном не произнесли ни единого слова.

Бор по-прежнему не совсем понимал, почему он идет следом за механиком, а тот, в свою очередь, целенаправленно тащил его на буксире. Почему-то Бору показалось, что упрямством Тортрон пошел в Сошу. Та обычно действовала такими же методами.

Только когда они пришли в маленькую коморку, по-видимому, принадлежащую не просто гному, а целому поколению разгномистых гномов, настолько она была гномьей, командор наконец-то смог перевести дух. Вот только Бору, чтоб протиснуться в нее, пришлось согнуться в три погибели и мысленно проклясть свое безрассудство, которое обычно

приписывал Ласточке. Настолько же он ошибался…

В коморке было тесно и душно. Бромур Туркун никак не мог нормально устроиться. К тому же его сразу бросило в пот. С трудом подняв глаза, он увидел сидящего на толстоногом табурете Тортрона. Он печально смотрел на своего гостя.

– Тут есть дело, – пояснил гном каким-то невероятно грустным голосом, в котором точно сконцентрировалась вся печаль и тоска гномьего народа.

Командору, едва только расположившемуся на полу, отчего-то стало безумно весело. Кто бы мог подумать, что сегодня он будет протирать свои штаны о гномьи бревна.

«Хорошо, что все они ужасно чистоплотные», – пронеслось у него в голове.

Почему-то Бору отчетливо представилась его родная страна, где максимум, как мог попасть его сородич в дом гнома – это по мелко нарезанным частям. Желательно с отдельной сушеной башкой.

– Вот, – ткнул пальцем в какую-то жестяную штуку Тортрон.

Бор смигнул. Он, по-видимому, пропустил какую-то часть объяснения механика. Ему просто вспомнилась голова отца, которую он достал из одного гномьего дома, охваченного пламенем. Конечно, костер развели уже потом. Как говорится – победителей не судят и горе побежденным. В тот день они победили, но потом…

– Что это? – выдохнул командор, борясь с навязчивыми воспоминаниями.

– Уселок, – пояснил гном, обращаясь к командору с таким видом, точно тот был сержантом запаса Андрейкой.

– Я понял, что это уселок, – раздраженно высказался командор, внутренне борясь с приступом ярко выраженного расизма, заложенного у него на генетическом уровне.

– Он с «Эллиса», – пояснил механик Соши.

Бромур Туркун смигнул еще раз. Задумался и вздохнул.

Иногда гномы все-таки являются тебе во спасение. И самое удивительное, что действительно спасают. Взять, к примеру, дядю…

8:45

Паренек задумчиво поковырялся в усилителе. Проверил тональность, подкрутил громкость, надел наушники и с упоением начал играть.

Вначале просто пробежался по струнам, подержал ритм, задумался и началось.

Винс обожал эксперименты. Он просто с ума сходил, лишь только стоило ему взять в руку бас. Истинный путник, конечно, любил и гитару, а тем более старую скрипку, но бас… Было в нем что-то невероятное, то, что, казалось, открывало в его душе вторую, невидимую дверь.

И он играл, экспериментировал со звучанием, пытаясь

уловить нужный ритм. А еще поймать мечту. Мечту из стопроцентного звука.

Пальцы носились вдоль грифа. Они прижимали струны, давили, рвали наружу ритм. Его правая рука скользила вдоль струн. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Она, точно камертон, отсчитывала порывы рвущегося наружу ритма.

Крыса не раз повторял ему, что бас держит в накале всех, кто играет в группе. Он невидим, но ощутим. Он дает всем энергию. Силу звучания. Тот ветер, что подхватывает душу и мчит его прочь. Вперед за мечтой.

Звучание сменилось, он начал использовать свои примочки, но не стало хуже. Он, точно математик, рассчитывал свои ходы, а бас отзывался на его посылы абсолютным повиновением.

– Ты меня слышишь, Винсент? – Голос, ворвавшийся в его наушники, резко привел паренька в чувства.

Наушники хлопнули, больно ударив по уху. Винс прекратил игру, осторожно отложил бас-гитару, снял наушники, выключил усилитель и только потом посмотрел на того нечестивца, умудрившегося испортить его интересный ритм.

Возле него, с многообещающим выражением на лице, стояла Лакана. Она была местным патологоанатомом, и морг этот был ее полной парафией, в которой сам путник являлся чем-то вроде невольного иждивенца. Одно плохо – эта женщина была из великого рода ненормальных алеги, абсолютно не смыслящих в музыке.

– Я говорю, Винсент, – сухо начала Лакана, – что в морге не место твоим музицированиям.

Винс вздохнул. Анарин обычно ему говорила примерно то же, но так, что он понимал, что в целом она не против, но только под его личную ответственность.

– Я тебя, по-моему, предупреждала, что поговорю с твоей наставницей Анарин, и я это сделаю. Твоя несознательность мне совершенно не по душе, – продолжила добивать Винса алеги. – Морг должен оставаться моргом, а не… кордебалетом!

– Вы разве видите здесь танцующие трупы?

– Что?

– Вы сами сказали, что не хотите видеть здесь кордебалет. Извините, конечно, но я мог бы специально, как показательное представление, это устроить. Только сейчас их нет, но если бы они все же здесь были… Жаль, что вы высказали мне свое пожелание так поздно. Извините, что я не успел подготовиться, госпожа Лакана.

– Ты… – палец патологоанатома завис в каких-то сантиметрах от его носа.

В голосе Винса была заложена какая-то внутренняя основательность, да и выглядел он всегда нарочито серьезно, даже холодно. Его спокойствие и выдержка иной раз ставили в тупик. Парень бровью даже не повел, слыша возглас вкрай разнервничавшейся алеги. Ее же подобное поведение с полоборота выводило из себя.

– Знаешь что, адепт, я тебя могу за подобные выходки в клубок свернуть и отправить восвояси и будешь себе искать другое поле для своей ученической практики. Ты меня хорошенько понял? Чтоб больше я в морге музыки никогда не слышала. Заруби это себе на носу.

– Хорошо, госпожа Лакана, – отозвался Винсент.

– Вот и отлично, – кивнула патологоанатом. – А теперь исследуй вот это тело, – кивнула она в сторону холодильника. – Мне нужна вся информация, которую только сумеешь раздобыть, – видя скептическое выражение лица, Лакана добавила: – Это распоряжение серкулуса. Вот указ, – она протянула ему мятый лист.

Винс аккуратно взял его в свои руки. Рассмотрел. Дело действительно какое-то невиданное. За подписью правительницы. Такого уже давно не было. Но существует проблема.

– Я не имею полномочий, чтобы исполнить этот указ, – сказал он, глядя на лист.

Алеги нервно дернула подбородком. Видимо, она знала, что с истинным путником все так и обернется. Отвернулась, точно к чему-то вслушиваясь, а потом несколько раздраженно произнесла.

– Ты в этом уверен?

– Я ведь на обучении, – пояснил свою жизненную позицию Винс.

– И что? – Патологоанатом резко обернулась и с вызовом глянула на парня. – Тебя это останавливает? Ты же путник.

Делаешь всякие глупости, обходишь стороной букву Закона, так же просто, как дышишь. Вот не далее как пару минут назад играл на этом, – он указала на бас-гитару, – в морге и это после всего того, что Гильдия Ветра сделала для тебя. После того, как она закрывала глаза на твои шалости и твое неповиновение, ты заявляешь не мне, а ей, – Лакана указала куда-то в потолок, – что не намерен помочь Пути в сложную для него минуту.

– Я адепт, как вы смели уже заметить, а следовательно, не причастен к жизни Пути, пока не научусь ходить самостоятельно на Изнанку. К тому же я, хоть и в большей степени, являюсь частью Гильдии Ветра, чем вы, но, увы, пока не могу принять явное участие в ее существовании. Извините.

Лицо Винсента оставалось непроницаемым. Диалоги с Арталой многому его научили, по крайней мере, тому, что ему пришлось вызубрить Закон от корки до корки, чтобы не попадаться на явные провокации наивного, но весьма дотошного хранителя книг. В отличие от джолу, эта женщина была более приземленной, а главное – ее речь можно было понять без словаря.

– Ты… Ты…

– Я не обязан, подчиняться вашим указаниям без письменного подтверждения на это моего наставника. Между прочим, вы сами ратовали за внесение изменений в Закон на позапрошлом пленарном собрании, что и было проделано правительницей.

– Ах ты мелкий, – она прикусила язык, дабы не унижать свое достоинство.

Алеги – странные существа. У Винса были знакомые алеги. Даже не знакомые – друзья. Тот же Ласточка. Мрачноватый и отчужденный тип, который горой мог встать на защиту товарища, если ему действительно что-то угрожает, или та же Арада – решительная и талантливая, нынешний конструктор крылатиков. Но эти двое – исключения. В большинстве своем алеги – мерзкие серокожие человекообразные существа с серебристо-белыми волосами и желтовато-коричневыми глазами, которые любили пакостить тебе хитро, скрытно, так сказать с изюминкой. Те же вздорные эолфы по сравнению с ними – сущие дети. Да, Винс никогда не испытывал особой любви к этим известным скрягам и ростовщикам. Он всегда при разговоре с ними повторял себе одно и тоже: следи за языком. С ними нужно было держать ухо востро.

– Отлично. Я так и передам госпоже Катарине, – хмыкнула Лакана.

Ее желтые глаза сощурились в нехорошем прищуре.

Винсент прекрасно понимал, что окончательно рушить отношение с патологоанатомом – глупость, но и подчиниться ей – еще большее безрассудство. Вот только из безвыходных ситуаций всегда есть выход, просто он обычно никому не нравится.

– Если вам нужен опытный некромант, госпожа Лакана,

вы можете обратиться к Григорию из Гильдии Водяной Башни – он отличный мастер, – заметил Винс. – Неплохой специалист в области демонологии. Он с радостью обследует ваше тело.

– Старый пердун, – фыркнула алеги, так и не поняв подколки паренька. – Сам не ведает, что творит. Помню-помню, какую ахинею он устроил на прошлом сходе профессоров. И ты думаешь, что этот человек сможет помочь нашей Гильдии в столь щекотливом деле? Мало того, что сам отказываешься, так еще и предлагаешь после этого абсолютно некомпетентную личность.

– Это всего лишь предложение, а не приказ.

– Чтоб такие дети, как ты, еще и приказы отдавали? Я поседею, если доживу до этих дней.

Путник едва смог подавить рвущийся наружу смех. Есть одна физиологическая особенность алеги – они от рождения седые. Правда, сами они так не думают.

– Что же вы будете делать, госпожа Лакана?

– Чтоб тебя, Винсент, – прошипела алеги. – Ты меня вынуждаешь на принятие особых мер.

– Вы мне уже все запретили, – подметил точно невзначай Винс.

– Ах, ты ж, – она примолкла и на какое-то мгновение задумалась. – Не буду кривить сердцем, что мне приятно такое решение, но давай поступим так – я разрешу тебе здесь временами музицировать, а ты поможешь мне в этом деле.

– Да ну? Я не хочу подставлять ни учителя, ни себя.

Патологоанатом встряхнула головой. Ее белесые волосы волной рассыпались по плечам.

– Ты никого не подставишь, – ответила она. – Арвэй как всегда занят, а серкулус, если что, постарается все уладить.

– И что?

– Ты будешь изредка играть здесь.

– Сколько?

– Не чаще двух раз в неделю. От сердца отрываю, – после долгого сопротивления, происходившего внутри алеги, наконец сдалась она. – Просто проверь тело, лады?

– И никаких проблем? – все еще не веря в слова Лаканы, произнес паренек.

– Не думаю, что они появятся.

– Да ну.

– Я лично поговорю с Анарин и скажу, что заставила тебя это сделать. Тебя это устроит?

– Думаю, да, – кивнул Винсент.

Он прекрасно понимал, что теперь действует незаконно, но… Алеги – мастера держать обещания, и путник не хотел лишиться своей бас-гитары. Вот только серокожие, еще к тому же, очень толково могут работать головой. С ними нельзя заключать никаких договоренностей. Обязательно что-то да будет в их пользу. Сделки с алеги – великое зло, но Винсу не приходилось выбирать.

– Тогда по рукам.

– По рукам.

Они пожали друг другу руки. Она произнесла родовую клятву, обязывающую их обоих соблюсти договоренность и, кивнувши самой себе, после этого сказала:

– Винсент, только я тебя прошу, ты можешь это сделать как можно быстрее?

– Мне нужно увидеть ее.

– Отлично.

Патологоанатом крикнула что-то нечленораздельное, неожиданно дверь морга открылась, и в комнату вошли два мрачных лекаря. Точнее, помощника лекарей. Он знал их обоих. Одни из немногих несчастных, что трудились на благо Гильдии Ветра бессменно. Их то поднимали, то отпускали. Потому эти двое и были такими дерганными и нервными.

Помощники лекарей втолкнули в морг каталку, на которой лежало тело, прикрытое простыней. Винс видел его очертание. Он не любил смерть, хотя постоянно с ней сталкивался. Его талант был на темной стороне, и парню приходилось применять его в защите от более глубокой и всеобъемлющей тьмы, что скрывалась в его душе.

– Ты осмотришь ее?

– Почему вы не сказали мне, что это женщина?

– Ты не спрашивал.

Винсент мрачно окинул взглядом лежащее под простыней тело. Лакана снова провела его, не обмолвившись и словом о том, что перед ним мертвая женщина. Что самое ужасное

– он повелся. Глупо попался на уловку алеги. Вызывать духи мертвых женщин – не самое приятное занятие. Особенно алеги, а перед ним, похоже, лежала представительница именно этой расы.

Паренек задумался. Взвесил все возможности, а затем ответил:

– Думаю, не дольше часа и не меньше десяти минут.

– Хорошо, – лаконично ответила ему Лакана и не забыла добавить, памятуя об изворотливости путника: – Я дождусь результата здесь.

– Как считаете нужным, – безразлично пожал плечами ее собеседник.

Помощники лекарей уже ушли, патологоанатом села неподалеку от Винса, то и дело вглядываясь своими золотисто-желтыми глазами-блюдцами в действия юного некроманта.

Паренек встал, взял все необходимые инструменты и не забыл про себя отметить недобрую гримасу хозяйки морга, поджидающую близкую расправу.

«День действительно не задался», – в очередной раз отметил про себя Винсент.

Парень прекрасно знал, что после разговора с духом его попросят отсюда. Алеги, в отличие от самого Винса, не терпит посторонних. Так что с музыкой придется повременить.

Он оттащил каталку с телом в холодильник. Там хоть взгляд этой злобной женщины не столь ощутим, да и спокой-

ствие настолько жесткое, что отвлекаться на всякую ерунду он уже точно не будет, а в его деле это самое важное.

Холодильник – это рабочее место патологоанатома, а по совместительству невероятно удобное место также и для некроманта. Название у комнаты было глупым. Может, там и было чуть холоднее, чем в самом морге, но все же не до такой степени ощутимо. Тут определенно больше воняло магией, чем формалином.

Обычно сам морг был пуст. В Гильдии Ветра умирали редко, так что обычно Анарин отправляла Винсента практиковаться к старику Григорию – второму из двух некромантов всего Лабиринта. Тот хоть временами и страдал маразмом, но в целом был вполне приятным человеком со специфическим чувством юмора. Из-за постоянной пустоты местного морга и царящей тут тишины, паренек и приспособил для себя здесь маленькую музыкальную студию. Лакана ведь появлялась здесь редко, больше проводя время с лекарями. А тут спокойно и прохладно. В голове свежо, да и вдохновения хоть отбавляй. Репетировать – одно удовольствие. Да и соседи не жалуются.

Парень вздохнул, подкатил тележку вплотную к столу, нажал на кнопку переноса и равнодушно начал следить за тем, как медленно механизмы переносили тело с каталки на надраенный до стеклянного блеска стол. Механизмы негромко урчали, а Винсент между тем привычно прикидывал свои пошаговые действия.

Ему не нужно было осматривать все тело. Это не его работа. Для того чтобы вытянуть нужную информацию, хватит и того, чтобы открыть несчастного мертвеца хоть по ключицы. Главное, видеть шею и голову. Все остальное – неинтересно.

Он откинул полог так, чтоб его край пришелся как раз на уровень плечевого сустава.

Так и есть: алеги, женщина, притом довольно молодая. Парень взял досье, лежащее на каталке. Открыл.

Сулина Аманада. Из Третьего мира. В графе иммиграции значилось: «Пришедшая за защитой». Работала в медицинском крыле Пути. Попала к ним по одной из программ лояльности.

Все понятно. Значит, Сули.

Парень вгляделся в мертвенно-бледное лицо алеги. Сероватая кожа приобрела отчетливый синюшный оттенок. По следам видно было, что ее пытались спасти, но безрезультатно. А еще в ней что-то искали. Он замечал результаты действия Альберта. Выражения лиц у тех несчастных, в сознание которых тот проникал, невозможно было забыть. Винс, предчувствуя вмешательство телепата в ее тело, решился проверить свою догадку. Он, откинув край простыни, достал руку алеги. Так и есть, на запястье следы от манипуляций Альберта. Именно он оставляет подобные увечья, пытаясь вернуть кого-либо с того света.

Неужели эта несчастная – жертва той трясучки? Непохоже. При завалах травмы другие, и ты не испытываешь чув-

ства, что тебя всего перекрутило, вывернуло навыворот и затем хорошенько встряхнуло.

Винсент расставил свечи, достал скальпель и задумался. Он никогда не пользовался ритуальными ножами, потому как их было слишком много, а напрягаться по всякому разному случаю он, честно говоря, не хотел. Поэтому паренек всегда работал более доступными подручными средствами. Да, не так действенно, но зато головных проблем меньше.

С такими жмуриками по законам некромантической логики он имеет право лишь на пару вопросов.

Видимо, дядя Ноя не придал значения сему специфическому церемониальному действу – вмешательство оказалось куда глубже и серьезней, чем вначале предположил путник. Похоже, о существовании в Гильдии Ветра юного некроманта опять забыли, что и не мудрено.

Винс положил скальпель на место и двинулся обратно к двери, чтоб позвать патологоанатома и признаться в собственной некомпетенции.

Стоило ему открыть дверь и окликнуть Лакану, как позади него послышался шум.

Паренек инстинктивно попятился, чудом успев разминуться с летящим в него его же скальпелем.

– Что за дрянь? – ахнул он.

Обернувшись, Винс увидел весьма живую покойницу. Она стояла и держала в руках свечу, грозя бросить ее в путника.

Паренек был поражен до глубины души, но все же у него хватило силы воли, чтоб не растеряться и крикнуть в соседнюю комнату:

– Она встала! Госпожа Лакана! Ваша усопшая встала, чтоб ее!.. Что мне с ней делать?

Он пулей вылетел из холодильника, попытался закрыть его, но почувствовал напор бьющейся наружу покойницы. Патологоанатом не стала никуда бежать. Она поддела замок, и он захлопнулся. Огромная железная дверь ходила ходуном, точно была сделана из тонкой древесины.

– Ее надо подпереть, – прикрикнула на оторопелого парня Лакана.

Он кивнул и помог алеги сдвинуть кое-какую мебель, дабы заблокировать выход из холодильника.

– Что ты сделал? – наконец выдохнула она.

– В том-то и дело, что абсолютно ничего, – растерянно заявил Винсент. – Я не успел даже книги открыть.

– Тогда чего она теперь бьется с той стороны?

– Я не знаю, госпожа Лакана. Она мертвая, а мертвые не должны ходить. Только зомби могут такое проделывать, а она несколько свежа для проведения ритуала зомбирования.

– Чтоб тебя! Так, Винсент, марш к серкулусу или кому-нибудь из дневной смены, и чтоб одной рукой здесь, а другой там.

– Ногой…

– Да какая разница.

– Но я не знаю где… – парнишка окончательно растерялся.

– Он в медицинском крыле.

– Хорошо, – кивнул Винс и побежал.

Он знал более действенные пути и способы воздействия на местное правосудие.

9:00

Дверь едва слышно скрипнула. Путник зашел в полумрак, сразу же с головой окунувшись в тугую атмосферу таверны. Рядом с ним, незримым шлейфом, слышалась какая-то приглушенная речь. Негромкие разговоры на гортанном диалекте.

С уличного мороза, и сразу в такое тепло. Слишком яркий контраст как для жителей подлунного мира. Постояв немного на пороге и пообвыкнув, он облегченно вздохнул, но шапку снимать не рискнул. Она прикрывала его белесые волосы. Шарф он все же приспустил, но так, чтобы внешне это не бросалось в глаза. Дело в том, что алеги был в чужом для него мире, и хоть внешне его раса и схожа с расой людей, но все же их различие иной раз слишком уж бросалось в глаза.

На улице по погоде закутанный человек не привлекал всеобщего внимания. Холода не давали раздумывать слишком много – даже местные старались потеплее запахнуться в зимнюю одежду, чтоб хоть как-то сохранить тепло.

Ласточка обвел глазами полумрачное помещение. Он надеялся, что его полускрытая внешность все же никого не насторожит. Удостоенный нескольких беглых взглядов и чуть ли не сразу забытый, путник проследовал вовнутрь. Ему пришлось хорошенько пошарить взглядом по лицам завсегдатаев, прежде чем он нашел ее. Ту самую, ради которой он проделал такой длинный путь.

Девушка расположилась за толстым деревянным столом у дальней стены, с отсутствующим взглядом ковыряя в тарелке. Рядом с ней сидел какой-то местный тип. Он что-то взахлеб ей рассказывал. Скорей всего, прикинул про себя Ласточка, что перед ним Артала Арайна, джолу, носящий личину, дабы сохранить собственную шкуру. В отличие от алеги, джолу еще меньше похожи на людей. Их кожа невероятно чувствительна к ультрафиолету, и пребывание под настоящим солнцем убийственно смертельно. А еще Артала любил поговорить, но не так, как Ацту, а совершенно по-другому. Чтобы понять его речь, нужно было обладать поистине энциклопедическими знаниями и недюжинным чувством юмора.

Ласточка, недолго думая, подошел к ним вплотную. Поздоровался с обоими путниками.

Он, Анарин и Артала встретились в одном из дальних миров. Хорошо, что здесь было холодно и промозгло, и, благодаря небольшим усилиям, сам путник не сильно отличался от местных и, что самое главное, не перепутал таверны. Это

главное.

Ему потребовалось приложить немалые усилия, чтобы добраться сюда. Открыть портал в отведенном для этого месте, пересечь пустыню пепла и прийти пешком, и это в собственный выходной день. Изнанка, хоть и не самое приятное место, но не такое уж непритягательное, как некоторые из миров.

Хорошо, что когда-то очень давно они обменялись листами, по которым могли связаться друг с другом. Мало ли что могло в жизни случиться.

– О, Ласточка, – улыбнулся джолу. – Мое почтение.

Благо, на нем личина и Ласточке не пришлось видеть перед лицом его зубастую улыбающуюся физиономию.

– Привет, – отозвалась путница.

– Надо поговорить, – не стал вилять алеги.

– Понимаю, – кивнула она.

– С глазу на глаз, – подчеркнуто добавил он.

Ласточка слишком хорошо знал, что джолу может разговаривать очень долго, не по теме, да еще так, что его практически невозможно было перебить.

– Артала, – Анарин выразительно глянула на своего напарника.

– Понял, – вздохнул тот и освободил свое место, уйдя куда-то в глубь помещения.

– Неприятности? – обеспокоенно произнесла девушка, глядя в глаза алеги.

– Да, – нехотя признался он.

– Неужели все так серьезно?

– Похоже на то.

– Опять что-то не поделили?

– Ну да, – и понимая, что вряд ли его привычная манера изложения возымеет нужный эффект, сказал: – На испытаниях будут миротворцы.

– Вот тебе на.

Ласточка промолчал, едва сдерживая себя от того, чтобы не прикурить прямо здесь и сейчас. Жаль, что тут это было не принято. Так что ему пришлось временно подчиниться конспирации.

– Не завидую я вам, – сказала негромко Анарин, при этом изучая светло-желтые, практически песочные глаза собеседника. – Лучше уж сразу в петлю. Бедная Шиско.

Алеги кивнул. Что-либо добавлять к вышесказанному не имело смысла, да и попусту шевелить воздух этот истинный не любил.

– Бор, я так полагаю, сейчас у Соши, – произнесла она, глядя куда-то вдаль. Такой бесцельный, задумчивый взгляд.

– Ну да, – невесело усмехнулся Ласточка. – Где ж ему еще быть?

– Не завидую ему, – заметила Анарин.

– Я тоже, – произнес алеги, борясь с неприятным чувством.

Ему опять невероятно сильно хотелось курить.

– Не знаю, что смогу сделать, – честно призналась путница. – Но я постараюсь помочь. Думаю, хоть как-то смягчить ситуацию все же можно. Так что давай заберем Арайну и как можно быстрее вернемся домой.

9:15

– Посторонись! – истошный вопль Лисы прогремел в главном зале, точно взрыв.

Они вынырнули из пустынного мира Изнанки с минимальными потерями и одним раненым за плечами. Позади них был хаос из пятен погибших духов, чьи тела медленно растворялись на пепельной земле, а впереди маячил неясный свет.

Вот только ворвались в главную залу Пути они не одни, за ними шел хохотун. Огромная зверюга вынюхала пролившуюся кровь и решила, что у нее будет легкая добыча.

Сама добыча так не считала.

Маг помянул всевозможными проклятиями то место, из которого возникла эта тварь. Хотя им и нужно было, во что бы то ни стало, достать кровь хохотуна, но этот экземпляр был уж слишком велик даже для них двоих. Он был просто огромен и могуч. Точно сконцентрированная сила, закаленная извечным хладом и противоречивыми ветрами Изнанки, обрела животную плоть. Вонючая тварь, полная под завязку драгоценной кровью, гналась за ними по пятам.

Пальцы путника слегка подгорели от количества направленных им огненных заклинаний. Огонь не самая любимая стихия Лисы, да и не очень-то он любил притрагиваться к магическому пламени. Но на Изнанке маг не мог позволить себе привередничать. Он попросту не мог выбрать другую стихию – все, кроме огня, было бесполезным. Но теперь…

Его мысли сталкивались, невозможная сосредоточенность заставляла пот литься градом. Он чертил узоры, делал завихрения, вкраплял ловушки в собственный магический рисунок и посылал полученное навстречу оскалившейся смерти. А она скользила, ощеривалась полутораметровыми клыками и старалась обрушить все на своем пути.

Хохотуны плохо чувствуют магию, но маг старался изо всех сил хоть как-то оставить свой след на шкуре злобной твари. В то же время истинный путник пытался не задеть своими действиями напарника. Если падет ближняя оборона, то и самому Лисе будет не до пускания сгустков силовой энергии.

Его напарник точно танцевал, не видя ничего перед собой, кроме огромного, покрытого слежавшейся пепельной шерстью врага. Крыса будто бы и не чувствовал ни капли усталости. Его клинки, покрытые темной паутиной черноватой жидкости, двигались так быстро, что маг едва ли мог хорошенько различить их в ежесекундном сверкании молниеносных выпадов и четких ударов. Да и не нужно ему было следить за ними. Сейчас главное – не упустить момента, когда

он пробьет брешь в природной антимагической броне хохотуна и сможет помочь своему напарнику.

Лиса порядком подустал, но это не имело значения. В его рукаве загодя спрятан еще один козырь. Он легонько прикрыл узор своей паточной энергией, впихнув туда особый рецепт. Маг знал наверняка, что заклинание может оказаться для него обоюдоострым мечом, но он – путник и оттого должен защитить такого же путника, как и он сам.

Его губы тихо шевелились, тексты всплыли в голове. Барьер, сотканный властной материей, медленно соединился с клубком магии. Вот-вот будет готова живая взрывная узконаправленная волна.

Мгновение – и вихрь ярко-алого света, вырвавшийся из его рук, осветил главный зал и диском влетел прямо в цель. В раздразненного зверя.

Взрыв получился нешуточный. Лиса смог нащупать брешь и расширить ее.

Хохотун взвыл. Его громоподобный рев огласил коридоры Гильдии Ветра. Маг же непроизвольно попытался оградиться от неистовства зверя. От того оглушительного хохота, из-за которого эта тварь получила свое прозвище. Лишь когда вой утих, маг заметил распластавшегося на полу Арвэя Бакши.

Казначей был плох. Не мертв, но очень близок к этому состоянию. Яд воздействовал слишком быстро. Будь он обычным человеком, то давно бы уже окоченел, но он – истинный

путник. Да, закоренелый кабинетный крот, едва ли способный выйти один на один с пепельной землей, но все же он, как и Лиса, слышавший голос Изнанки. Серебристая пыль еще не исчезла до конца, и Арвэю приходилось бороться за свою жизнь в негласном поединке. Он все еще дышал, хотя это не значило, что казначея миновала возможность отправиться к праотцам. Пока ветер с той стороны несется по его душе, а голос Изнанки призывает его к себе, она всегда существовала.

Маг мимоходом отметил, как очередное заклинание, использованное им, заставило серебристые кристаллические нити, оплетающую его левую митенку, потемнеть. Теперь они едва ли не сливались с гладкой черненой кожей. На правой же такое действие произошло немного ранее, отчего путнику пришлось наслаждаться зрелищем того, как на выглаженной гладкой поверхности аметиста, вделанного в тыльную сторону митенки, начали появляться тонкие нити трещин. Кажется, он немного переборщил с количеством заклятий на сегодня. Если он будет продолжать в таком же духе, камень определенно разлетится вдребезги и ему придется опять просить подаяния у Арвэя, а очередной задушевной беседы с казначеем он для себя на ближайшее будущее не планировал.

Между тем, Лиса, уже на коленях, пустил в бой очередной сгусток ярко-алого света. Попал. Чудище еще раз взвыло. Да так ожесточенно и жалостно, что у путника возникла мысль

добить его.

Вот только его напарник не был столь милосердным. Воспользовавшись удачным моментом, он, сделав невероятный кульбит, вогнал в холку озверевшего от боли хохотуна один из клинков. Зверь зарычал. Его рык был подобен истошному хохоту. Видимо, тварь чувствовала свою смерть и теперь была готова на все, чтоб захватить с собой в небытие еще одного попутчика.

Крыса с легкостью взметнулся к потолку, чтоб еще больше ослабить натиск твари. Он прекрасно знал, что хохотун вскарабкается по щербатой колонне следом за ним. Так оно и вышло. Теперь эти двое, точно коты, бросались с одной выемки колонны на другую. Их выпады были столь невероятны, а акробатические трюки настолько захватывающи, что маг чуть не зазевался, наблюдая за ними, но вовремя спохватился, взяв себя в руки. Ведь в том, что творилось, не было ничего удивительного: Крыса – наполовину эрони.

За спиной у Лисы послышалась возня. Разрозненные крики и какие-то проклятия. Еще одна вспышка света, посланная магом, срикошетила, пробив в стене огромную брешь.

Странный скрежет… и Крыса, на мгновение спустившийся назад, вновь взмыл к потолку, за ним след в след помчался хохотун. Огромная махина с легкостью паука лезла по стенам, точно по земле, вот только второй подъем давался ему уже с трудом. Ярко-алая кровь обагряла колонны, точно россыпь красной краски в праздник.

Послышались выстрелы. Видимо, к делу, в конце концов, решила присоединиться дневная смена.

Лиса последний раз пальнул огневиком. Задел. Аметист пронзительно заскрипел, еще немного – и он мог разнестись вдребезги. Доходить до таких крайностей нельзя. Осторожно, стараясь не заходить слишком далеко, путник, закусив губу, пытался выжать из себя остатки собственной резервной энергии.

Внезапно до слуха мага донесся жуткий протяжный рев.

А потом хохотун грохнулся. Туша подняла клубы пыли и с глухим ударом приземлилась на каменные плиты главного зала.

Какое-то мгновение, душимый агонией, хохотун еще пытался подняться. В его членах еще теплилась жизнь, и он всеми силами пытался выжить в жестоком мире, в который из-за собственной бравады и глупости угодил. Он взревел последний раз, а потом его расстреляли в упор.

Лиса смотрел на стекленеющие глаза недавнего врага с какой-то щемящей грустью в сердце. Он ненавидел смерть. В особенности такую.

Напарник мага приземлился недалеко от хохотуна. Когда очередь смолкла, он подошел к нему вплотную и с силой вогнал второй меч тому в горло. Что-то неприятно булькнуло. Крыса наклонился и, достав небольшую колбу, не поленился набрать в нее еще горячую кровь, уже изрядно запачкавшую каменный пол главного зала. Удивительно, но истин-

ный с неприятием отступил от растекающейся лужицы, чтоб не запачкать обувь.

Хотя Крысу и задело в плечо, но он старался не показать виду. Встав с колен, он с немалым трудом вытянул из коченеющей туши свои острые, как бритвы, мечи. Повернулся к Лисе. С трудом улыбнулся. Снова глянул на хохотуна. Теперь Крыса стоял, дрожа всем телом, без особого интереса изучая мертвое исчадье Изнанки. Внезапно его мечи с металлическим грохотом скользнули на пол. Послышался неприятный звон.

Четверо стражников ошарашенно смотрели на двух сумасшедших путников, притащивших в святая святых это огромное чудовище.

Где-то рядом с магом тяжело дышал Арвэй. Услышав хрипы, исторгаемые несчастным казначеем, Лиса неожиданно пришел в себя.

– Лекаря! – что есть мочи заорал он. – У нас раненый! Быстрее лекаря сюда!

Мгновение ему казалось, что он обращается к пустоте, но вот уже стражники зашевелились. Один из них что-то прикрикнул на двух остальных, так как третий уже куда-то умудрился исчезнуть.

– Вы в своем уме? – Маг узнал тролля.

Лиса лишь улыбнулся, сплевывая густые комья крови.

– Ах да, я забыл, это что-то вроде «риторического вопроса»? – он был невероятно зол, хотя, отметил про себя Лиса,

каменные существа из принципа злиться не могут. – Я повторю: вы, парни, в своем уме? Что вы тут устроили?

К путникам уже подбежали двое лекарей. Видимо, приехали на анибусе, раз успели так быстро. Они как можно аккуратнее уложили на носилки Арвэя, и Лиса, игнорируя вопрос начальника дневной смены, сказал:

– Мне надо с ним. Быстро.

Один из лекарей недоверчиво глянул на него. Лиса сам, видимо, требовал медицинской помощи, и от мага это не ускользнуло. Он видел это в глазах стоящего подле него лекаря. Долой сантименты! С ярым ожесточением путник протянул лекарю под нос знак отличия. Тот стушевался. Видимо, какой-то значок говорил ему гораздо больше, нежели что-либо еще.

– Да как ты можешь, – попытался остановить Лису тролль, но тот лишь оттолкнул его.

– Ты видишь это, – указал он взглядом на знак. – А теперь занимайся своим делом, а я займусь своим.

Тролль с неприятием глянул на Лису. Тот лишь кивнул ему, понимая, что Сталист его бы сейчас на месте разорвал, если бы он не был истинным путником. Начальник дневной смены это понимал, а также и то, что, сколько бы он ни старался что-либо сделать с истинными, без личного приказа правительницы – ничего не выйдет. Так что ему оставалось лишь скрежетать зубами и поносить мага всуе.

– Пошли, Крыса, – голос Лисы едва предательски не дрог-

нул, но он смог удержать выбранную планку.

Парень точно очнулся от слов своего напарника и, подобрав клинки, пошел следом за магом.

Лису шатало. Руки нестерпимо саднили. Тупое зудящее ощущение боли понемногу занимало главенствующее место в его сознании. Но он держался. Маг исподлобья глянул на своего напарника. Крыса был не в лучшем состоянии, но он был сыном правителя Гильдии Водяной Башни. Он не мог упасть в грязь лицом, что бы ни случилось.

Поэтому Лиса все же решил сделать это за него, споткнувшись о невидимый камешек. Доставит искренней радости и Сталисту. Плевать.

Крыса вовремя протянул руку, а магу того и надо было. Он с удовольствием оперся и поднялся, а потом тихо произнес:

– Ты можешь отдохнуть, Крыса, – едва слышно обратился он к своему напарнику.

– Спасибо, – откликнулся тот.

Облокотившись на Лису, Крыса зашагал в такт своему товарищу. Два безумно уставших путника спешили успеть к анибусу, чтобы до конца выполнить возложенную на них миссию.

9:30

Стена полыхнула голубоватым пламенем. Ослепительно

ярким и жгучим. Пластиковые панели моментально обуглились, стоило лишь жару прикоснуться к их поверхности. Все горело. Полыхало и искрилось. Точно на земле наступила власть потусторонней стихии.

Правда, за моментально образовавшимся желтоватым щитом неестественного огня уже не было. Магия тоже не всесильна. Вот и это голубоватое пламя лизало искрящееся желтое свечение, паутиной прикрывающее раздосадованных жителей Гильдии Ветра, и пятилось, точно под напором ледяной родниковой воды.

– Отступаем, – скомандовал Дэз.

Он не был уверен, что это поможет, но ничего более разумного решить пока не мог. Эти два ужасных ключевых слова: «пока» и «не мог». Они отравляли его существование. Но он знал, что, несмотря ни на что, ему придется что-нибудь предпринять.

– Мы направим потоки по высокочастотным путям, – прокричал откуда-то сзади раскатистый голос ореанина, – и запрем эту тварь в морозном гробу.

– Отлично, Тинори, – крикнул серкулус, вставая с коленей.

Он упал при последнем толчке. Эта тварь умела «тихо» передвигаться.

Хотя им пришлось наскоро соорудить преграду, но это мало спасало, потому маги и он сам решились на более жесткие меры. На обвал. Теперь вывернутые наизнанку внутрен-

ности бетонных плит и пластика были раздолблены и поломаны. Они, точно вывернутые наружу внутренности глубинного чудовища, преграждали проход в сторону морга. Такой завал тяжело разобрать. Только вряд ли тварь, что была по ту сторону, волновало подобное. Она была неимоверно сильна, и потому серкулус понимал, что долго такая конструкция не протянет.

Очередной толчок – и Дэзу с трудом удалось удержать равновесие. Он слышал, как что-то истошно воет где-то там, в глубине. Опять приглушенный удар, и Дэзмунд Смитт покрепче сжал зубы.

Им пришлось туго. Хорошо, что хоть маги были под рукой. Не будь их – дело бы точно приняло намного более жуткий оборот.

Дэз с усилием заставил себя вновь вглядеться в голубоватое пламя, бушующее по ту сторону щита. Оно не давало просочиться из-под завала всякой гадости, да и хоть немного успокаивало серкулуса.

– Нужен кульбит по теории Токера, – прохрипел Миарлиний, делая пас рукой и параллельно что-то нашептывая себе под нос.

– Давай, я подстрахую, – в ответ ему прокричал Тинори. – Змейка самое оно!

Яркие зеленоватые переливы заполняют пространство. Эти маги – мастера своего дела.

Такие разные к подходу к своему делу, они порой способ-

ны лихо взаимодействовать друг с другом, несмотря на существующие предрассудки, связанные с их магическим ремеслом. Миарлиний, как типичный выходец с Элессии, являлся жестким консерватором Высшей академии, а Тинори, будучи каноническим ореанином, не мыслил иного пути к познанию множественности изменения, кроме как того, что вбили в его голову в далеком детстве по ту сторону Границы. Но самое важное то, что эти двое – иные по происхождению и духу, достигшие высоких вершин в изучении избранной ими стези, будучи извечными антагонистами, несмотря на заскорузлые споры, если того требовало обстоятельство, решались на совместные шаги и тогда действия их приносили небывалые плоды. Жаль только, что подобные события были такой редкостью… Оттого Дэзмунд Смитт был рад, что провидение благоволило ему хоть в этом деле.

Глядя на то, во что превратился один из коридоров, Дэз вновь пережил то странное чувство, впервые охватившее его, когда только стало известно о происшествии в морге. Тогда он, не раздумывая ни секунды, сразу же ринулся в гущу событий. Мимоходом серкулус заставил одного из своих подчиненных, оставшихся в их конторе после ухода товарищей на ежеутренний обход, двинуться за подмогой к начальнику ночной смены. Того необходимо было срочно разбудить, потому как Сталист ему нужен был здесь. Сам же путник не мог разделиться надвое, а следовательно, кому-то все же придется в такое непростое время возглавить операцию

с крылатиком и покрасоваться перед союзниками. Посылать туда начальника дневной смены – убийство, а сам он, увы, не в состоянии сейчас этим заняться. Полагаться же на сержанта запаса – себе дороже. Он еще хуже Сталиста. К тому же Дэзу, как воздух, необходима была удача, а у этого глуповатого парня она всегда была при себе.

Серкулус помнил, как попытался утихомирить тварь своими силами – но ему это оказалось не под силу. Надежда на быстрое устранение причины треволнений таяла на глазах. Это досаждало истинному путнику даже больше, чем ближайшие испытания.

Теперь же, чуть ли ни на его глазах, заварилась такая каша, что Дэзу приходилось каждое мгновение взвешивать свои действия, дабы не допустить еще больших неприятностей.

Он мельком глянул на сменщика да на Андрейко, стоявших недалеко друг от друга. Итого, прикинул в голове Дэзмунд Смитт, с тылом у него еще хуже, чем с основной силой. Следовательно – ничего хорошего ему не светит, если он не заработает головой. Учитывая тот факт, что в смене всего пятеро бойцов, ну и их начальник, то это, как ни посмотри, – маловато выходит.

В его распоряжении было всего шестеро. Из них пятеро застряли в главном зале, один только что вернулся от «обрадованного» Ацту. Бойцы, как с ночной смены, так и с дневной, не жили на территории Гильдии Ветра. В отличие от

своих непосредственных начальников. Потому Дэз прекрасно понимал, что ночные сменщики уже далеко наверху и возвращать их обратно довольно долгая, муторная и, в целом, бессмысленная процедура. До чего они докатились. Смех и грех. Колоссальная нехватка кадров. Как пощечина на лице. Серкулус все же взял себя в руки – они обязаны прорваться сквозь все неприятности, уготованные им судьбой. Даже если тьма окутает их с головой.

Мальчишка-некромант, ученик Анарин, по дороге так толком и не смог ничего объяснить. У Лаканы был небольшой шок. Единственное, что понял Дэз из сбивчивых слов этих двоих – морг подвергся атаке какого-то непонятного существа, обладавшего таким могуществом, что оно в мгновение ока подняло мертвую алеги на ноги и через нее начало вытворять эти скверные вещи.

Хорошо, что события развернулись на Темном этаже – здесь поблизости магическое крыло и серкулусу не составило огромного труда послать за магами мальчишку-некроманта, хорошо знавшего местных обитателей. К тому же по пути он встретил мрачных Минаду и Альберта. Еще одно удачное стечение обстоятельств. Они успели вовремя, и теперь, как и Миарлиний с Тинори, вовсю пытались ограничить движение чужеродного существа.

– Крупноскал, – обратился Дэз к троллю, из дневной смены Сталиста, ждавшего его дальнейших распоряжений. – Обратись к госпоже Катарине с просьбой об ограниченных

полномочиях от моего лица.

– Да, сэр, – кивнул тот и поспешил прочь.

Дэз шумно сглотнул. Дела шли неважно, и пока передвижения остановлены, ему надо было собраться с мыслями и получить добро на кардинальные меры. Ему позарез нужен был человек, понимающий в потусторонних делах. Неожиданно на ум истинному путнику пришло решение, о котором он отчего-то раньше не подумал.

– Быстро ко мне того паренька.

– Которого?

Дэзмунд Смитт повернул голову и увидел человека, обратившегося к нему. Дэз уже хотел было что-то ответить на прямолинейное мышление Андрейко, но не успел. Видимо, тот принял слова истинного путника за непосредственное руководство к действию, эдакий приказ, обращенный лично к сержанту запаса, и без колебаний пустился его исполнять, даже не удосужившись дослушать серкулуса. Сам же его непосредственный начальник лишь внутренне выругался от такой ярой прыти.

– Лакана, – обратился он к испуганно жавшейся к стене алеги.

– А? – откликнулась та.

– Мне срочно требуется подмога. Зови сюда начальника дневной смены. Его и подкрепление. Он в главном зале. Только быстрее – мы долго не продержимся!

– Да… Да… Я мигом, – прошептала она и опрометью бро-

силась вниз по коридору, прочь от их небольшой разрозненной группки соотечественников.

«Что за безумный день?» – только и успел подумать Дэз. Он бы все на свете отдал за то, чтобы узнать, какого шутника это рук дело. Нашел и содрал бы с него шкуру. Всенепременно.

– Ты его чуешь, Альберт? – обратился к наставнику Нианона серкулус, когда они отошли на достаточное расстояние, чтобы не попасть под действие магических цепей, накладываемых сейчас Миарлинием и Тинори.

Двое магов искусно плели невозможно сложные заклинания, чтоб удержать существо за желтым щитом на месте. От их напряженного штурма у путника неистово звенело в ушах, а от разрядов магической энергии, бьющей через край, немного кружилась голова.

– Есть надежда? – и, видя, как его собеседник отрицательно качает головой, серкулус еще больше помрачнел.

– Мы его так просто не заловим, – ворчливо заговорил Альберт, он был напряжен ничуть не меньше самого Дэзмунда Смитта.

– Черная тварь, изыдница бестолковая.

Вот и госпожа Рыба пожаловала. Практически, все путники Темного этажа в сборе. Что за день такой. Дэз тихонько выпустил свой эмоциональный всплеск негодования, чтобы не озвереть и не послать все куда подальше. Местная сумасшедшая предсказательница тут как тут. Всегда в гуще со-

бытий, всегда готовая отпустить хорошее напутствие да пожелание доброго пути.

– Что вы здесь делаете, госпожа Рыба? – попытался унять будущее негодование серкулус. – Уведите ее! Быстро уведите. Здесь опасно!

Минада, возникнув откуда-то сбоку, попыталась побыстрее перехватить предсказательницу, но не тут-то было.

– Я вижу путь, – грозно затараторила она. – Холодный хлощовый пряник. Белое лицо. Луна. Последняя надежда. Ветер бури стакана. Воли радуга… Вы все умрете!

– Ну, началось, – без особой радости забрюзжал Альберт.

Телепату стоило лишь зло сверкнуть глазами на прорицательницу, и той след простыл. Кто-кто, а он хорошо мог воздействовать на таких, как она.

– Порой хуже Поленицы, – хмуро просипел себе под нос он.

– Верно, – подтвердил Дэз, вглядываясь в образовавшийся под действием магии завал.

Там творилось что-то невообразимое. Все вздрагивало и трепетало, ходило ходуном, готовое обрушиться, стоило лишь коснуться пальцем.

Дэзмунд Смитт вновь громко сглотнул.

И все-таки он доберется до этого гильдийца, что устроил погром, хорошенько врежет ему, а заодно и отдубасит, если уж так, по чести. То, что он найдет причину их напасти среди местных, путник даже не сомневался.

– Вы звали, серкулус? – Рядом с ним возник темноволосый паренек.

– Ты ведь некромант, верно, – серкулус для уверенности переспросил Винса и, увидев подтверждающий кивок, продолжил: – И это демон, верно. Ты сам вроде утверждал об этом еще несколько минут тому назад.

– Да, – кивнул тот. – И я кое-что узнал. Это не изнаночный дух.

– Неужели? – нотка здорового скептицизма ясно зазвучала в словах Дэза.

– Это граничный демон, – отчеканил Винсент, точно отрезал. – Он не обычный и его сложно упокоить.

Раздался треск, и автоматная очередь, выпущенная вернувшимся сменщиком, прошла сквозь барьер, уничтожая каких-то мелких существ, разрывающих образовавшийся на месте магического пламени завал. Они все вылезали и вылезали, пока один из магов вновь не полыхнул по ним голубоватым пламенем.

Тинори утробно закряхтел. Рука Миарлиния предательски задрожала. Силы были неравными.

– Вот это мы уже давно поняли. – Сарказм неуместен, но иногда Дэзмунд Смитт не мог удержать себя в узде. – Что-то еще. Существенное?

– В «Демонологии» написано, – постарался перекричать Винс внезапно начавшийся вой, – что они не исчезнут просто так. Нам нужно убрать то, что их сюда позвало. Это осла-

бит то существо, которое было призвано извне.

– Лучше сразу надавать на орехи тем, кому удалось его сюда запихнуть, – прошипел Дэз.

Теперь он знал, что делать, хотя и не представлял, как сможет это провернуть.

9:45

Сержант запаса бежал. Бежал со всех ног. Ведь серкулус сказал: «Найди того паренька». Вот он и искал его. Того паренька.

Сержант запаса бежал уже долго и никак не мог взять в толк, какого именно паренька следует найти.

Он обежал весь Светлый этаж и уже порядком устал. Почему ему надо было этого паренька искать на Светлом этаже, он не знал.

Зато в главной зале Общего этажа лежала дохлая зверюга. Такая огромная, со слежавшейся белесой длиннущей шерстью, каких сержант запаса еще никогда не видел.

Там он встретил сменщика Водицу, оставшегося караулить. Что именно он должен был караулить, ни сам Водица, ни Андрейко не знали. Но приказ есть приказ. Начальству виднее.

Ему понравилась эта тварь. Впечатляющая. С таким набором острых, как бритва, зубов и не менее огромных когтей, что сержант запаса невольно присвистнул.

Водица сказал, что это Крыса да Лиса его сюда притащили, а еще советника и, наверное, какой-нибудь чрезвычайно важный артефакт. Андрейко насупил брови и немного прикрикнул на сменщика, чтоб не распускал язык.

Потом сержант запаса в красках рассказал своему сослуживцу, что у них бес в трупняк вселился и там его высшее руководство упокоить хочет, на что Водица ответил, что скоро все самое интересное пойдет поверху – там союзные испытания. Андрейко потер подбородок и сказал, что это вряд ли, ведь с постели подняли начальника Ацту. Да еще и Марнаган что-то перепутала со своими кудесническими опытами, и теперь ее со стенки северянин отскребает.

– А землетрясение, – заметил Водица.

– Ну и что, – фыркнул Андрейко. – Бывало и похуже. Ты помнишь Марка из Гильдии Водяной Башни? Да, тот самый завсегдатай кабака у Лужички на Общем этаже. Он прошлой весной тоже пытался кое-какие опыты провести. Демона какого-то хотел вызвать, как мне знакомый рассказывал. Так вот, тогда говаривали, что…

Сержант запаса хотел уже рассказать историю, но пришел сам начальник дневной смены Сталист и забрал разговорчивого сменщика с собой.

Потому Андрейко и решил продолжить поиски «того парня». Он логично рассудил, что если того парня нет на Светлом этаже, на Темный путь был закрыт, а Серый находился под наблюдением правительницы, то оставалось лишь пойти

в столовую, что сержант запаса и сделал.

– Мое почтение, сержант, – окликнула его Ванага.

Она уже проснулась и заняла свое привычное место за стойкой. Возле нее, как всегда, клубился дым. Прозрачный и невесомый. Без особого запаха, точно созданный магией, он с легкостью окутывает здешнего повара. Андрейко видит, как она вновь затягивается из своего тонкого мундштука. На секунду замирает в задумчивости. Отводит немного руку, всю увешанную перстнями и браслетами. Другой же пододвигает к себе поближе пепельницу. Стряхивает пепел. Одна из бретелек ее короткой алой кофты падает, но Ванага не спешит ее поднять. Массивная цепь на шее поблескивает сквозь дымную завесу. Сержант запаса видит, как на свободной от браслетов руке начинает шевелиться вытатуированный дракон. Точно хочет получше устроиться на ее предплечье. Андрейко замечает, как он подмигивает. Или же это всего лишь ему кажется?

Бутылки, по-видимому, давно убраны, их место занял какой-то приемник. От него идут тонкие провода, прикрепленные, похожими на перевернутые трубы, зажимами к самой макушке Ванаги. Ее лицо ровным счетом ничего не выражает. Короткие ядовито-алые волосы, розовые тени на веках и абсолютное безразличие на лице – странный все-таки повар в Гильдии Ветра.

– И вам мое, госпожа Ванага, – кивнул ей Андрейко.

– Выполняете поручение, сержант? – Ее небольшие мут-

ные глаза пристально смотрели на сержанта запаса.

– Вы правы, госпожа Ванага, – ответил ей тот, а затем доверительным шепотом произнес: – Ищу, понимаете ли, одного парня… Того парня!

– Ого! – она пускала струю дымных колец, с интересом поглядев на Андрейко.

– Именно!

– И ты знаешь, что это за субъект такой?

– Тот парень! – серьезно заверил ее сержант запаса. – Это тот парень! Самый что ни на есть, – а затем, немного стушевавшись, попытался пояснить: – Я ищу его. Того парня. Вот только господин серкулус не сказал, кто это такой… А мне его искать…

– Непосильная задачка, как я смотрю.

– И я так думаю, госпожа Ванага. Ищу и думаю, что если смогу его найти, то это было бы совсем неплохо. Вот только как его узнать, того парня…

Ванага задумалась, и пепел от ее сигареты упал на вычищенный до блеска стол:

– Так тебе любой, значит, парень, нужен-то?

– Ну, не знаю.

– Дык, путник или нет?

– Думаю, из этих, истинных.

– Так вон, – указала ему она на одного из посетителей. – Смотри, там Ветерок сидит. Только с задания примчался. Да и они вроде с твоим начальником на короткой ноге.

– Я думал, все путники между собой на короткой ноге.

– Ты не там смотришь, сержант, – покачала головой повар. – А теперь беги, дружок.

– Спасибо за совет, госпожа Ванага, – ответил ей сержант запаса.

Андрейко никогда не обижал цивильных или цивилизованных. Вообще тех, кто не носил форму и не был отчасти путником. Потому как форма и знак Пути для сержанта запаса были чем-то взаимодополняющим. Поэтому он уважал серкулуса, ведь у него и знак Пути, и знак защитника Гильдии Ветра. Да и Ветерок, значит, тоже из этих. Из истинных путников. Он редко видел в Пути этого человека, хотя и знал, что есть такой. Приятной наружности. Не высокий и не низкий, достаточно пропорциональный и хорошо сложенный. Короткие темно-русые волосы, опрятная эспаньолка, извечная полуулыбка на лице. С ним и посидеть захочется, и задушевно поговорить о том о сем. Пропустить пару стаканчиков после смены или просто обмолвиться парой-тройкой фраз. Одним словом, Ветерок располагал к себе.

Только сержант запаса еще знал и то, что этот человек весьма странный. Жил не в Гильдии Ветра, а на Общем этаже. Сюда заявлялся крайне редко и, говорят, вечно надирался до полусмерти в дешевых трактирах. Он на своей памяти видел этого истинного в общей столовой всего пару десятков раз.

– Мое почтение, господин Ветерок, – обратился он к путнику.

Тот в свою очередь внимательно осмотрел сержанта запаса с ног до головы, перевел взгляд на жетон, который Андрейко ему показал, проглотил кусок булки, который до этого жевал, и только затем ответил:

– Честь имею, сержант. – Ветерок выгнул бровь. – Что вас заставило обратиться ко мне?

Сержант запаса все же про себя отметил, что подобных типов на его прошлой работе обычно обвиняли по двум статьям: либо в воровстве, либо в убийстве, а еще в контрабанде и множестве других смертных вещах. Такой и с мертвеца ботинки снимет – не погнушается. Мародер. Да, определенно, подобные Ветерку люди не могут быть чистыми на руку. Это просто невозможно. Хотя он и путник. Но истинный ли?

– Серкулус приказал вам к нему явиться, – пояснил Ветерку Андрейко.

Тот лишь хмыкнул, быстро допил свой сок и, кивком указав в сторону двери, сказал:

– Теперь я в вашем полном распоряжении, сержант запаса. Видите меня к серкулусу.

10:00

– Что же это случилось в Пути, а, братцы? – причитал гном. – Наш крылатик медленно уплывает в руки миротвор-

цам, и никто и пальцем пошевелить не может?

– Не знаю, Железняк, не знаю, – отвечал ему другой. – Начальству-то наверняка виднее…

– Это госпожа Шиско, что ли? – откликнулся какой-то гном. – Дык она не такая. Она наше в чужие руки не даст. Клянусь Сивым, что не даст. Не такая наша Соша.

– Да, остановит все, – кто-то еще присоединился к разговору между механиками. – И меч разящий свернет, если надо будет.

– Правительница не даст. Она никогда решений не меняет.

– Ой, что же делается-то.

– Срам-то какой. Первый полет межпространственника и этим бездарям отдать. Нашу-то технику. В такое-то время. Безрассудство. Куда только главный механик смотрит, – опять послышались причитания.

Бор, стоявший плечом к плечу с механиками-гномами, слышал краем уха, как те тихонько гомонили меж собою. Он прекрасно понимал их. Бесчестье – отдать первый полет другой Гильдии. Это как вручить ключи от шкатулки с драгоценностями ее потенциальному расхитителю.

– Бромур, – кто-то легонько толкнул его в плечо.

– Да?

– Ты дурак, Туркун, – взгляд исподлобья. – Как ты мог им это позволить?

Микуна никогда не внимала доводам рассудка и подчиня-

лась лишь собственным эмоциям. Точно кораблик в бушующем шторме, она плыла по несущей ее волне, даже не думая о рифах и мелях. Только природное чутье и сноровка спасали ее от гибели. Она была странным человеком. Бронзовым. И волосы, и кожа, и глаза – все имело в точности один цвет, только оттенки немного менялись. Микуна казалась Бору статуэткой. Бронзовой статуэткой, обладающей противоречивым нутром. Точно мягкая и твердая сталь навсегда сплавились в ее сердце, делая только сильнее. Будучи непревзойденным асом, она всегда работала сама, потому как риск был ее второй натурой и девушка не хотела никого, кроме себя самой, подвергать ему. Уж если она шла на риск, то полностью, с головой, наперегонки с ветром. Только одно удивляло Бора – девушка не была путником. Хотя в его глазах она олицетворяла собой Путь. Сам ветер. Переменчивый и шквальный.

– Нет, как ты мог это сделать? – она говорит от всего сердца и ее слова огнем жгут сердце командору.

Бор и так слишком хорошо осознавал, как мало он приложил сил в попытке прекратить грядущие испытания. Бесспорно, то, во что все превратилось, лишь его вина.

– У меня не было выхода, – негромко отвечает он.

– Выход всегда есть! Не бывает безвыходных ситуаций.

– О да, не бывает. Вот только выход из них не всегда приходится по нутру, – негромко замечает командор, взглядом указывая в сторону плаца.

– Ты дурак, слышишь меня! Дурак! – упрямо гнет она. – Я тебя ненавижу, Туркун. Там же наш крылатик!

В порыве гнева она неистово ополчилась против него, на мгновение позабыв о всякой субординации. Неожиданно сдерживается. Отворачивается. Уходит.

Пошло-поехало. Бор уже давно не обращал внимания на то, что девушка ни к кому не обращается по званию, да и ее прямолинейность тоже не секрет, но вот тон, с которым она говорила, неприятен. Он – точно молот, беснующийся по наковальне.

Вот она славная Гильдия Ветра – великая и всемогущая.

Неужели они могут опуститься столь низко?

Бромур Туркун понимал, что дела у них уже давно неважные. К тому же новые открытия и без того пошатнули основу жизни Пути. Теперь еще этот показательный полет. Другие Гильдии точно издеваются над ними, показывая жителям Гильдии Ветра, где их место. Дожились – называется.

Со своего места он видел Катарину. Он различил ее по огненно-рыжей шевелюре, трепещущей на ветру. Она тростником стояла в центре плаца, возле колонны Согласия. Рядом с ней был Ацту и какой-то сменщик. Начальник ночной смены сонный, едва ли не с постели поднятый на ноги, постоянно пытался подавить рвущиеся наружу зевки. Стоящий бок о бок с ним сменщик напротив – изрядно весел. Он призывно улыбается. Вот только чему? Своим ли мыслям или же чему-то на плаце? Кто его знает.

– Нет, я пойду и всыплю ей за такую дерзость, – шипит Сошa.

– Да, госпожа, – подобострастно отвечает той Тортрон.

– Я выскажу все, о чем думаю, – в горячке продолжает она.

– Да, госпожа.

– Отпусти меня, наглец, – еще громче огрызается эолфка.

– Не велено, госпожа.

Бор бросает мрачный взгляд на стоящую чуть поодаль от него Сошу. Рядом с ней Тортрон и еще какой-то гном. Они, по-видимому, пытаются удержать своего главного механика от необдуманного поступка. Вряд ли им двоим будет такое под силу. Командор нутром чуял, что разразится скандал.

Он по-привычке обслюнявил палец и поднял его к небу.

Так и есть. Ветер был сильным и северо-восточным. Нехорошо.

Ласточка так и не вернулся. Пути Изнанки отстранены от реального времени. Вследствие чего подобное могло произойти? Надежды на спасение от позора практически не осталось. Им нужно было подчиниться. Что за напасть?

Стрелки на его часах показывали, что вот-вот наступит начало церемонии. Остались считаные секунды. Три… Два… Один… И ничего.

Бор тяжело вздохнул. Ну что ж, чему быть – тому не миновать.

Внезапный порыв ветра заставил всех на плацу зашевелиться. Гномы, хоть и были в защитных очках и своих ушан-

ках, но все равно непроизвольно попытались укрыться от внезапного шквала. Бор прикрыл глаза от ветра, выставив вперед ладонь. Соше такое нипочем, но ее почетному карaулу пришлось туговато. Катарина была слеплена из той же глины, что и эолфка. Порыв ветра, поднявший с плаца пыль и песок, ничуть ей не мешал. Только волосы, подобно стягу, развевались на ветру, а вместе с ними удлиненная парадная мантия. Такая же красная, как и она сама.

И грянул гром. Повсюду, точно отсветы далекого зарева, засверкали молнии, а потом желтоватый сноп искр, вылетевший откуда-то из поднебесья, ударил в точности на другой стороне плаца. Напротив делегации Гильдии Ветра. Из места, куда угодил клубок небесного света, начали появляться представители Гильдии Водяной Башни. Они были негласными арбитрами происходящего. Там же был ужасный и страшный правитель стражей – Эрэм. Он в парадных темных одеяниях. Мрачный и сосредоточенный. Бор знал, что с Катариной главного стража связывают странные и запутанные отношения. Уж не потому ли посещение Эрэмом таких событий лично было чем-то само собой разумеющимся? Рядом с долговязым правителем Гильдии Водяной Башни был его личный телохранитель и кроме него еще двое стражей из личной охраны – маги, которые обеспечат защиту от внешних угроз, ведь при проведении подобных мероприятий защитный малый фон обычно снимают, и эти двое должны по мере сил заменить его, дабы уберечь от всевозможных напа-

стей своего правителя. К чему к чему, а к собственной безопасности Эрэм относился весьма щепетильно, оттого вряд ли его стражи не имели особых магических умений. Нет, однозначно нет.

Командор пропустил момент, когда из-за горизонта показались три мощных летуна. Только нестройный галдеж гномов заставил его обратить на это внимание. Тогда-то путник запрокинул голову наверх. Свет от солнца был настолько нестерпим, что ему пришлось прикрыть глаза тенью от козырька фуражки. Солнцезащитные очки Бор оставил у себя в кабинете. Он не ожидал, что в такую рань, из-за отсутствия малого фона, натянутое небесное полотно настолько припечет.

А потом он увидел их…

В глубокой синеве небосвода виднелись легкокрылые корабли, разработанные инженерами Рэроса. Совершенно новые, едва сошедшие с конвейера. Вряд ли межпространственники. Скорее просто космолеты. Точно. Где еще можно увидить высокие турбины да косую метеоритную броню.

Оторвав взгляд от сереброкрылых небесных птиц, Бромур Туркун заметил, как лица его лучших пилотов посерели, а Сохиши Шиско что-то начала отчаянно кричать. Благо, ее быстро заткнули. Гномы заговаривали ей зубы, а главный механик пыталась им перечить. Безуспешно. К этому немалое участие приложила его знакомая. Анарин. Та самая, за которой отправился на Изнанку его товарищ – алеги. Сам Ла-

сточка стоял рядом с ней, по обыкновению выкуривая свою очередную вонючую самокрутку. Он даже не пытался унять Сошу. Просто стоял в стороне. Анарин же, наперебой с гномами, что-то втолковывала главному механику. Негромко. Уверенно. Бор даже не заметил, когда эти двое истинных появились на плацу. Все-таки хорошо, что они наконец-то вернулись. Это, как проблеск надежды, вот только поможет ли он им.

Космолеты сели. Их моторы еще какое-то мгновение еле слышно шуршали, но затем и они затихли.

Люки открылись, и командор увидел, как по трапам спускаются миротворцы. Пилоты в спецовках, точно так же как и те, в которых одеты двое механиков. Вон и сам правитель Гильдии Огненного Вихря. Одет, как обычный летчик, с белозубой улыбкой и прекрасными светлыми космами непослушных волос, загоревший и лучащийся здоровьем. Он подходит к столбу Согласия, где уже стоят Катарина и Эрэм. Он что-то говорит другим правителям. Приветствует. Рэрос был ниже правителя Гильдии Водяной Башни, едва доходя тому до предплечья, но, в отличие от Эрэма, он все-таки не был так болезненно худ.

После того как закончились личные приветствия, был включен усилитель голосов.

– Я рада приветствовать союзные Гильдии на испытаниях нашего нового крылатика. Мое почтение вам, господин Рэрос, и вашей Гильдии Огненного Вихря, а также вам, гос-

подин Эрэм, и вашей Гильдии Водяной Башни. Да будет ветер покладист на нашем общем пути.

– Мое почтение вам, госпожа Катарина, и вашей Гильдии Ветра, а также вам, господин Эрэм, и вашей Гильдии Водяной Башни. Пусть огонь разгорится в ваших сердцах и небесная твердь станет прекрасным полем для наших общих скитаний.

– И вам мое почтение, господин Рэрос и госпожа Катарина, а также мое глубочайшее почтение вашим Гильдиям. Я признателен вам за приглашение и горд за ваши великие достижения. Пускай ни одна стихия не закроет это чистое небо в такой значимый для всех нас день.

Бор слышал, как правители говорили, но сам наблюдал за совершенно другим. Там, рядом со входом на плац, что-то происходило. Какой-то шум. Командор не мог сойти с места, а на таком расстояние что-либо понять было невозможно.

Действо начиналось, но он надеялся. Все еще надеялся…

10:15

Первое, что он увидел, когда очнулся, это потолок. Такого холодного и неприятного белого цвета, который бывает лишь внутри давно немытого холодильника. Не то чтобы на потолке процветали колонии плесени или же его облагородили разводы от потеков непонятных и невероятно липких жидкостей, но ощущение той самой брезгливой противно-

сти, которая появляется, стоит лишь открыть подобный кладезь микроорганизмов, он не мог спутать ни с чем иным.

Да, его напарник, в некотором роде, гений. Он с легкостью мог обставить в любой игре, требующей недюжинной логики и расчета, придумать выход из совершенно безнадежной ситуации, переплюнуть и предусмотреть практически все что угодно, но все это затмевалось, стоило лишь попасть к нему домой и открыть холодильник. Крысе всегда было интересно, как Лиса умудряется так издеваться над продуктами. Однажды он в поисках перекуса полез туда и обнаружил непонятный контейнер. Зная характер мага, путник решил достать и поинтересоваться, что же это было такое. Только когда Крыса окунулся с головой в пары гниения, сконцентрированные внутри коробка, он увидел на его дне тушку порядком разложившейся и завонявшей курицы. Когда же парень попытался уличить в безалаберности своего напарника, то оказалось, что Лиса сам искренне удивлен и находится в абсолютном недоумении по поводу того, откуда у него взялся данный экспонат.

Странный все-таки тип этот маг и весьма своеобразный. Говорили, раньше он работал с кем-то другим, но Крыса не знал с кем. Кто-то когда-то сказал ему, что бывший напарник Лисы умер, но как это случилось – так и осталось тайной. О том, что было еще до того, как этот необычный человек пересек границу Гильдии, чтобы стать путником, Крыса едва ли мог догадываться. Во-первых, потому что маг пришел в

Путь раньше, а во-вторых, из-за того, что прошлое уже ровным счетом не имело никакого значения, а значит, спрашивать о нем – дурной тон.

Гильдия Ветра, Путь, путники… Все они были чем-то единым, абсолютным и целым. Невозможно было разделить эти вещи на составные части. Точно все было заранее подогнано кем-то свыше. Вроде бы со стороны все казалось тебе эдакой квинтэссенцией хаоса, а приглядись поближе, и с трепетом осознаешь то поразительное совершенство, с которым все здесь было продумано. Только подзащитные не всегда вклинивались в общую структуру, но и они были чем-то вроде связующих частей в этой общей жизни Гильдии Ветра. «Все закономерно, – порой повторял Крысе Лиса, – лишь стоит открыть глаза пошире».

Мир не изменился. Никто не заметил, как путник пришел в себя. Никто даже не почувствует этого, если это конечно, не видящий. Жаль, что большинство подзащитных здесь именно они.

Парень попробовал подвигать пальцами. Они поддавались ему медленно. Главное сделать первый шаг и не остановиться на середине пути. У него был стимул. Крыса никогда не любил госпиталь. Его атмосферу, запах, а особенно потолок. Еще он ненавидел эти сгустки света, которые вместо ламп были зажжены в тряпичных комнатах огромного общего зала.

Вот сейчас над ним горела такая лампа. Непонятный ша-

рик света. Не яркий и не тусклый. Какой-то невнятный и неприятный. Свет от огонька фарфоровым свечением ложился на бледную плотную ткань штор, отгораживающую его импровизированную комнату – палату – от остального мира, точно парень был замурован заживо в этом тягостном месте.

От такого потока мыслей, стайкой ворвавшихся в его измученную голову, перед глазами у него все пошло кругом. Видимо, его сознание решило бойкотировать создавшееся настроение. Хорошо ли это или же нет – Крыса не знал. Все должно проясниться лишь со временем, а оно такая странная и непонятная вещь…

Обождав немного, чтоб поднабраться сил и утихомирить внутреннюю сумятицу, путник все же решил подняться с постели. Он делал это очень медленно, стараясь ненароком не разбудить у себя в голове или даже в самом теле затаившуюся боль. Парень знал, что она прикует его к кровати, а такого исхода событий он больше всего опасался. Это как старые воспоминания. Лучше порой их вовсе не тревожить…

И вот он встал. Медленно и неуверенно. На нем синяя пижама больничного крыла, рядом на стуле – собственная одежда, а в плече все же раздались отголоски спазмов. Слабые, но неприятные оттого еще больше. Он аккуратно заглянул за воротничок. Так и есть – все туго перебинтовано.

Крыса вздохнул. По-видимому, ему сегодня повезло. Хохотуновский яд нисколько не задел путника, а сама зверю-

га так и не оцарапала его кожу. С одной стороны, хорошо, что он так быстро пришел в сознание, но с другой – парень представил, сколько местных стервятников уже кружит над трупом убитого зверя. Не то чтобы он был плохого мнения о жителях Пути. Вовсе нет. Просто он прекрасно понимал, что у любой медали две стороны и местные не исключение из правил. Да и он сам слеплен из той же земли.

Теперь же ему нужно найти Лису. Он потерял сознание слишком быстро, поэтому едва ли знал, где находится его напарник. Правда, в то, что он не последовал стезе Крысы, верилось с огромным трудом – все-таки маг израсходовал слишком много сил.

Парень осторожно переоделся, привычно перевязал лентой свои длинные черные волосы, в кои-то веки порадовавшись, что в нем все же течет эронийская кровь, отчего регенерация происходила гораздо быстрее, и только это спасало его от долгого и мучительного выздоровления. Немного посидев на своей бывшей постели, путник почувствовал, как понемногу восстанавливается его тело, а болезненная слабость потихоньку отступает.

Предусмотрительно отдернув шторку, он оглянулся. Не хотелось попадаться на глаза ни лекарям, ни их помощникам. Он прекрасно помнил, как прошлый раз попытался удрать из лазарета, заодно припомнив Лису нехорошим словом.

Никого из местных вроде на горизонте не было – это ра-

довало. Крыса пригляделся. Так и есть. В огромном помещении общей терапии было занято лишь несколько палат, подобных его, остальную же часть занимали стоящие в ряды койки с жестяными стойками незавешанных штор.

Вышедшие из страшного сна – эти в ряды стоящие кровати, рассчитанные на сотни, а то и тысячи пациентов. Бесконечный ряд больничных мест, насколько хватает взгляда…

Но парню было не до созерцания этих необъятных просторов, он словно не видел ничего вокруг. Просто и так знал, что такого наплыва больных не было даже во времена великих Волн, а помещение слишком огромно даже для частичной консервации, поэтому лишняя его часть отгорожена пеленой. Лишь белесое марево по бокам делало огромную палату похожей на длинный коридор какого-то заброшенного туннеля бомбоубежища.

Крыса тряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли. Он никогда не отличался внимательностью и усидчивостью из-за того, что вечно отвлекался на абсолютно ненужные вещи. Отчего, в общем-то, и страдал все свою сознательную жизнь.

Теперь же, памятуя об особом нраве, бытовавшем в стенах медицинского крыла, путнику необходимо было не просто не шуметь, но и передвигаться для этого крайне бесшумно.

Внезапно он уловил чужое присутствие еще раньше, чем инстинктивно обернулся. Вряд ли это замученный уходом местный больной – нынче они едва ли не на вес золота, кроме тех, кто годами лежит в забытье.

Крыса подошел к вплотную к заинтересовавшей его палате. Опасливо посмотрел в разные стороны коридора. Отдернул занавеску.

На койке мирно посапывала какая-то женщина. Кажется, он видел ее в медицинском крыле. Оттого не сдержавшись путник ухмыльнулся, прекрасно понимая, что стажирующийся в их Гильдии лекарь отдыхает здесь со смены, не торопясь возвращаться домой. Он опустил занавеску, мысленно удивляясь, как это Катарина еще не успела устроить повальную проверку персонала всего Пути, но потом, одернув себя, он вспомнил о едва не забытой им миссии по-тихому исчезнуть отсюда.

– Эй, – окликает его женский голос, когда длинноволосому парню уже удалось преодолеть половину намеченного маршрута, – вам еще нельзя вставать.

Помощница лекаря. Огромная и мощная троллиха. Она стеной встала у него на дороге. Видно было, что троллиха из кожи вон вылезет, а в палату назад точно определит.

Крыса попытался было обойти ее, уповая на свою ловкость, но не тут-то было.

– Ложитесь на свое место, господин, – грозно произносит она, аккуратно подхватывая его, точно заигравшегося шаловливого котенка.

Еще чуть-чуть, и путник бы поверил, что эта женщина-гигант запеленает его, как младенца.

– Мне нужно найти моего друга, – с некой обреченностью

путник пытается вырвать из нее хоть какие-то крохи информации. – Он поступил сюда вместе со мной. Он маг. Истинный.

– Вам нужно успокоиться, – словно не слыша его слов, продолжает троллиха.

– Но я… – Он не может противостоять напору женщины, и та, с легкостью разворачивая его, уводит обратно к покинутой палате.

Крыса не в состоянии ей сопротивляться и это больно жалит его самолюбие.

– Мне не нужно сюда. Я здоров. Видите ли, я наполовину эрони. Со мной все хорошо. Мне нужно узнать, как мой напарник. Это не терпит отлагательств, госпожа!

– Единственное, что вас должно сейчас волновать, господин, так это постельный режим, – убеждает парня помощница лекаря.

Занавеска отодвигается в сторону. Могучие руки уже практически втолкнули Крысу обратно в ненавистную палату.

– Лекаря, – неистово загомонили где-то совсем рядом. – Слышите, сюда надо лекаря! Эй, лекаря! Лекаря! Да есть здесь кто-нибудь? Лекаря, срочно!

Троллиха удивленно оборачивается, на секунду выпуская из внимания неугомонного пациента. Путнику большего и не надо. Он с легкостью вынырнул из-под ее опеки и неожиданно увидел их.

Ветерка он узнал сразу, потом заметил сержанта запаса Андрейко и еще что-то. Они тащат это *что-то*. По мере их приближения он понимает, что это Луана Поленица. Беловолосая женщина, явно родом из Приграничья. Вроде бы, она с экспериментального крыла. Огромная троллиха уже рядом с ними. Она двигается быстро и бесшумно. Вот парни чуть ли не на руки сдают бессознательную женщины, а помощница лекаря ее аккуратно принимает, точно та не весит ни грамма. Крыса видит озадаченность на лице Ветерка, вглядывается в легкое недоумение Андрейко и понимает, насколько добросовестна троллиха.

Вот шторка неожиданно рядом с ним отдергивается, и появляется слегка помятое лицо недавно дремавшей девушки-лекаря. Мгновение недоумения – и она, заспанная, уносится прочь за подмогой. Крыса ловит себя на том, что его начинает трясти. Он наваливается спиной на хлипкую опору и безучастно смотрит на происходящее, точно оно не имеет к нему никакого отношения. Вряд ли парень здесь сможет помочь – скорее помешать.

– Крыса? – окликает его Ветерок.

Видимо, тот все же отвлекся от творящегося рядом с ним и по своему обычаю решил оглядеться.

– Эй, Крыса, что с тобой?

Но путник не может ответить. Он, точно загипнотизированный, все смотрит на безвольное тело, точно никогда до этого не видел чью-то чужую боль.

– А? – длинноволосый парень наконец берет себя в руки, преодолевая внутреннюю растерянность.

– С тобой все нормально? – Ветерок, кажется, обеспокоен, но Крыса не может понять, связано ли это с ним или же это из-за раненой.

– Что это с ней? – истинный подходит вплотную к своим знакомым.

Он видит, как белоснежная простыня обагряется темными пятнами, как жутковатые хрипы вырываются из глотки Поленицы, как ее морщинистые руки безвольными тряпками распростерлись, словно лишившись костяного стержня. Она тяжело дышит, точно задыхается, ее грудная клетка поднимается с такой силой, что кажется: вот-вот сама женщина взлетит в воздух.

– На нее напали, – отвечает Ветерок. – Мы шли к Дэзу, когда наткнулись на Луану, так что нам временно пришлось поменять наши планы.

Женщина затряслась, точно агонизируя. Троллиха перехватила ее грудь, которую быстрыми движениями запеленывала в изрядно потемневшие простыни.

– Что это за дрянь-то на нее напала? – Крыса чувствовал подступающее к горлу негодование.

– Самому бы хотелось узнать, – лицо Ветерка было серым.

– С ней все будет хорошо, – бубнил Андрейко сам себе для большего успокоения, помогая троллихе с больной.

Чьи-то шаги позади, но Крысе не нужно было оборачи-

ваться. Он знал – это спешит подмога. Та самая, на которую рассчитывали эти двое, пытаясь спасти Поленицу.

Вот и уже их троих оттеснили работники медицинского крыла. Парень видел, как несчастную положили на носилки, как прилепили к ней сотни трубочек и проводов, как собравшаяся здесь в мгновение толпа рассеялась без следа, едва ли обратив внимание на них троих.

– Стоп, – удивленно произнес Ветерок, – а ты тут какими судьбами?

– Я? – Крыса даже вначале немного растерялся. – Ну, у меня здесь что-то вроде профилактики… И она вроде как подошла к завершению.

– Понятно, – не стал вдаваться в подробности Ветерок, – значит, опять с задания.

– Типа того, – уклончиво ответил Крыса.

– Я, конечно, извиняюсь, – послышался голос сержанта, – но вам, господин Ветерок, нужно срочно показаться господину серкулусу. Это очень важно.

Тот внимательно посмотрел на стоявшего перед ним детину. Он точно пытался понять, шутит ли тот или нет.

– Вы знаете устав, сержант? – обратился к нему путник.

– Да, сэр, – кивнул Андрейко.

– Тогда вы должны понимать, что в случае внутренней опасности, которая может подорвать мир в Гильдии Ветра, все жители Серого этажа приравниваются к членам военизированных отрядов, обязанных защищать честь и славу на-

шего общего дома. Я думаю, Крыса со мной согласится.

– Да, я только «за», – кивнул тот, понимая, что иного способа избежать лазарета, у него нет. – Только надо сначала найти моего напарника.

– И Лиса здесь? – Ветерок, по обыкновению, выгнул бровь дугой.

– Честно говоря, не знаю, – неуверенно ответил ему Крыса.

– Эй, – обратился к ним сержант запаса. – Я, конечно, понимаю все, но вам, господин Ветерок, нужно пройти к господину серкулусу.

Крыса, теперь смотревший в сторону интенсивной терапии, куда сейчас направили пострадавшую и где скорей всего находился Арвэй, а вместе с ним, может быть, и Лиса, неожиданно заметил на горизонте ту самую троллиху. Ветерок перехватил его взгляд, кивнул:

– Пошли, Крыса. Я думаю, что нам стоит разобраться в произошедшем, а твоему товарищу, если он действительно загремел в лазарет, стоит немного подлечиться. Ему это дело весьма полезно.

– Я…

– Пойдем, – уверенно произнес тот. – У меня для тебя как раз найдется одно занятное дельце.

– Эй, куда вы, – крикнул им в след сержант запаса и, понимая, что от указа серкулуса ему никуда не деться, поплелся вслед за удаляющимися путниками.

10:30

– Ты хоть что-то видишь, Брай? – все внимание серкулуса обращено к голограмме киборга.

– Пока ничего значительного, – с небольшим опозданием отзывается тот. – Датчики фиксируют слабые выбросы эктоплазматического вещества и допустимое превышение фонических волн. Как я уже сказал, они не существенные. Типичный след. Я заранее сделал поправку на ваше магическое вмешательство в ткань времени и включил в матричную систему параболической природной сферы ассиметричного поля Темного этажа, но пока ничего необычного в показаниях не заметил. Если что-то будет – я сообщу.

Голограмма Железной Башки Брая отсвечивала синевой и немного рябила. Связь на Темном этаже всегда была не совсем устойчивой, но за последние часы стала и того хуже.

– Я ничего не чувствую, Дэзмунд, – Альберт опять опередил его слова.

– Чтоб его, – от подобных новостей серкулус поморщился. – Сталист?

– Ребята держат кордон, но я не могу ничего предсказывать, господин серкулус.

– Ты уж постарайся, – Дэзу стоило огромного труда не сорваться.

– Маги установили кольцо в пять обхватов, а мои подопеч-

ные упрочили границы, сэр. Мы подтянули технику, и протоплазматический барьер с минуту на минуту будет установлен. Тогда ареал полностью изолируют. Утечки быть не может… Только воздействие с нашей стороны. С той подобное действие станет невозможным.

Дэзмунд Смитт ничего не ответил. Он прекрасно знал, каких сил стоили эти простые слова.

– Маги?

– Истощены где-то на две трети, – незамедлительно откликнулся Альберт.

– Потери в личном составе? Раненые?

– Никак нет, сэр. Легкое ранение у сержанта и у троих незначительные травмы. Из-за обвалов, сэр. Им уже оказана помощь.

– Хм, – кивнул на слова Сталиста серкулус. – Повреждения на этаже?

– На уровне серьезного инцидента, сэр.

Дэз легко качнул головой. Задумался.

Да, все складывалось пока довольно ровно. Хотя появление демона в Гильдии Ветра и приобрело характер стихийного бедствия, но никто из-за этого не терял головы. Сказывались выдержка и огромная практика в подобных ситуациях. Для здешних жителей такое не новость. В Пути частенько случались события, похожие на парниковые, уменьшенные в сотни раз катастрофы и прочие мелкие недочеты, от которых у обеих смен голова шла кругом и работы было выше крыше

в любое время дня и ночи. Вот только размер их редко выходил за пределы этажей, а тем более самой Гильдии Ветра. Теперь же все обстояло иначе. Гораздо серьезней: демоны не так часто встречаются в таком месте, как Лабиринт.

Хотя сейчас казалось, что ситуация находится под контролем, но Дэза не покидало ощущение, что это лишь видимость. Как часть айсберга, дрейфующего в северных морях. Никогда не знаешь, что скрывается под его белоснежным навершием-поплавком.

Истинный понимал, что нужно вызвать миротворцев и магов из Гильдии Водяной Башни. Он осознавал свою ответственность за все происходящее… И ничего не делал.

Возможно, всему виной гордость или упрямство, а может, все это из-за патриотизма и мнимой уверенности в своих силах. Серкулус сам толком не понимал, почему так поступает. Несмотря на серьезное положение, он все еще продолжал оттягивать вмешательство сил извне на неопределенный срок. Так что не было смысла поражаться тому, что Дэзмунд Смитт был мрачен, раздражен и оттого еще больше сердит. Его голова порядком опухла от поступающей информации, да и чересчур быстрая смена событий никак не шла на пользу его внутреннему равновесию.

– Есть движение, – доносится до Дэза бесцветный голос киборга, – квадрат А пятый, поправка в девять градусов плюс-минус шесть.

– Там ничего нет, – бурчит совсем рядом Альберт. – Не

может просто быть, Дэзмунд. Я все отсканировал.

– Субъект движется в северо-западном направлении плюс пять градусов, – продолжал вещать Брай. – Волновой импульс в северо-западном направлении плюс семь градусов.

– Сталист! – Дэз помрачнел. – Быстро разбуди своих.

– Слушаюсь, сэр, – троллю не нужно повторять дважды; данные, приводимые Браем, понятны ему без излишней трактовки.

– Будет выброс. – Дэзмунд Смитт совсем забыл о мальчишке-некроманте и потому очень удивился, когда тот неожиданно заговорил. – Господин серкулус, знаете, а ведь это не просто граничный демон. Его поведение нетипично. Он какой-то неправильный. Не такой, каким должен быть. Знаете, мне кажется, что он чем-то похож на плохую копию. Вроде, как в нем заложены определенные черты, но отчего-то он не до конца им следует. У меня создается прочное ощущение, что этот демон пытается скопировать поведение граничного. Притом плохо.

Дэз глянул исподлобья на мальчишку. Час от часу не легче.

– К тому же есть один неоспоримый факт: граничные демоны вымерли. Исчезли задолго до Раскола, – продолжает между тем Винсент. – Такого просто быть не может, чтобы что-то да и осталось после них. Да и если это тот самый, то он бы не выжил в нынешней полярности. Его бы просто размазало. На атомы. А этот демон ведет себя так, точно не су-

ществует ни поля, ни границы силы и притяжения межпространствий. Словно все еще едино и мы находимся на Границе возле самой Изнанки. Даже нет – хуже. Точно мы живем без законов физики. Его поведение… Он будто симулирует свою реальность. Нет… Не так… Кажется, что он пытается заставить поверить нас в то, что он – это реальность… Нет, я не говорю, что его сила не настоящая или он сам – не существует… Просто он все подделывает…

– Хм, – серкулус еще раз внимательно присмотрелся к ученику Анарин. – Альберт, передай ребятам, чтоб были готовы. Изнанка, значит… Пускай поставят обоюдоострый барьер Бролюса. Немедленно!

– Это истощит магов до конца, – затянул привычную песнь телепат.

– Передай им мои слова. Немедленно, Альберт. Мы зажаримся, если эта дрянь считает Лабиринт Изнанкой, а Темный этаж – классиками.

Тот не ответил. Промолчал, понимая всю бесполезность доказывать этому упрямому путнику его недальновидность. Сосредоточился. Внутренне прощупал всех близких к установленному кордону бойцов и лишь затем послал им приказ Дэзмунда.

– Меры предприняты, – спустя какое-то мгновение сообщил он. – Все оповещены.

– Видеосвязь налажена, – чуть ли не перебивая Альберта, заговорил Брай.

Мгновение – и серкулус уже внимательно внимал речам киборга. В свете монитора лицо Железной Башки Брая отсвечивало синим, давно не мытые, выкрашенные в оранжево-бордовый цвет волосы не теряли свою окраску даже при плохой связи. Они слизистыми стручками свисали до плеч. Малопривлекательное зрелище. К тому же, эти постоянные помехи делали его внешность еще более неприятной.

– Я подключился к аварийной системе заслона, – пояснил киборг. – В ареале шесть камер, к которым мне удалось пробиться. Они будут транслировать информацию поочередно. Картинка будет идти с опозданием в семь-восемь секунд. Переключитесь на четвертичный параметр, чтобы не терять со мной связь.

– Хорошо, Брай, – ответил ему Дэзмунд Смитт.

Дэз хоть и не был самым продвинутым пользователем технических новинок и техники в целом, но он все же мог, хоть как-то, понимать несложные функции, о которых говорил киборг. Ему стоило нескольких драгоценных мгновений, чтобы сориентироваться и включить нужную клавишу на выдвижной панельке планшета.

Лишь только его палец коснулся мнимой кнопки, в воздухе, поверх вещательного окна Брая, выплыли четыре небольших одномерных пластины, в которых под разными углами показывали комнаты и коридоры Темного этажа, находящегося в оцепленной зоне.

Все выглядело ужасно. Может, всему виной стало инфра-

красное видение, искажающее и без того покореженные поверхности. Казалось, там прошелся ураган, выворачивающий наружу все на своем пути. Кое-где до сих пор горел магический огонь. Их огонь. Темные потеки эктоплазмы в непривычном цвете отсвечивали желтизной. И их было много, так много, как будто это был след от слизня, движущегося по туннелю на свой лад.

Хорошо, что подсчет убытков не лежал на плечах серкулуса. Для этого существовал Арвэй. Тот самый человек, который сегодня умудрился впервые на его памяти пропустить свой законный завтрак. Видимо, местный казначей нутром чувствовал подвох, как и госпожа Рыба, – внезапно прозрел и начал заглядывать в будущее. Как же Дэз сразу не распознал скверный знак?

– Четвертый экран камера два, – кажется, серкулус что-то нащупал в этом хаосе тьмы, – дать увеличение в пять.

– Показать три режима?

– Да, Брай.

Из четырех экранов осталось лишь три. Теперь они показывали одну и ту же картинку.

– Можешь повернуть?

– Плюс-минус пять градусов, – отозвался киборг. – Программа охлаждения плюс аварийный откос не дают управлять в полной мере возможностей. Движение может повториться лишь три раза, потом нужно двадцать минут на остывание.

– Что ж, – Дэз нахмурился, быстро рассчитывая в голове дальнейшие ходы, – тогда четыре градуса вправо и один шаг вверх. Разбей второй экран на сегменты и дай на увеличение сегмент шестой плюс квадрат Б в четвертом экране.

Киборг повиновался. Быстрые махинации – и на недавно опустевшем месте загорелся четвертый экран.

От увиденного серкулус еще больше насупил брови и мысленно выругался.

– Нианон, – ахнул за его спиной Альберт. Он тоже заметил мальчишку.

– Ной? – негромко выдохнул юный некромант.

Сам же объект внимания, видимо, был без сознания. Он лежал у ног внезапно ожившей алеги, точно добыча в лапах у оголодавшего хищника. Мертвенно-бледное лицо парня искажалось на экране камерами ночного видения и из-за отвратительного качества связи. Но это был он. Ни у кого из присутствующих не было сомнений.

– Вот дрянь, – едва слышно прошептал серкулус.

– Я ведь не знал, – слабым голосом сказал наставник мальчишки.

– Успокойся, Альберт, – обратился к нему Дэз, понимая, что тот по-настоящему очень трепетно относится к своему племяннику. – В этом нет твоей вины, – он положил тому руку на плечо. – Поверь, нет.

– Но я ведь мог…

– Ты же не слышишь его, – начал объяснять ему Дэзмунд

Смитт прописные истины, – так что лучше помоги нам его вернуть.

Серкулус знал, что так лучше всего напомнить Альберту об их общей цели. Да, теперь все еще больше усложнилось. Ведь он мог предположить подобный исход дела. Мог. Но не сделал этого. Он в очередной раз выругался про себя. Дэз же прекрасно знал, что телепаты не слышат эмпатов и наоборот. Вот теперь он сполна поплатился за свою невнимательность.

Внезапно и без того плохая связь сделалась еще более ужасной. Теперь рассмотреть что-либо на экране стало попросту невозможным. Сплошные помехи. Одна рябь, да и только. Нианон пропал без следа, точно его и не было. Растворился в череде бликов и миганий, полос и волнового тумана.

– Трансляция более невозможна, – словно в подтверждение увиденного вещал ровным голосом Брай. – Сигнал потерян.

После его слов экраны автоматически отключились. Осталась лишь голограмма Железной Башки Брая. Мрачная и выцветшая. Помехи, сильнее прежнего, исказили ее.

– Обоюдоострый барьер Бролюса, – прошептал про себя Альберт. – Там же живой! Живой! Он же…

– Брай, быстро скажи, что над нами! – ни на мгновение не растерялся Дэз.

– Плац, – незамедлительно отозвался киборг.

– Плац, – Дэз прикрыл глаза, вздохнул. – Альберт! Аль-

берт, прекрати! Возьми себя в руки! Ты путник! Слышишь меня, Альберт? Немедленно сообщи Сталисту и ребятам, чтоб дули наверх на плац! Быстро! Передай Миарлинию и Тинори о верхней онуляции. Они поймут. Так, Винсент, – серкулус взглянул на побледневшего мальчишку, – надеюсь, ты знаешь, как выводить поля?

– Да, сэр, – немного неуверенно ответил тот.

– Отпустишь к северо-востоку в верхней вертикали.

– Да, сэр.

– Чего стоишь? – увидев, что малец застыл, испытывая явную нерешительность, прикрикнул на него серкулус. – Немедленно дуй к магам.

Винс вздрогнул и в спешке двинулся в указанном направлении. Как только он пропал из виду, наставник Нианона позади серкулуса подал голос:

– Что все это значит, Дэзмунд? Что ты задумал?

– Брай, – Дэз точно не расслышал слова Альберта.

– Да, – откликнулся киборг.

– Проводящие нити вроде не пострадали, насколько я помню?

– Да, ничто из краеугольников задето выбросом эктоплазмы не было.

– Тогда… Открой клапан в верхнюю штольню, передвинь проводник на верхнюю точку и оберни краеугольник на семьдесят пять. Отверни насос на обратную вентиляцию через… Альберт, сколько осталось до онуления?

– Шестьдесят одна секунда…

– Брай, Альберт – вам надо синхронизироваться. Немедленно! И Альберт… Предупреди Катарину о выбросе. Сигнал пять ф. То же самое скажи Сталисту. И еще… Поле. Не забудь про поле. У нас должно получиться.

10:45

Спичка чиркнула и мгновенно погасла под порывом ветра. Он достал еще одну из коробки и попытался зажечь ее так, чтобы успеть прикурить до того, как она вновь погаснет.

Ласточка нагнулся, вытянул шею и все-таки смог осуществить свою мечту.

Он закурил. Втянул в себя шероховатый дым, прикрыл глаза и выдохнул сладковатый смог, удивительно располагающий к созерцательному настроению.

Теперь можно и передохнуть, так сказать. Если, конечно, это можно назвать отдыхом.

Путник сидел на корточках и курил, пытаясь не обращать внимания на царящий на плаце беспорядок. Абсолютный и всепоглощающий. Каким он бывает, стоит лишь приложить немного усилий любому из истинных. Сегодня же был аншлаг. Практически вся его Гильдия собралась по периметру плаца. Большое скопление путников – плохая примета. Так говорят в других Гильдиях. Отчасти они правы.

Алеги тяжело вздохнул.

Как ни горько было себе признаться, но он с самого начала думал, что так все и закончится.

Затяжка. И опять этот дым маревом застилает горло.

Одним словом, жаль, что все сложилось именно так. Хотя кто его знает, как оно лучше…

– Нет, ну, нашел же место, чтоб отдохнуть, – гаркнул на него какой-то миротворец, но Ласточка даже бровью не повел, слыша его слова. Просто не обратил внимания.

Опять затяжка, и в его голове завертелось колесо воспоминаний. Ему пришлось хорошенько сосредоточиться, вспоминая всю последовательность произошедших событий. Даже не событий – фактов. Лишь они могли пролить свет на смысл творимого вокруг него хаоса. Эдакая правда жизни в размере небольшого тезиса. Вот только поможет ли это?

Факт номер один – он истинный путник, как и все его сотоварищи, а уже из этого следует та цепочка нелепостей, которая имела место быть в его жизни.

Итак, с чего начать? С Соши? Слишком близко. С разработок крылатика? Тоже не то. Может, со спора? Но и он имел лишь второстепенное значение.

Новая затяжка, и Ласточка расплывается в довольной улыбке. Угрюмый миротворец вновь пытается прикрикнуть на алеги, но его товарищ объясняет ему, что перед ним путник. Типичный путник – уточняет он, глядя на Ласточку. Миротворец сердится еще сильнее и тихо ругается про себя. Но алеги не до них. Ему нет дела до миротворцев, нет де-

ла до бледной полуобморочной Соши, до нестройной оравы выходцев из Гильдии Ветра, вперемешку с миротворцами, скопища стражей из Гильдии Водяной Башни и нескольких камнедержцев Лукреции, они из зловредности всегда появлялись тогда, когда все вот-вот закончится. Как эхо из другого мира, до Ласточки доносятся разрозненные крики жителей Лабиринта, чей-то надрывный плач, отзвук чужих голосов, скрежет сжираемого пламенем железа обломков фюзеляжа, шум от магических всполохов и беготни. Такой массовой всеобъемлющей беготни. Да, алеги действительно живет в невероятном бедламе.

И он мог поклясться, что во всем этом творящемся хаосе виноват лишь один маленький механизм… Такое уж слишком часто бывает в Гильдии Ветра.

Сигарета потухла, но Ласточка, по инерции, еще пару секунд держал ее во рту, но потом опомнился. Он потушил огарок о потемневшую бетонную стену бункера. Ну, или то, что еще не так давно было ею. Путник смотрел, как тлеющий пепел сыплется на грязную плитку и чуть не столкнулся нос к носу с тем же, но уже порядком рассвирепевшим миротворцем.

– Нет, ну ты посмотри на него, – едва сдерживал рвущиеся наружу эмоции человек. – Как ни в чем не бывало стоит себе и курит! Ты вообще понимаешь, что делаешь, путник?

Алеги удостоил миротворца беглого взгляда, еще раз мысленно усмехнулся, а потом все же решил отойти подальше от

едва держащихся на краю приличия ребят из Мира. Ласточка не выносил лишнего шума. Особенно, если он исходил из уст подобных людей.

Мимо него промчался какой-то маг, кричащий что-то невразумительное. Наверное, заклятия, раз небо вокруг него залило багрянцем. Опять повалил дым, послышались новые крики, а вслед за ними все новые и новые разряды свирепствующей ворожбы.

Путник достал из куртки сильно помятую пачку, вынул оттуда еще одну сигарету и вновь прикурил. Конечно, удалось это ему не с первой попытки, и спички, валяющиеся у его ног, тому свидетели.

«Что ж, пожалуй, стоит еще раз прогнать события этого утра у себя в голове, чтобы лучше понять весь абсурд происходящего», – подумал алеги, делая очередную затяжку.

Он чувствовал, что все-таки что-то где-то упустил. Но что именно – понять никак не мог.

Сначала Ласточка предположил, что во всем виноват тот спор между нижестоящими механиками, которые разработали карбуну под уселок. Видимо, Стукер все же оказался не прав, усилив частоту коловращения и ослабив проводимость. Хотя разработки и Стукера, и Марло были практически идентичны по результатам, но вот решения они так и не приняли, поэтому вначале планировалось совершить два запуска. Но планы правительницы Гильдии Ветра были иными, чем у кого-либо из механиков, оттого окончательный ответ

за оболочку лег именно на Стукера. Сейчас он бледный как смерть стоял возле Соши, по-видимому, чувствуя невероятную ответственность за произошедшее.

Но вот в чем загвоздка – и уселок, и оболочка под него, прошли серьезную проверку, прежде чем их установили в сердцевину корабля. И на таких вот испытания, когда все это прогонялось в аэродинамической трубе, все без сбоя работало. Этот факт не давал истинному покоя.

Очередная затяжка. Алеги зажмурился и попытался подойти к решению возникшей перед ним стены непонимания, но не смог. Слишком все было запутано.

Да, и он, и Бор попытались предотвратить запуск или, хотя бы, повременить с ним. Но что они могли? Ровным счетом – ничего. Робкая надежда, связанная с Анарин, едва ли могла все исправить, но он хотя бы сделает попытку. Иногда она могла уговорить Сохиши Шиско не принимать скоропалительных решений, а главный механик летного крыла даже иногда прислушивалась к речи девушки. Однако все сложилось так, как сложилось. Их подвело время. Они безнадежно опоздали. Изнанка сыграла с ними злую шутку. Там ведь все по-другому. На той стороне реальности нет ничего и есть все. Пространство становится безграничным, а вселенная теряет очертания. Даже время не может не поддаться влиянию этого странного места. Оно там невероятным образом петляет и завихрятся.

Так и они тогда спешили, бежали, торопились по пепель-

ной земле, следом за незримой целью вперед, в их собственный мир. Но они не успели. Попали в бурю. Невидимый временной кульбит. До чего противно-то было. Опоздали на несколько важных минут, и все понеслось – не остановишь.

Вначале приветствие, прибытие делегаций и длинная речь правительницы о сотрудничестве и сосуществовании.

Кажется, именно во время этого долгого выступления он смог толком перекинуться парой-тройкой фраз с Анарин, но не с Бором. Тот стоял по другую часть их колонны, а нарушать строй они права не имели или, скорее, пока не могли. Да и смысла в их разговоре особо не было, ведь алеги не успел, а это и без того бросалось в глаза.

Пришедшая с ним путница с интересом следила за всем творящимся на плацу. Ясное безоблачное небо, высокие речи и свежий утренний воздух пришлись ей по нраву. Девушка вроде даже была не против так провести время, и ее точно вообще перестало заботить то, как отнесется Катарина к ее появлению на этом испытании.

Ласточка даже не мог представить, что могло стукнуть в голову истинной, но вряд ли что-то, что могло их сейчас спасти. К тому же Соша была не в духе. Настолько, что ему оставалось лишь закатить глаза и отключить звук. Конечно, если бы это было возможно.

– Они не сядут в крылатик, – хриплый голос эолфки доносился даже до него. – И мне плевать на твое мнение, Водица.

Послышалось отдаленное шептание, разобрать которое

алеги был не в силах.

– Нет и точка. Только через мой труп, – опять шелестящий шепот.

Все происходило так, как себе представлял Ласточка. Озверевшая Сохиши Шиско, вот-вот готовая накинуться на улыбающегося по ту сторону плаца Хмыря, механика-мастера миротворцев.

Вот госпожа Катарина объявила о том, что перед основным испытанием будут проведены пробные полеты новых пилотируемых межпространственных крылатиков. И что на этой дружеской встрече будет проведен учебный полет мастеров-пилотов из других Гильдий на «Элиссе» – межпространственном крылатике, который разработала Сохиши Шиско, мастер-механик Гильдии Ветра.

Чаша терпения Соши переполнилась. Дошла до предела. Задела самолюбие. Тут уж не до шуток. Обычно госпожа Шиско зловредна и злопамятна, но сейчас, когда точка кипения дошла до крайности, она готова была ураганом пронестись по головам, сметая без разбору все на своем пути, не различая правых и виноватых. Эолфка задушила бы и госпожу Катарину, и Эрэма с Рэросом, а вместе с ними и Хмыря голыми руками, если бы только смогла. Видя накал, который вот-вот грозит разорваться и испортить дружественную встречу великих Гильдий, к ней подскакивают другие пилоты. Гномы-механики боятся подойти, чуя скорую расправу. Они уж очень хорошо научены дурным нравом Шис-

ко, у которой лишь дождь да снег – единственные колебания в приоритетах. Даже Бор, не сдержавшись, нарушает колонну. Сейчас не до регламента. Надо спасать положение, иначе быть беде. По-видимому, им это удается, правда, надолго ли, Ласточка тогда не знал.

Вот на середину плаца выходят два пилота, а вместе с ними и глава их летного крыла. Миротворцы, само собой разумеется. Он и не думал, что у людей Лукреции или Эрэма хватит наглости на подобный поступок. Лукреция не любит навязываться, а Эрэм просто не видит смысла. Но вот Рэрос… тот еще правитель. Хотя сильных мира сего попрекать каждый готов, но с ним у путников счет особый. Старый.

К слову сказать, этих ребят алеги знал. Тит и Маркус. Давние знакомые. Пришли вторыми в последней воздушной регате. После его с Бором экипажа, конечно. А теперь они здесь. Точно в насмешку. Неприятно видеть этих двоих за рулем их межпространственного крылатика, а еще и Хмырь.

Истинный, хоть и привык всегда держать свои эмоции при себе, сейчас не мог не сплюнуть, глядя на эти счастливые физиономии, в особенности его раздражал радостный вид Рэроса, наконец дорвавшегося до лакомого кусочка.

Это последнее четкое воспоминание, потому как дальше все стало похоже на отрывки из хроники. Миротворцы, шагающие по направлению к кораблю, открывающийся темный проем люка. Он видел, как они ступают в него, как за людьми медленно закрывается вход, как внезапно вырывается из рук,

державших ее, Соша, слышится окрик Бора, и доносится истошный рев.

Мгновение – и внезапно что-то внутри плаца, где-то в его недрах, в глубине Лабиринта, загрохотало. Толчок. Приглушенное эхо взрыва. Ласточка покачнулся. Он чудом устоял на ногах и внезапно краем глаза увидел, что на небе, из ниоткуда, появилась какая-то звезда. Алеги не успел даже удивиться, когда на их головы обрушились горячие камни. Сработала защита. Но ее хватило ненадолго. Натиск был уж слишком силен, а у поля отключили мощность из-за испытаний. Но сотых долей секунд хватило, чтобы перегруппироваться. Потом небо прорвало. Весь плац залило жидким огнем. Вой сирен смешался с криками. Ласточке лишь чудом удалось включить самозащитное поле до того, как его накрыла волна из чистого охряно-желтого пламени. Его сбило с ног. Ударило о землю. Кажется, он даже перевернулся в воздухе.

Путник хорошо приложился о вмиг потемневшую и потрескавшуюся плитку. Сбитый с толку, оглушенный ударом, он с трудом поднялся на колени. Оглянулся. Вокруг все заиндевело от ярких отсветов. В глазах рябило и искрилось. Неприятное ощущение. Хорошо хоть он успел вовремя включить защитный экран, и для него все было не так уж и ужасно. Хоть одежда и та была, вроде как, цела. Экран помигивал синевой. Это плохо. Слишком сильное магическое давление. Это пламя… Оно медленно пропадало, всасыва-

лось в плитку и исчезало в глубине скалы, в недрах Лабиринта. Повсюду начали возникать голубоватые сполохи защитных экранов, таких как и у него, точно оазисы на огненной земле. Мгновение затишья перед бурей. Легкая передышка. Вот небо вновь заволокло. Под землей послышался еще один удар. Более раскатистый и мощный. Алеги с трудом удержал равновесие. Он не стал оглядываться. Поднялся и из последних сил попытался рывком добраться до входа бункера. Экран мешал движению, тормозил. Но он знал, что без него долго не протянуть. Толчок и вспышка пламени похоронили под собой двоих миротворцев, мелькавших где-то впереди, и бегущего к ним наперерез механика. Все исчезло, погрузившись во внезапную звенящую тишину. Он сам чуть не захлебнулся ею. Устоял. Смог перевести дыхание. Откашляться до хрипоты. Еще взрыв. Он намного сильнее. Ласточка не смог устоять. Упал. Волна раскаленного огня чуть ли не добралась до него, пробивая щит экрана. Она опалила волосы. Жжением отозвалась по телу. Истинный провалился в небытие.

Потом был свет. Яркий и ослепительный. Кто-то пытался говорить с ним. Но он никак не мог понять кто. Расплывшийся силуэт. Туман Краемирья. Уж слишком медленно он приходил в себя. Чуть погодя он узнал в странном видении Тортрона. Гном помогал ему подняться. Он никогда не видел помощника Соши таким – в саже и темных пятнах, с исцарапанным лицом, такой чужой. Вот только испуг на его лице

был знакомым. Родным.

С трудом поднявшись, алеги понял, что воцарившийся на плаце хаос – не плод его воображения. Точно кошмар, никак не желающий отступать в темноту, его сон превратился в реальность.

Еще одна ослепительная вспышка, едва не заставившая его зрение отказать, и он понимает, что даже сила правителей не может так быстро подавить невиданное доселе происшествие.

Ласточка жмурится, пытается вернуть назад зрение и слух. Он пару раз натыкается на кого-то, или это кто-то натыкается на него?

До него доносится шум, только слышимость такая, словно он находится где-то глубоко под водой и до него через силу пытаются докричаться, а он не может понять, что же ему говорят.

– Эй, ты в порядке? – его дергают, и Ласточка лишь по губам понимает, что от него хотят.

Очередная вспышка, и чуть ли не рядом с ним что-то взрывается. Опять повсюду пылает пламя. Оно танцует вокруг него. Путник даже не думает сопротивляться. Он падает, прикрывая собой какого-то миротворца. Волна проходит по их спинам, едва опаляя. Но они живы – это главное. Алеги чувствует страх этого человека. Тот, как и истинный, обескуражен происходящим.

Что-то щелкает, и звуки вновь приобретают характерную

четкость. Стена огня медленно отступает. Путник в очередной раз силится подняться, оглядывается и видит, практически рядом с собой, Ацту. Начальник ночной смены, как никогда, взволнован. Он что-то кричит. Истошно и, по-видимому, безуспешно. Ведь даже он, Ласточка, не может разобрать ни слова.

Над головой уже разбито новое, с иголочки, защитное поле, а над ним… Там нечто совершенно невероятное. У алеги чуть дар речи не отнялся, когда он увидел, что творилось там, наверху, за щитом.

Он шумно сглотнул. Взгляд назад. Миротворец бесследно пропал. Сгинул, как и пламя. Вот только огромные капища дыма заняли место огня. Темные тучи ржавой гари. Истинный закашлялся от сухости. Плотный дым проникал в носоглотку и раздражал ее. На глазах выступили слезы. Легкие прожгло, точно бушующее пламя поселилось внутри них. С трудом продолжал идти, на ощупь, среди плотной завесы черного смога. Из темноты выскользнули люди. Двое. Они чуть не сбили путника. С трудом разминулись. Вооруженные миротворцы пронеслись мимо него ураганом и скрылись в небытие. Даже сквозь тьму столбов черного дыма он различил новую вспышку. Неяркую и блеклую. Удар в недрах – и вновь грохот, точно небо вот-вот взорвется и расползется по швам на отдельные куски реальности.

Ласточка не знает, куда ему бежать. Он еще раз оглядывается на небо. Там бушует ураган. Экран звенит от напря-

жения. Огонь гасится о его тонкую структуру. Он бряцает и распадается на голубоватые крупицы. Алеги застыл. Он отчетливо понимает, что подобного ненастья давно уже не видел.

– Эвакуация, – кричит пробегающий мимо него механик. Путник лишь по некогда серебристому, а теперь скорее темно-серому костюму понял, что он из Гильдии Огненного Вихря. – Эвакуация! Эвакуация!

Он промчался мимо Ласточки, словно не замечая. Его проглатывает темнота, а вместе с ней дым и жар.

Копоть от огненных волн, дымные облака магического эха, гарь от горящего воздуха. Они давят. Но истинному нужно выбраться. Он бредет в темноте, точно слепец. Внезапно сквозь плотный покров проступают знакомые очертания. Крылатик в огне. Он объят пламенем. Его душит жар. Он плавится. Фюзеляж искорежен до неузнаваемости.

О таком испытании алеги не мог даже в страшном сне подумать. Так не должно быть!

Его мечта рушится на глазах. Исчезает. Сливается с тленом.

Крылатик тушат пара стражей-магов и несколько миротворцев. Безуспешно. Такой пожар невозможно быстро погасить. Они это понимают, но все равно борются. Неравная схватка отзывается болью в груди.

Но где же путники? Куда они делись? Почему никого нет возле их крылатика? Лишь он сам.

Ласточка не видел за дымом своих товарищей. Это его пугало. Он не мог спасти корабль, но мог подать руку помощи своим друзьям. Ведь если они сейчас в беде, а ему, истинному, словно дела до них нет… Это неправильно. Если с ними что-то случилось, и он не смог прийти на помощь… Он себе это не простит. Никто не преступает клятв. Это их общий Путь.

Алеги взял свою волю в кулак. Он же был путником. Истинным.

«От начала до конца. Покуда не заберет нас смерть» – слова древней клятвы вертелись у него в голове. И появились силы. Он смог найти их. Он побежал. Он искал. Пытался…

Ласточка едва помнил, как столкнулся с Микуной. Опаленной и растерянной. Она сказала, что Бор помогает уводить пострадавших, а она… Еще не успела уйти. Алеги понимал ее, ведь Микуна в глубине души боялась за жизнь миротворческих пилотов. Он понимал почему. Истинный не знал, что сказать. Он видел, как взорвался крылатик. Она тоже это видела. Иначе быть не могло. Смерть в Лабиринте не редкость. Ласточка промолчал. Знал, что ее сердце не послушает его слов. Микуна не выдаст терзаний, и боль в ее груди никуда не отступит. Она продолжит поиски. Так же, как и он сам. Это ее Путь. Ее право.

Так он и оставил младшего пилота. В омуте дыма на краю плаца. Растерянную и ожесточенную. Боль отрезвляет.

Алеги поспешил дальше. В темноту. В глубину клубов го-

рящего смога, туда, где, по определению, должен был быть выход. Потом он часто видел миротворцев. Те эвакуировали пострадавших, помогали раненым, оттаскивая их под безопасные своды Лабиринта.

А небо становилось все темнее и темнее. Звуки не убывали, наоборот, становились все громче и яростней. Ласточка все яснее понимал, что творящееся не просто какое-то нападение. Это грозное противостояние, охватившее плац, являлось чем-то иным. Совершенно не похожим на то, что он видел до этого.

– Окружайте демона, – выкрикнул маг, пробегающий мимо него.

По-видимому, он обращался к своим товарищам, следующим за ним.

Щелчок в голове, и путник понял, что лежит, а над ним движется невиданная сила. Нет, не волна. Что-то незнакомое. Чужое. Страшное.

Мгновение, и все стихло.

Алеги приподнялся. Неровно и как-то неправильно. С трудом, на негнувшихся ногах, попытался принять вертикальное положение.

Все так быстро закончилось, только остатки дыма да разряды магической энергии, рваные экраны да каким-то чудом уцелевшее поле сверкали, а вместе с ними, в унисон, помигивали сполохи от посохов. Лишь кое-где.

Кошмар подходил к концу, но Ласточка понимал, что все

не заканчивается так быстро и не может пропасть бесследно.

Он остановился, чтобы передохнуть. Ненадолго. Повернул голову, чувствуя присутствие кого-то знакомого. Так и есть. Соша. Она бледная, обгоревшая, стояла у руин межпространственного крылатика. Нет, она не плакала. Совсем нет. Алеги готов был поклясться, что она вот-вот запылает от рвущейся наружу ярости. Но гордость не позволяла ей дать волю чувствам. Появился Бор. Он подошел к Соше, но, как и Ласточка, побоялся сказать хоть слово.

Алеги же лишь облегченно вздохнул, хотя облегчения, как такового, и не почувствовал. Он просто понимал – по-иному нельзя.

Затем он направился ко входу в Лабиринт. Прислонился к обломкам огромной стены бункера, некогда ограждавшей их мир от внешнего пространства. Не обращая внимания ровным счетом ни на что, трясущимися руками попытался закурить…

11:00

Почему она с ним? Почему он не прогнал ее, когда мог? Почему выслушал? Почему они вообще встретились?

Сколько «почему», и он даже не мог понять, какие силы внезапно заставили его все делать так, а не иначе. Он же мог отказать ей. Мог заставить уйти прочь. Но…

Лиса украдкой посмотрел на девушку. Уверенная и за-

думчивая. Она залихватски завела потрепанный крылатик. Прогрела мотор. Так легко, точно делала это каждый день. И вот он чувствует, что они готовы оторваться от земли. Схватить поток свежего ветра и полететь. К неизвестности. К звездам. По узким тропам Пути.

Маг немного завидует ее ловкости. Лишь чуть-чуть. Знает, что это глупо, но не может ничего с собой поделать. Лиса молча отворачивается. Уж слишком хорошо он осознает, что никогда не сможет стать гордостью летного крыла. У него слишком слабые руки. Они да плохая координация его всегда подводят. Он не верил, что в его жизни что-то изменится. Это его личный бич, с которым он не в силах бороться.

Путник украдкой глянул на свои ладони. Они затянуты в темные кожаные митенки. Нынче, когда посохи ушли в далекое прошлое, эти рукавицы магии чуть ли не единственный весомый аргумент в пользу невидимой силы. Единственное оружие, которые носили маги, едва ли снимая. На правой руке аметист лишь немного восстановился, а испещрившие его темные трещинки стали чуть бледнее, тогда как украсившие левую митенку узоры уже привычно поблескивали серебром.

Странно подумать, что без этих перчаток без пальцев Лиса смог бы хоть что-то сделать. Уж такая-то выпала на его долю судьба. Парень прекрасно понимал, что постоянно полагаться на их действия неправильно, но кое-какие вещи он не мог изменить, как бы ни хотел. Иногда твои личные надежды плотно засовываются в темный ящик подсознания до

лучших времен.

Ее растрепанные волосы легко шелестят, точно от потоков невидимого ветра. Он видит в зеркальце ее профиль. Отводит глаза.

Он не мог устоять. Никогда не мог. И всегда знал об этом. Потому и не любил с ней сталкиваться, тем более оставаться наедине. Да и она не особо любила их встречи. Но это уже неважно. Теперь они в одной связке, и им стоит идти дальше, не обращая внимания на подобные огрехи.

Как ни крути, лишь она одна знала дорогу. Все так перепуталось…

– Думаешь, я позволю вот так тебе уйти? – спросила девушка, нагнав Лису практически у самого летного ангара.

– Полагаю, что да, – едва обернувшись, довольно грубо процедил ей он.

– А вот я так не считаю, – со смехом в голосе откликнулась она.

Маг тогда попытался не обращать на нее никакого внимания, но путница не отступала:

– Ты считаешь, что сможешь подчинить себе Эос? Думаешь, так ловко прорваться сквозь Туман к Краемирью и…

Он не дал ей закончить. Прыжком пересек то пространство, что их разделяло, и неслышно прикрыл ей ладонью рот. Шероховатые перчатки скользнули по ее коже. Лиса резко отдернул руку. Надо же – он забылся, но не дал ей распутать нити разговора. Ему не нужны лишние расспросы.

– Ты в своем уме? – ошарашенно говорит он, делая страшное лицо.

Его собеседница замолкает, но ее взгляд точно пронизывает его насквозь. Проникает в самую глубину души.

– Я знаю, куда ты собрался, – ее голос тих, как никогда. – И я знаю, что без пилота ты туда не попадешь.

– Я сам себе пилот, – огрызнулся он.

– Твой выбор, – серьезно отвечает ему она. – Вот только сможешь ли ты покорить Эос. Ведь в твоих руках не то сердце. Легендарное сердце сейчас у Соши, а в твоих руках то самое, что принадлежало Курту. Благодари за это проведение. Могу поклясться, что даже после смерти Фурино я бы не стала надеяться на легендарную Эос. Слишком давно она канула в глубину сизой земли. Безвозвратно потеряно, – на мгновение девушка замолкает, смотрит пристально, стараясь понять его, а потом продолжает: – Я была в той экспедиции и знаю, как достичь гор. Мы успеем к полуночи, до конца срока.

– Ты знаешь? – протянул он, нахмурившись и глядя ей в глаза.

– Да, – кивнула девушка, понимая, что некоторые вещи действительно говорить вслух, все же, нельзя. – Я твой напарник на ближайшие двенадцать часов. Это распоряжение госпожи, – точно оправдываясь, добавила она, отведя взгляд.

– Посмотрим, – буркнул он с недвусмысленной резкостью.

Видно было, что он не особо рад грядущей перспективе,

но не в силах противиться указу свыше. Парень слишком хорошо понимал, что эта девушка – прекрасный союзник в предстоящем деле. Он не мог упустить подобной удачи, но отчего-то его сердце было неспокойно. Его одолевало плохое предчувствие.

Уже заходя в темный проем раскрывшегося люка, он обернулся назад.

Там, на плацу, что-то происходило. Все небо на горизонте заволокло черным смогом. То и дело, как разряды электричества среди похожих на тучи ошметков дыма, виднелись ярко-синие сполохи магической энергии. Небо точно прогнулось от силы выпускаемого наружу первичного элемента. Оно налилось глубоким темно-красным отсветом. Огни пламени озаряли темноту.

Маг нахмурился. Ему не по душе то, что происходило там, но еще больше то, что он не в силах помочь. Его Путь иной. Лиса осознавал и пытался заглушить возникшее чувство вины, но оно не пропадало.

Холод и лед.

Уже сидя в рубке, он все смотрел и смотрел вперед. Туда, где сверкал горизонт. Где силы небес сошлись в неравной схватке с силами жителей Лабиринта. Не обойдется без потерь – он понимал это, но все равно надеялся на лучшее. Знал, что невозможно бороться с неизбежностью. Прекрасно осознавал, и оттого еще сильнее ухватился за свою цель.

А потом они взлетели. Легко и непринужденно оторва-

лись от земли и понеслись в самую гущу темноты.

Он хотел закричать, но его горло сдавило от перепада давления.

Слишком резко, слишком быстро.

Он приоткрыл рот. В ушах предательски звенело. Грудь отозвалась болью. Он не мог дышать.

Виски налились тяжестью. На глаза выступили слезы.

Лиса с трудом прикрыл веки.

Лишь шум мотора ровно очерчивал бушующий мир, а сами они, как влекомые светом мотыльки, безумно мчатся навстречу аномальному урагану. Вот только в кабине не слышно его громогласного рева. Толика тишины отдает звоном набата в ушах.

Удар. Стремительный и неотвратимый. Они наконец-то ворвались в гущу тьмы. Соприкоснулись с разряженным магией воздухом. Парня подбросило на сиденье. Едва не оторвало. Ремни больно врезались в тело. Выдержали. А еще и давление. Оно еще сильнее ударило по нему. В исступлении сжав зубы, Лиса отчетливо понимал: включи они сейчас переходник, все пойдет прахом. Все старания станут пустотой. Вот только боль не отступала.

Усилием воли он размыкает веки. Чуть не кричит.

Их крылатик проник в сердце бури. Точно дети на плоту, они с головой окунулись в штормовой фронт. Молнии и грозы слепили. Их сияние застилало небеса. Все видовое окно усеяно их яростными раскатами. Отсветы пламени и залих-

ватские атакующие огни. Могучая сила стихии. Все взбудоражено. Диссонансно. Повсюду плеядами взмывают в воздухе нити некогда могучего экрана. Их голубое свечение блеклой паутинкой кидает под порывами вихря. Тает. Рвется. Исчезает в небытие.

Под ними раскинулся щит. Тонкая грань. Едва видимая. Хрупкая. Он чувствует, как неустойчиво тот держится в темноте. Вот-вот треснет. Прорвется. И тогда стихия грянет в свою полную могучую силу. Пройдется по земле. Проглотит плац, а с ним и Лабиринт. Их мир. Его и ее дом.

Грохочущие раскаты вторят эхам недр земли. Все смешивается. Теряет ритм.

Крылатик кидает из стороны в сторону. Об обшивку взрываются сгустки бушующей энергии. Их постоянно трясет. Несчастная машина вот-вот грозит расколоться на части. Распасться и раздавиться о брутальное давление.

– Что ты творишь, Анарин!

Он не выдержал. Закричал, стараясь пересилить громыхающий шум. Безрезультатно. Она не отвечает. Не слышит его одинокий голос в потоке небесного гула. Ее руки напряжены. Лицо серо в сиянии далеких и близких отсветов. Она непоколебима. Безумна. Девушка ведет сквозь разнуздавшуюся стихию их и без того потрепанный кораблик.

– Ты сумасшедшая! – кричит он ей.

– Я знаю, – доносится до него ее внятный ответ.

Лиса еще крепче сжимает губы. Хмурится. Понимает. Это

ее Путь. Она же спешит в темноту. Туда, куда зовет ее сердце. Ей плевать на опасность.

Они выживут. Он знает.

Страх уходит. В душе крепнет уверенность в будущем.

Плевать на иссиня-черные небеса. Плевать на разбушевавшуюся магию, на смертоносные разряды и близость смерти. Ему больше нечего бояться. Он осознает это и принимает свой Путь. Ведь он путник. Это его мир. Его ветер.

– Прикрой глаза, – кричит девушка, пытаясь преодолеть грохотание бури. – Я разорву реальность!

Лиса не отвечает. Лишь следует за ее голосом, который, как маяк, своим светом призывает его душу к себе. Все сильнее и быстрее.

Парень чувствует, как их крылатик вторгается в вечные сумерки Изнанки. Он сердцем ощущает извечный холод Порогов. Слышит голос далекий серой земли. Она зовет его в свое лоно. Он обязан вернуться. Как блудный сын. Как извечное дитя. Проклятая пепельная пыль высохшего океана. Безжизненная пустыня тлена. Она притягивает его к себе. Навеки вечные. В темноту, в небытие…

– Эй, – кто-то дергает его за плечо, – ты в порядке?

Он с трудом размыкает веки. Видит перед собой знакомое тускло-серое небо, залитое ярко-алыми отсветами. Вздыхает. Он вернулся.

Пропадает вой, эхо которого понемногу утихает в его ушах, исчезает тряска, корабль становится на более спокой-

ный курс, если такой возможен на Изнанке. Лиса чувствует, что давление нормализовалось. Вдыхает воздух полной грудью. Он дышит свободно и громко. Огонь в легких утихает. Все хорошо. Он все еще жив. Не разбился и не уничтожен стихией.

– Эй, – она вновь теребит его по плечу.

Парень оглядывается. Видит обеспокоенную девушку. Вымученно улыбается ей. Анарин расслабляется. Все уже позади.

Он прекрасно знал, что шлем с защитой был один. Никто не дал запасного. Ни одно зрение не могло спастись от переходной волны. Для путников она не так опасна, как для других, но и им она делает много мерзости в своем свете, даже у самого Потока. Лисе однажды пришлось такое выдержать, второй раз – спасибо увольте.

– Я всегда думал, что Эос нумеруют без повторов, – проговорил он наконец.

– Ага, – усмехнулась Анарин, глядя на него, – где-где так и делают, только не у нас. У мастеров, где заказывали сердце, были, мягко говоря, странные представления о реальной грамматике написания старых цифр. Ты же знаешь, их использование в первых аппаратах было весьма распространенным.

Лиса утвердительно кивнул.

– Вот оно откуда.

– Точно, – поддакнула ему девушка. – У Курта была Эос-

XIIV, а наша Эос-XIII. Цифры одни и те же по сути, а написание разное. Вот из-за этого-то и получилась подобная ерунда. Корабль Курта был забит лишь на двоих после последних махинаций Шиско. На него и Ласточку, а наш – на четверых, притом с оговорками. Ты же в курсе правил о живых сердцах?

– Еще бы, – заверил он.

– Тебе везет, – подметила Анарин. – Точно Андрейко над всем этим подшаманил. Подшутил, перепутав кости судьбы, тем самым спас наши жизни. Могу тебя заверить, что мы идем на всех парусах под счастливой звездой.

Он улыбнулся. Путница ведь действительно спасла его. Хорошо, что все-таки они встретились и никто не пострадал, заводя этот корабль. Что до другого крылатика, которому засунули другое сердце, маг не знал, как сложилась его судьба. Как бы то ни было, все уже позади.

11:15

– И все равно я считаю, что нам следует вернуться к серкулусу, – нудное бурчание Андрейко за спиной понемногу начинало действовать на нервы Крысе.

Парень бросил косой взгляд на Ветерка, но тот был настолько увлечен рассматриванием каменной кладки пола, что, по-видимому, его посылы так и не донеслись до сознания увлеченного своим делом путника. Тот сидел на корточ-

ках и, подперев локтем подбородок, водил тонкой палкой, которую держал в левой руке, по каменным узорам.

Крыса даже не пытался понять весь смысл действий Ветерка, но вот осознание того, что они тут попросту теряют время, его просто убивало, как, впрочем, и всякое бездействие.

– Эй, – не без раздражения обратился он к Ветерку, – может, мы все-таки вернемся? Мы и так все, что могли, здесь осмотрели. Куда дальше-то двигаться, если мы в тупике?

– Подожди, – отозвался путник. – Мне кажется, мы все-таки что-то упустили.

Крыса возвел глаза к потолку, не в силах больше высказывать свои разумные мысли. Абсолютно бесполезное занятие. К тому же сейчас.

Он прекрасно помнил, каких сил им стоило добраться до этого места. Они чуть не потеряли друг друга, когда начались толчки. Последовавшая чреда обвалов. Метание из-за веерных отключений. Сумрачный свет автоматического освещения. Мигающий и непостоянный. Ненадежный. После этого они долго кружили по лабиринтам их Гильдии. С трудом нашли проход. Пробрались сквозь покореженные двери. Хорошо, что хоть стены устояли. Не разрушились. Но обшивка… Она, как и многое другое, почила в лучшем мире.

Так чреда землетрясений, начавшаяся еще утром, продолжилась. Андрейко уж слишком громко высказался по этому поводу. Сам Крыса об утренних толчках слыхом не слы-

шал, и то, что они попали под сейсмическую волну, стало для него очередным внеплановым злоключением в чреде событий, уже произошедших за сегодня.

Но теперь… Они убивали время за абсолютно бессмысленным занятием. Очередная глупость в духе Пути.

Длинноволосый парень совершенно не понимал, почему еще не покинул восвояси этих двоих. Он нутром чуял, что там – наверху, он нужнее. Внутреннее чувство кричало, что там какая-то передряга, но он так и не вслушался в призыв. Остался. Прекрасно знал, что обойдутся и без его участия.

– Тебе еще не надоело? – поддел Ветерка Крыса.

– Нет, – беззлобно откликнулся тот.

– Мы уже здесь битый час торчим, – как бы между прочим заметил Крыса, – не думаю, что если постоять на этом перекрестке еще пару минут, что-то изменится.

Ветерок на этот раз на его реплику даже не удосужился ответить. Он упрямо продолжал сверлить взглядом пол.

Крыса отвел глаза. Решил про себя более не доставать упрямца. Хотя ему и казалось, что действия товарища – безрезультатная трата времени. Он не стал ввязывать путника в глупый спор. Остался при своем мнении.

– Ты можешь еще раз глянуть? – Ветерок не просил, скорее указывал.

– Да мы же уже раз десять все просматривали, – нехотя ответил парень. – Лазили по всем углам и сверлили глазами стены.

– Прошу тебя, Крыса, посмотри еще разок.

– Последний?

– Думаю, да.

– Отлично, – вздохнул темноволосый. – Ты слышал, сержант? Я осматриваю теоретическое место преступления, а затем айда к серкулусу на ковер.

– Давно бы так, – сварливо отозвался Андрейко.

– Ей-ей, – устало протянул Крыса. – Но имей в виду, – обратился он к истинному, – это действительно последний раз. Больше никаких «давайте еще раз осмотрим». Договорились?

– Ветер в помощь, поступай, как знаешь, Крыса.

– Еще скажи, что не несешь никакой ответственности за последствия. Меня это взбодрит.

– Не несу.

– Пункт два-семьдесят от Второй Волны, – уверенно подтвердил слова Ветерка Андрейко. – Закон о ненанесении вреда.

– Чтоб вас всех!

– Ты как всегда добр, Крыса.

– Уж, какой есть, Ветерок.

Парень прикусил нижнюю губу. С Ветерком надо всегда следить за языком. И за своим, и за его. Это как аксиома, не требующая доказательств. Иной раз просто удивляешься, отчего он не алеги.

Легкое дыхание близости Изнанки, дымчатый туман пе-

ред глазами, тусклые цвета и яркие отголоски древней магии, пропитавшей Лабиринт множество веков тому назад. Все это так упорно и бесповоротно запуталось между собой. На этом слое.

Он не стал опускаться глубже. Там нечего искать, если ты не маг или же поблизости нет ореан. Да и невозможно в принципе. Лишь в общем зале да за пределами Лабиринта возможно разорвать реальность. Отсюда же он не мог попасть на пепельную землю, но заглянуть украдкой в один из ее более реальных слоев – мог. Это особый дар эронийской крови. Они могут видеть сквозь Туман, а ведь он – по сути, один из покровов Изнанки. Хотя абсолютно черные глаза никогда его не красили. К тому же, это одно из природных умений эрони вселять панический страх в тех, кто оказывается рядом с ним, да и алеги за этот их дар столько веков у них кровь пили, что просто не счесть, хотя такая обоюдоострая ненависть у этих двух рас едва ли ни с молоком впитывается.

– Что видишь? – Крыса чувствует на себе взгляд Ветерка.

– Да все так же, как и прошлый раз, – отвечает длинноволосый парень. – Линии, эхо нитей, следы старой магии, пятна золотистой охры от пролитого некогда зелья, разорванная клякса, следы погружений путников, завихрения потоков… Ничего ровным счетом не изменилось, Ветерок.

– Нет, там что-то должно быть. Что-то должно же ведь остаться!

– Могу поспорить, что до землетрясений тут уже побы-

вали роботы-уборщики, – заметил Крыса, по-прежнему рассматривая видимую лишь ему одному сторону реальности. – Они давно здесь все хорошенько вытерли и заполировали. В этом они непревзойденные мастера.

– Не думаю, что хоть что-то они нам не оставили.

– Ну, не знаю, – пожал плечами темноволосый путник.

– Давайте быстрее, господин Крыса и господин Ветерок, иначе мне достанется от серкулуса за то, что я вас вовремя не привел к нему.

– Ты говорил о зелье, – обратился к Крысе Ветерок.

– Ага.

– Ты можешь осмотреть его получше?

– Как отпечаток игл Миарлиния, россыпь призрачных бус, рассыпчатый след из настойки Большого Тома и…

– Крыса!

– Понял. Без проблем. Сейчас выдам результат.

Парень безнадежно начал повторять привычные действа. Поддевать тонкую грань реальности. Прорезать ее. Аккуратно. До невозможности осторожно, чтобы не задеть тонкие нити сукна бытия. Он уверенными движениями отделил нужный след. Начал распутывать. Тонкие нити гасли под его взглядом. Отпадали. Тлели. Рассыпались в прах. Грустное занятие. Скучное и неприятное. Он считывал информацию. Ничего существенного. Еще одна неудача.

Клубок практически догорел, когда он внезапно что-то почувствовал. Что-то едва заметное. Еле уловимое. Он, ве-

домый провидением, откинув голову назад, посмотрел наверх, куда вели нити.

– Эй, куда это ты смотришь, Крыса. – Видимо, Ветерок, все же, удосужился поднять голову и взглянуть на темноволосого парня.

Тот же удивленно рассматривал представившуюся его взгляду картину, при этом думая о том, что если бы не его эронийские корни, он вряд ли бы когда-нибудь такое увидел. Вместе с этой мыслью он сразу же вспомнил Лису. Его напарник всегда утверждал, что это единственное, что оправдывает жизнь эрони как нации. Их глаза.

Жаль, что мага нет рядом. Они так и не сумели добраться до него. Но отчего-то Крыса был уверен, что его напарнику сейчас неплохо. Еще одно провидение?

– Вот тебе на, – выдох восхищения со стороны Ветерка.

Он тоже увидел то, что и Крыса. Ведь парень вывел в реальность остаточный след. Последнее эхо почившего времени разгорелось на потолке. Мгновение – и росчерк нитей погас, точно его и не было.

– Ну, надо же, – пораженно отозвался Андрейко.

– Вот видите, – с чувством выполненного долга сказал Ветерок. – Тут, оказывается, действительно есть над чем поломать голову.

11:30

Они мчались вперед. Старались ухватиться за опаленный след. Вслед за хвостом разгоревшейся кометы. Ведомые праведным гневом, они бороздили просторы самой тонкой грани между мирами. Пытались догнать обидчика. Настигнуть среди бескрайних потоков. Разнести на сотни осколков. Отомстить.

– Поправка! – чуть ли не во весь голос проорала в динамик Микуна. – Поправка! Чтоб тебя в темноту ветер унес, соколик ты недощипанный. Погрешность Бройса! Слышишь меня, Сморчок? Погрешность Бройса, чтоб тебя разорвало турбиной пополам и кишки в гидравлическом прессе размазало. Шасси в голове прочисти! Повторить? Что ты там вякаешь, самоубийцы кусок? Килем тебя по фюзеляжу! Ты хоть понимаешь, куда нас толкаешь, осел восколобый? Не видишь траектории? Совсем ослеп, карбюратор тебе в селезенку? Тебя что, ничему не учили, ошибка вселенной? Да? И повторю, Сморчок! Подавись уселком! Эос в глотку засунь, чтоб легче стало! Что усек, биплан бескрылый! Сам себе броню спали, и залейся своим биотопливом!

Бора передернуло. Он не любил ругань. Ему в жизни и так с лихвой хватало Соши, но Микуна, порой, в цветастости красноречия превосходила мастера-механика.

– Ты отвлекаешься от курса, – жестко поправил он разо-

шедшегося второго пилота.

– Сам следи, – огрызнулась девушка.

– Прекрати так обращаться к старшим по званию, – гаркнул на нее Бор. – Или хотя бы убавь обороты, пилот.

Она оскалилась и вновь, не обращая внимания на его замечание, принялась распинать по связи соседний летный отряд.

Путник нахмурился. Он примерно понимал своего второго пилота. Командор как раз недавно читал о состоянии аффекта и практически был полностью уверен в том, что Микуна подвержена его влиянию. Пережитый ужас на плаце отразился на ней не самым лучшим образом. Бор воспринимал все по-другому. Сказалась разность культур и мировосприятия. Но и ему тоже, по-своему, было тяжело. И если Микуна выплескивала свои эмоции на товарищах-пилотах, то у его народа не принято было опускаться до подобного. Нельзя терять голову. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Он знал, что им следовало идти по ветру, забывая о собственных интересах. К тому же он – глава летного крыла. Путник как никак. Она – нет. Таких, как она, в Гильдии Ветра звали подзащитными. К тому же, все-таки девчонка.

– Пять градусов! Ты ошибся на пять градусов, Бромур Туркун! Разве не видишь? – отвлекла командора от раздумий Микуна.

– Два и три с четвертью. Не пять. Поправка на полотно.

– Пять градусов!

– Ты не берешь в учет природу ткани и ослабление верхнего потока у границ.

– Пять градусов! Из-за твоего бахвальства, Туркун, мы потеряем скорость на семь единиц. И не говори потом, что не предупредила тебя, когда мы застрянем в перекрестном свечении у самого предела.

– Я не собираюсь с тобой спорить, Микуна. Лучше просчитай курс от Альты до Мирры по касательной через край изнаночного полотна. Будь добра.

– Дурак! – в своей привычной манере откликнулась она.

Потому она и летела с ним в экипаже. Остальные пилоты ее, так сказать, недолюбливали. Мягко говоря. Он видел это. В своей манере, конечно. Не зря убивал столько времени за книгами. Но она хороший пилот. Это нельзя недооценивать. Ему по душе, конечно, больше летать в компании с Ласточкой. Алеги всегда спокоен, молчалив, немного угрюм. Прекрасный напарник в долгих перелетах.

Но Бору пришлось лично оставить его в резерве. Кто-то же из нынешних асов должен остаться на твердой земле. К тому же Ласточка один из немногих старожил. На их языке это значило, что алеги летает не по кромке, а над самой пустынной серой землей. Даже командор опасался подобных полетов, хотя и был путником. Небо там обманчивое. Неспокойное. Тяжелое. Лететь над бескрайним простором пепла полнейшее самоубийство. Он проглотит твою душу без остатка. Высосет ее. Сокрушит. Ты даже не заметишь,

как станешь мертвецом. Вот только раньше все так делали. Летали через Изнанку. Слишком многих в те времена прибрала к себе холодная пустыня. Кто выжил – ушел, едва не потеряв душу. Шутки времени плохо лечатся. Изнанка убивает. Кто раньше был непревзойденным пилотом – теперь редко касается облаков. Бромур Туркун до сих пор помнил тех, кто так и не вернулся. Серая земля тянет к себе путников. Заманивает. Губит. Там много безымянных могил. Огненные отсветы небес околдовывают, заставляют возвращаться. Они изводят истинных. Опасное место. Бор знал по себе, хоть в то время уже не так часто летали, касаясь извечных потоков Изнанки. Поэтому он заставил алеги остаться. Оно того не стоило. Командор знал, что его товарищ не удержится и нырнет за грань. Захочет вновь увидеть небо. Зов крови. Путников гробит лишь она одна.

Бор четко понял приказ. Его дали, едва на землю осел огненный пепел. Общий приказ на все Гильдии. Ведь теперь это стало их общим делом. Плац практически уничтожен. Есть погибшие, раненые, пострадавшие в магическом огне. Их общая честь задета, оттого каждый из Гильдии жаждал реванша. Своего собственного маленького отмщения.

Их четверо. Двое в одном крылатике, с которым на связи была Микуна, двое – они сами. Рядом – десятка три кораблей миротворцев. На их борту стражи Эрэма. Лукреция дала оружие. Она редко посылала в такие экспедиции своих людей. Лишь предоставляла необходимые средства. Извечные

подводные камни Гильдий. Иначе и быть не могло.

Хорошо, что никто из его подопечных не был истинным. Подзащитные не слышат зов Изнанки и не могут войти в ее чрево. Командор не думал, что то существо, которое они преследовали, сможет последовать примерам истинных. Ничто не может зайти в древний мир, кроме самих детей Пути, но двигаться по его кромке – пожалуй. Бор знал, что грань видят все. За ее предел заглянуть может лишь он один. Эхо следа – по ту сторону реальности. Ему приходится следить за ними обоими. Реальным следом и его оттиском на верхнем небе Изнанки.

Как гончие они преследовали своего обидчика. Пытались не упустить свою цель. Догнать. Даже если она ведет в неизвестность. Сквозь туманности и вечную мглу. Они жгли горючее и двигались полупогруженные в темноту обратной реальности. Глаза устало выедали остывающую тень демона. То появляющуюся. То вновь исчезающую. Казалось, этому не будет конца. Мчались во весь опор, по самому кончику лезвия, едва не вываливаясь в извечные сумерки высохшего древнего океана.

Бромур Туркун чувствовал подступающую усталость. Держался.

Очередная турбулентность из-за близости Изнанки. Их немного тряхнуло. Микуна по привычке ругнулась. Он не слышал, что именно она говорила. Ему было не до этого. Он заметил его. Наконец-то заметил.

– На пятьдесят и шесть четвертей по нижней структуре.

– Что?!

– Быстро на пятьдесят, Микуна. Я приказываю! Сообщи Сер… Сморчку, что мы идем по иной траектории по обратному следу. Немедленно проинформируй и его, и союзников. Я нащупал темную ветвь.

– Какого крылатика! Ты сбрендил, Туркун!

– Немедленно, Микуна.

– Как скажешь, командор, – отчеканила она. – Сморчок, мать твою за подшипник и вверх тормашками, наш командор лишился последних мозгов. Он уходит в сторону. Что? Да, на пятьдесят и шесть четвертей. Нет, мотор ты долготягий. Нет, вы остаетесь. Что? Сам ты птицелов-любитель, свечкодав-орнитолог. Вы остаетесь, говорю. Что? Да. Так и есть, Сморчок. Что? Винтом тебе вообще голову снесло? Нет. Да.

Она говорит и говорит.

Бора это начинает раздражать.

Он уже успел за это время предупредить Орреаса, командира миротворческой эскадрильи. Серьезный человек, уверенный и непоколебимый – такой не будет баловаться регатами и прочими мальчишескими играми. Орреас выделил ему в хвост четыре экипажа во главе с Онко. Молодым алеги из дома Анксинаю. Они будут дышать ему в спину, летя вслепую. Миротворцы, как и спутники, не могут видеть Изнанку.

След разделился. Как Бромур Туркун и предвидел.

Он разлетелся, чуть ли не в противоположные стороны.

По верхнему – видимому – полетел Орреас и подопечные Бора, а по нижнему – предизнаночному – он сам и группка Онко Анксинаю.

Практика показывала, что большинство из таких следов, по своей природе, слепы и ведут в никуда. Обрываются и застывают отголоском. Это лишь эхо, но и его нужно проверить. К тому же, экая странность, чтоб демон имел два непараллельных следа. Притом так глубоко – чуть ли не вторгаясь в саму Изнанку. Небывалое дело. О таком он только слышал. Очень давно. От Соши. Она говорила, что раньше многие эхо уходили на серую землю, в клочья, прорезая темные облака. Сумеречные шаги – так их, кажется, называли.

Командор сглотнул, терзаемый нехорошим предчувствием.

Что-то ему подсказывало – это еще не все. Еще далеко не все сюрпризы, приготовленные ему сегодняшним днем.

11:45

– След разделился, – сообщил присутствующим по громкой связи командор Орреас. – Мы следуем за видимой его частью. Экипаж Бромура Туркуна и четыре корабля общей миссии во главе с Онко Анксинаю идут по невидимому отпечатку.

– Спасибо, командор, – зычно ответил ему правитель

Гильдии Огненного Вихря. – Следуйте за установленной целью и также оповещайте о каких-либо изменениях в движении.

– Слушаюсь, господин Рэрос.

– До связи, командор.

– До связи, господин Рэрос.

Голос смолк. Шумы от далеких волн, несущих через пространство речь командора Орреаса, бесследно пропали. Экран медленно потух. Недавно говоривший мужчина исчез.

Так все начинается и так же все заканчивается. Неотвратимый оборот коловращения. Начало положено. Импульс привел в движение механизм. Осталось дождаться, когда заскрипят колышки жерновов, размалывая под собой чужие судьбы. Тонюсенькие зубчики захватят их в непостижимую чреду случайностей. Они двигаются неотвратимо. Слепо. Безнаказанно. Измельчая в тлен чьи-то желания, стремления, мечты. Их тихий мир пришел в движение. Вновь и вновь прогоняя через себя дыхание вечной мглы такой далекой и невероятно близкой Изнанки.

Катарина знала это. Она давно покорилась своему Пути. Последовала вслед за своим предназначением. Спокойно и твердо, как и подобает правителю, помнящего слова полузабытых заветов.

Теперь, когда главы Гильдий были призваны на внеочередной Совет, все должно было наконец-то встать на свои

места. Экстренное совещание среди великих правителей в нынешнее время весьма редкое зрелище.

– Мы слишком долго купались в спокойствии и мире, – правитель Гильдии Огненного Вихря высокопарно обращался ко всем присутствующим. – Мы поплатились с лихвой за все свои оплошности. За ту безалаберность, с которой начали относиться к нашему общему делу. Полное выключение даже низкочастотных барьеров никогда не было допустимо. Я не раз обращал на это внимание на предыдущих Советах. Не обращал на такое явное пренебрежение безопасностью ваше внимание, и то, что сегодня произошло, – прямое следствие вашей недальновидности.

– Ослабление нижнего фона – необходимость, – попытался вразумить Рэроса щуплый серолицый алеги. – Без подобных допущений невозможно было выполнить необходимые маневры. Это повлекло бы определенные недоразумения и сбои программ, а может, привело к еще более худшим последствиям. Если бы пилотами оказались путники, я конечно же имею в виду истинных, то подобного отключения удалось избежать. Вот только их не было в экипаже.

– Я знаю, о чем ты говоришь, – резко сказал ему миротворец, – а также прекрасно представляю, как функционирует щит. Поэтому могу задать тебе встречный вопрос, Триэн. Тебе и твоей Гильдии Каменного Дола: почему вы не запустили поддерживающую защиту? Ее ведь включают для подпитки отключенного вами барьера как раз для того, чтобы защита

Лабиринта даже частично не выключалась.

– Нас не предупредили, какие трюки намерены исполнить ваши пилоты до начала испытаний, – уверенно ответил правителю Мира камнедержец, – оттого мы и не включили поддержку.

– Мы отправляли вам запрос, и вы его подтвердили, Триэн! – громогласно заявил Рэрос.

– Он прибыл с большим опозданием, едва ли не после инцидента, – скупо сообщил ему посланник Лукреции.

– Ты хочешь сказать, что он задержался на шесть часов? – жестко перебил алеги правитель Гильдии Огненного Вихря.

– Я ничего не хочу сказать. Это официальные данные. Ваш запрос прибыл к нам без четверти одиннадцать по местному времени. Могу предоставить, если необходимо, подтверждающие это событие данные.

– Что ж, мне было бы интересно на них посмотреть, Триэн. Да, и еще одно, не в обиду будет сказано, – теперь уже Рэрос перевел взгляд на главу Пути, – но последнее время в твоей Гильдии, Катарина, слишком уж много утечек. Это недопустимо в нынешние времена.

– Неужели, – с долей скептицизма произнесла женщина, глядя в светлые глаза миротворца.

– Ваше хранилище ненадежно, – подчеркнуто выделил каждое слово правитель Гильдии Огненного Вихря. – Последний случай яркое тому подтверждение.

– Неужели, Рэрос, со времен последней Волны ты резко

решил изменить свое мнение?

– Мир меняется, Катарина. Нельзя вступить в одну и ту же реку дважды. Тебе ли не знать это. Время никого не ждет. Ни нас, ни их. Даже самые сильные со временем теряют свое могущество. Гранит точит волна, а заклятия – подводные течения самой реальности. Они стираются. Ты ведь и сама это понимаешь.

– Я полностью согласен с тобой, Рэрос, – негромко произнес до этого упорно не вмешивающийся в словесную перепалку Эрэм. – Ныне Резервация Гильдии Ветра стала представлять собой угрозу. И да, за последнее время у вас действительно слишком уж много утечек.

– Это наше внутреннее дело, Эрэм.

– Это уже не только ваше внутреннее дело, Катарина, – качнул светлыми вихрами миротворец. – Ваша Гильдия перестала справляться с возложенной на нее ответственностью. У вас просто некому регулировать доступ к Резервации. Нехватка кадров сказалась на состоянии вашей защиты. Я не виню в этом ни тебя, ни твоих людей. Вы пытаетесь справиться теми силами, которые у вас есть, но я хочу подчеркнуть – у тебя уже нет тех мастеров, что были прежде. Вас стало слишком мало со времен последней Волны. Она чрезмерно прочистила ваши ряды. Многих утянула к себе Изнанка, – он замолчал, опустил голову, задумался, затем поднял ее и, глаза в глаза, глядя на Катарину, процедил: – Скажи мне какая доля истинных путников среди нынешних жите-

лей Гильдии Ветра? Сколько их осталось? Сколько?! Скажи, Катарина. Ответь на мой вопрос.

– Нас достаточно, Рэрос.

– Достаточно… – он тяжело вздохнул. – Катарина, вас меньше двадцати! И это с учетом тебя самой, – он опять смотрит на нее в упор. – Ваш Путь кровожадно собрал свою дань. Его дети исчезают, и им нет замены.

– Мы существуем вне времени, Рэрос! Не забывай это.

– Вы не бессмертны. Вот в чем дело. Рано или поздно у тебя не останется последователей. Смотри, в распоряжении Эрэма тысячи стражей. В моем – десятки тысяч. У Лукреции более семи сотен настоящих подданных. Твоя горстка неспособна уберечь наш оплот – Лабиринт – от скрытой в ваших застенках незримой угрозы.

– Я повторяю, Рэрос, нас – достаточно.

– Вас достаточно?

– Ты слышал мои слова.

– Я знаю о вашем общем даре, Катарина. Знаю, чем вы поплатились за него в последнюю Волну. Я не упрекаю. Только довожу до сведения. Сейчас слишком опасно. Четвертый мир не дремлет. Очередное противостояние не за горами. Это неизбежность. Я не хочу, чтобы мы воевали на два фронта. Совет, – его голос сразу же зазвенел от внутренней силы, – я обращаюсь с просьбой ввода миссии на территорию Гильдии Ветра с целью недопущения возможных выбросов из Резервации. Хранилище должно охраняться нашими об-

щими силами. Путь более неспособен оберегать его, опираясь лишь на свои собственные резервы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.